Антология-2 публикаций в журнале "Зеркало"

Алексей "фон Раух" Смирнов

SHOUT
SHARE
IT

ПРЕДТЕЧА НОВОГО МОСКОВСКОГО МИСТИЦИЗМА

«Как прозаик, я достигаю плеча своего отца. Как поэт, я запоздалое дитя Блока, он ведет меня за руку».

Даниил Андреев

Мне пришлось быть знакомым с двумя последними русскими поэтами-символистами: Даниилом Леонидовичем Андреевым и его старшим другом Александром Викторовичем Коваленским.

Александр Викторович был старше Даниила Леонидовича, он был женат на родственнице его матери, жил с ним в одном доме

и определенным образом влиял на Андреева. Коваленский был в родстве с Александром Блоком, который бывал в родовом имении Коваленских Дедово Звенигородского уезда. С Коваленским я несколько раз встречался после его возвращения из ссылки и у него дома в Лефортове, и в Перловке, куда он приезжал к моим родителям. Домашними учителями Коваленского были поэт Эллин (Кобылинский) и Б.Н.Бугаев — Андрей Белый, который однажды, зачитавшись, по неосторожности сжег библиотечный флигель в Дедове, о чем Коваленский сожалел и в преклонные годы. От Дедова после революции уцелел только один старинный дуб перед домом.

Близким знакомым Александра Блока был отец Даниила — писатель-символист Леонид Андреев, которому посвящена одна из лучших критических статей Блока. Так что под влиянием Блока и его родственника Коваленского, тоже поэта-мистика, прошло все становление Андреева-сына как поэта и мыслителя.

В эмиграции традиции символистов одного поколения с Коваленским продолжали Адамович, Георгий Иванов. Оказавшийся в эмиграции единоутробный брат Даниила Вадим Леонидович, тоже поэт и прозаик, развивал традиции символизма: встретившись перед смертью с Даниилом на Оке, Вадим был поражен сходством их поэзии.

С детьми от второго брака отца «старшие» Андреевы не были духовно близки. Можно сказать, на моих глазах погибли два последних русских символиста, погибли, не оставив ни учеников, ни последователей. Нить оборвалась. Я только свидетель, осознававший безвременную гибель последних «ирокезов» русской культуры.

С Даниилом Леонидовичем был хорошо знаком мой отец — художник Глеб Борисович Смирнов. Они познакомились в Крыму в Судаке в самом конце двадцатых годов на раскопках профессора Фомина. Профессор Фомин, руководивший раскопками Генуэзской крепости, был близок с профессором Строгановым и его женой Надеждой Александровной, бывшей душою большого кружка русской интеллигенции, куда входили и мой отец, и Даниил Андреев. Даниил Андреев учился в одной школе (после частной гимназии) с дочерью профессора Киселева Зоей Васильевной, хорошо знавшей Коваленского и всю семью покойной матери Даниила Леонидовича -старинную семью московского врача Доброва, вырастившую Даниила. И Вадим, и Даниил были сиротами, мать Андреева умерла от послеродовой горячки, родив Даниила, а отец-писатель умер от болезни сердца в Финляндии вскоре после революции. Зоя Васильевна Киселева была ближайшим другом Андреева и единственным подлинным

другом Коваленского. Обоих она проводила в последний путь, ухаживая за ними в период болезни. Глубоко религиозная женщина, Киселева была непостриженной монахиней в миру. Мой отец последние двадцать лет своей жизни, увлекшись проблемами становления художественного образования в Москве, несколько отошел от друзей своей молодости с их мистическими настроениями, и чаще с Киселевой и с Коваленским уже после смерти Даниила Леонидовича встречался я.

Однажды на площади Пушкина в солнечный день я встретил двойника Даниила Леонидовича, как оказалось, его брата Вадима Леонидовича. Пораженный сходством, я подошел к нему, представился и разговорился. Жена Вадима Леонидовича была родственницей реэмигранта В.Б.Сосинского, который у меня бывал в мастерской. Я познакомил Вадима Леонидовича с моим отцом. Они несколько раз встречались и даже однажды устроили совместный вечер у небезызвестной окололитературной дамы Е.Ф.Никитиной. Отец показывал там свои пейзажи, а Вадим Леонидович читал стихи. В тридцатые годы отец, Андреев, художник Мусатов-Ивашов (потомок декабриста) были очень близки и часто встречались в самых разных домах их круга. Даниил Леонидович три года (34, 35, 36) часто жил летом в Перловке во флигеле на нашей даче.

Сохранились и старые фотографии той поры. Я, родившийся в 1937-м, мальчишкой часто видел Андреева в нашей квартире на Никольской и всегда чувствовал, что это особенный человек, постоянно общавшийся с потусторонним миром, — его мирская оболочка была хрупким сосудом мистического сосредоточения. Таким же человеком -сосудом Грааля — был и Коваленский. Но Коваленский, в отличие от восторженного, увлекающего Даниила Леонидовича, был врожденный большой барин, чуть ироничный, чуть лукавый, он обо всем вспоминал с полуулыбкой. Его революция застала эстетом-денди, блестящим богатым молодым помещиком, одним из первых дореволюционных московских автомобилиаов и человеком, посвященным с детства в высшие мистические тайны. В другую эпоху он был бы очень заметной фигурой. К большевикам он приспосабливаться не пожелал, оставаясь в тени ради самосохранения. Он вспоминал одного француза, который на вопрос: «Что вы делали в годы террора?» отвечал: «Я оставался жив». Зная несколько европейских языков, бывая с детства за границей, Коваленский зарабатывал в тридцатые переводами Ибсена, Выспянского и других предтеч символизма. Его переводы переиздавались, даже когда он был в лагере. Жизнь и Коваленского, и Андреева сломало «дело Андреева», созданное бериевской Лубянкой из воздуха. Андреев

написал правдивый роман из жизни независимой русской интеллигенции при большевиках «Странники ночи». Само название определяет тональность романа. Андреев считал, что его проза значительнее поэзии, о чем он неоднократно говорил моему отцу: «Глеб, как прозаик, я достигаю плеча своего отца. Как поэт, я запоздалое дитя Блока, он ведет меня за руку». Андреев-поэт стал в зрелые годы прозаиком, как Бунин и Белый, и как стал бы прозаиком Блок, поживи он подольше. Поэт, сделавшийся прозаиком, обычно имеет иное отношение к ритмике изложения. Гибель «Странников ночи» в недрах Лубянки — крупнейшая утрата русской литературы двадцатого века.

На квартире Андреева были читки романа, куда иногда попадали случайные люди, донесшие НКВД о подозрительных ночных сборищах. Коваленский был против этих читок, считая их путем к гибели, что и случилось. Арестовали всех, кто бывал на читках, и объявили их участниками мифического заговора. Был арестован и Коваленский. Весь его архив был конфискован и сожжен, погибло все его творчество. Изъят был и андреевский архив и огромная, составленная тремя поколениями библиотека. В рояле добровской гостиной были спрятаны документы и письма, среди них более ста неизданных писем Горького к Леониду Андрееву. Они тоже погибли. В ссылке умерла жена Коваленского. Сам Андреев и Коваленский пережили в тюрьме тяжелые инфаркты и прожили после выхода на свободу очень недолго. Коваленский прожил дольше. Он мне передал единственный сохранившийся довоенный цикл своих стихов «Отроги гор». Коваленский написал очень интересную книгу о своих мытарствах в лагерях с вкраплениями воспоминаний о своей молодости. Где сейчас рукопись, я не знаю. Квартиры у Коваленского после возвращения не было, и он жил, как он сам говорил, «нахлебником», в семье своих еще гимназических друзей в Лефортово, где я у него и бывал.

Попытка создать новую семью кончилась для него трагически, и он умер. В прошлом году в возрасте почти 90 лет умерла и подруга их юности Зоя Васильевна Киселева, и с нею вместе ушло в небытие целое созвездие самобытных русских людей.

Д.Л.Андреев и Г.Б.Смирнов летом 1935 г. на даче Смирновых (публикуется впервые)

Чем особенно ценны и дороги Коваленский и Андреев? Тем, что они развивались в России в среде внутренней эмиграции вне советской культуры, не вступая с нею в контакт. В этом их уникальность. Они писали свои стихи и прозу без всякой надежды на публикации. Это была последняя на территории России

свободная русская литература. Не были они и раскаявшимися блудными детьми советской литературы. Когда Корней Чуковский, хорошо знавший семью Андреевых, хотел напечатать стихи Даниила Леонидовича, то говорил: «Два ваших подлинных стихотворения, а два — подленьких», то есть угождающих советскому режиму, на что Андреев ему ответил: «А подленьких у меня нет». Коваленский и Андреев были последними после Бунина дворянскими русскими писателями, оставшимися в России. Прадед Андреева был орловский предводитель дворянства, сошедшийся с таборной цыганской певицей. Отсюда любовь Андреева к Индии и внешность индийского принца, по воспоминаниям Киселевой, помнящей его в юности. Вторично, уже взрослым молодым человеком, я познакомился с Андреевым, когда он со своей женой Аллой Александровной жил у отца в Перловке после возвращения из Владимирской тюрьмы. Помню, как он ходил босиком, убирал листья в нашем осеннем саду. Тогда он писал «Розу мира». Андреев был уже не тот, что раньше. Сухое, выточенное лицо аскета, седеющие волосы, трагический взгляд. Читал стихи он глухим, слегка надтреснутым голосом, но он был полон жизни, энергии. Речь Андреева была одним сплошным монологом пророка. Смерть его была для всех неожиданна. Брат Даниила Андреева Вадим Леонидович, с которым я общался отдельно от родителей, был для меня частью белой русской эмиграции, которая меня тогда очень интересовала, и мы мало с ним говорили о поэзии, больше о судьбе белого движения, в котором он участвовал юношей. В поэзии я уже тогда был несколько иной веры. Переболев символизмом, я увлекался обэриутами и французскими сюрреалистами Аполлинером, Бретоном, Элюаром, а о них Вадим Леонидович говорил с неохотой, хотя и жил в годы их творчества во Франции и даже был знаком с Полем Элюаром, женатым на русской. Он, так же, как и его брат, был весь в прошлом великой русской литературы, но тогда еще живой советской жизнью очень интересовался, воспринимая ее несколько апокалиптически. Мы с ним много ходили по переулкам Таганки, где у меня тогда была мастерская, и любовались с холмов над Яузой закатным Кремлем. Говорили с ним и о его брате Даниле и его трагической судьбе. С нами бывал его свояк В.Б.Сосинский — едкий, умный старик, так же, как и Вадим Леонидович, долго живший в Америке, в молодости — участник многих политических заварушек белой эмиграции.

Даниил Андреевич рассказывал, что в его аресте сыграл роль провокатор, под видом столяра книжных полок проникший в квартиру. Он говорил моему отцу: «Глеб, это такой милый и

дешевый человек, возьмите его работать к себе», но отец из-за подозрительности уклонился. В нашем архиве уцелели некоторые письма Андреева, собственноручный альбом его стихов, единственный список поэмы «Монсельват», отдельные старые фотографии. После возвращения из тюрьмы Андреев переписывал эти стихи, у него самого они не сохранились. Моя мать, добрая женщина, особенно любила Даню и о нем всегда заботилась, воспринимая его как немного странного человека не от мира сего. Да он и был от мира иного. Его книга «Роза мира», о которой я только слыхал и которую прочитал относительно недавно, поразила меня некоторыми прозрениями — в ней есть черты будущей всемирной религии. Андреев — человек будущего. Он — один из тоненьких мостиков из прекрасной погибшей России в ее прекрасное будущее. Это был человек вне быта, вне буден жизни, он весь — праздник духа. А реальная его жизнь была бесконечно тяжела, и под этой тяжестью он безвременно и погиб. Только близкие ему люди знали, как всю жизнь он нуждался, как большую часть своего времени тратил на бессмысленные шрифтовые работы. Для творчества у него оставалось очень мало времени. Коваленский был сформировавшийся до революции поэт, продолжавший писать в советское время. Он более ояочен и закончен, чем Андреев, который сформировался как личность уже в советский период. Поэтому творчество Андреева ближе людям, живущим в современной России, преодолевающим сопротивление бездуховного общества. Мой отец написал большой портрет Андреева в 1935 году во время их интенсивной дружбы и постоянного общения. Этот портрет висел у Андреева и был конфискован со всем его имуществом при аресте. Вторично отец рисовал карандашом Андреева в профиль, когда он жил у нас в Перловке после возвращения из тюрьмы. Этот рисунок сейчас в Орле в музее орловских писателей. Перечитывая «Розу мира», я много думал об Андрееве, он — часть моего детства и юности, часть молодости моих родителей.

Письма Даниила Андреева к Л.Ф. и Г.Б.Смирновым

Алексей Смирнов. Портрет Д.Андреева

Дорогая Любовь Федоровна, и радостно и горько было получить Ваше письмо, такое доброе и такое измученное. Я не подозревал, что Вам и Глебу Борисовичу пришлось перестрадать столько — таких страданий и тревоги хватило бы на целую жизнь. Вы пишете о пережитом сдержанно, но между строк можно прочесть, сколько Вы оба перенесли за этот сравнительно короткий срок. Страшно подумать! Слава Богу, что хоть самое тяжелое позади. Вместе с Вами я верю и надеюсь на лучшее. Прежде всего — на восстановление здоровья всей вашей семьи. За

полосой страданий всегда наступает свет и полнота жизни, и теперь скоро для Вас всех должны начаться хорошие времена. Жаль, что Вы не сообщили адреса Г. Б. в Тиберде: очень хочется ему написать. Буду ждать Марью Михайловну: может быть она его знает? Хотя, вероятно, тогда писать в Тиберду будет уже поздно. Сам я думаю вернуться в Москву в середине сентября. Вторая половина моего отдыха получается гораздо лучше первой. Я устроился здесь несколько иначе, чем в начале, и с внешней стороны все складывается отлично. Прекрасно питаюсь, много сплю; гулять стараюсь недалеко, чтобы накопить побольше сил, хотя горы властно тянут к себе; пока что я побывал только на двух вершинах. Зато часто ухожу в пустыню, начинающуюся за холмами в нескольких шагах от моего дома. Это настоящая пустыня — с бесплодными холмами, никогда и никем не посещаемыми побережьями, скудной полынью и вереском, а главное — с удивительной, совершенно непередаваемой тишиной. Она окаймлена горами и в линии этих гор — что-то невыразимо спокойное, мудрое и умиротворяющее. Должен признаться, и это разочарует Г. Б. — что в настоящее время для меня гораздо целебнее и плодотворнее эта пустыня, чем знаменитая генуэзская крепость, несмотря на ее живописную красоту и возбуждаемые ею исторические ассоциации.

Спасибо Вам за то доброе отношение, которое я вижу с Вашей стороны и которое я совершенно ничем не заслужил. От всей души желаю Вам, чтобы скорее наладилась здоровая и радостная жизнь. Поцелуйте от меня Вашего мальчика и передайте самый сердечный и теплый привет Глебу. Крепко целую Вашу руку.

20.08.37 г.

Даниил Андреев.

***

Дорогая Любовь Федоровна, перед отъездом в Судак хочется передать Вам хотя бы несколько дружеских слов. Очень мне грустно, что приходится уезжать, так и не повидав Вас От Вас и от Глеба Борисовича я чувствую идущее ко мне такое теплое, сердечное отношение, что с моей стороны давно уже поднялось ответное, но я не умею его выразить.

В Москве я задержался против предполагаемого на несколько недель, и это время было наполнено всякими заботами, суетой, да и некоторыми тяжелыми впечатлениями. В Судаке, впрочем, надеюсь отдохнуть от всего, и ждет меня там, как будто, только хорошее.

Вернусь около 1.09 и тогда застану Вас уже матерью. От всего сердца, от всей души желаю Вам благополучного миновения всех страданий. Да хранит Бог Вас и Ваше дитя.

***

Дорогой Глеб Борисович, наши попытки повидать друг друга начинают напоминать сказку про Журавля и Цаплю. Дело в том, что мне неожиданно предложили небольшую, но очень срочную работу, которую надо сдать к 25.1, и я ее взял, т.к. финансовое положение не позволяет сейчас пренебрегать такими вещами. Как мне ни совестно (и просто неприятно), приходится просить Вас перенести нашу встречу на любое число после 25-го. Будьте так добры, позвоните мне, пожалуйста, часов в 5 в любой день (я в это время всегда дома, т.к. обедаю), и назначьте какое угодно число. Очень я соскучился — моя жизнь в последние месяцы не дает возможности никого видеть, а я не создан для такого отшельничества! Привет сердечнейший Любови Федоровне, а Алешу поцелуйте в головку.

Д. А„ 15.1.1941 г.
Москва, Центр
быв. Никольская ул. (ул. 25-го Октября)
д. 17 кв. 37.
СМИРНОВУ
Глебу Борисовичу.
Александр Коваленский

СТИХИ ИЗ ЦИКЛА «ОТРОГИ ГОР»

Уже не в первый раз, в минуты роковые
Они приходят в мир для тайного труда,
Когда бьет грозный час возмездья и суда,
И морок гонит нас и страх сгибает выи…

В подпольи наших дум, где дремлют чуть живые
Останки чистоты, доверия, стыда,
Являются они — откуда и куда?
Пройдя сквозь все посты и рвы сторожевые.

И каждый, кто хоть раз воочью повстречал
Кого-нибудь из них — в сермяжном зипуне ли
Январским вечером, на знойной ли панели,

Страдой июльскою — на благостный причал
Торопит челн души, все муки, боли, раны,
Забыв под ласкою целительной охраны.

***

Бывают злые дни, когда тянуть невмочь

Сквозь чащу мелких бед трудов постылых бремя
И хочется кричать: прийди же нам помочь
Ты, знающий! Смотри: воронкой вьется время,
Высасывает мозг и дух уводит в ночь.

И снова сходит ночь. За окнами пурга
Бьет в стекла мутные, чуть-чуть колебля шторы.
А тут, где был диван, уже поют рога,
Скликая стадо коз, дремотно дышат горы…
Звенят источники, ковром цветут луга.

Цветущие луга! Живой воды родник!
Опять я вижу вас, увалы, горы, логи,
Опять слежу всю ночь, как всходит мой двойник
Тропой кремнистою на горные отроги,
Мой вождь полуночный, мой верный проводник!

Спеши, мой проводник! Тропа тесна, узка.
Неправый помысел, нестройное движенье…
Туманы волоча, кипит внизу река,
В лиловом сумраке двоится отраженье, —
Скорей! Дай руку мне! Пойдем, моя тоска!

Усни, моя тоска! Крыльцо, ступени, дверь,
И комната. И стол из досок горной ели.
Он входит. Он вошел. Что видит он теперь?
Чей голос слышит он? Опять крыло метели
Вьет в стекла мутные, скуля, как пленный зверь.

Скуля, как пленный зверь, о чем же в час мечты
Душа, ты плачешь вновь под этим мирным кровом?
О том ли, что на миг ты поняла черты
Избранья? О себе-ль? О долге ли суровом?
О тишине трудов, каких не знала ты?

Теперь их знаешь ты. Ни боли, ни тоски,
Лишь гарь пожарища. Вы, щедрыми дарами
Мой путь устлавшие, вы, сердца, маяки,
Опять я вижу вас за синими горами,
И все мои труды ничтожны и легки.

1941 г.

Возможна и недворянская литература в России (№7-8)

Алексей "фон Раух" Смирнов

ВОЗМОЖНА ЛИ НЕДВОРЯНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В РОССИИ?

Этот не риторический, а очень и очень насущный, так как совершенно неясно, существует ли вообще русская литература в ее традиционном понимании или же на ее месте возникло нечто иное. В некоторых животноводческих хозяйствах в целях получения полноценного семени от быков создают особые чучела коров, на которые алчущие соития быки залезают, и тут их специально и выдаивают. Эффект обманки. В некоторых секс-шопах продают для онанистов резиновых надувных женщин с

полноценными влагалищами. Мне кажется, что с 1917 года в России существует такая же искусственная корова русской литературы Ее опоганенное чучело, которое не родит ни теплых телят, ни живых словесных опусов, а один резиновый эрзац — эрзац-литературу А то, что было до этого почти столетнего периода мрака, покрыто густой пеленой лжи и дезинформации.

Для многих, не только для меня, русская литература окончилась в 20-е годы XX века, а с тех пор… С тех пор мы живем в очень подлую и дремучую эпоху. Погибший СССР был отнюдь не Россией, а варварским антирусским формированием на ее месте. И все, что здесь происходило, было очень двусмысленным. Лучший русский искусствовед, по определению Александра Бенуа, и теоретик профилирования всего комплекса русской культуры барон Николай Николаевич Врангель, родной брат «черного барона» Петра Николаевича, утверждал, что в России не было иной культуры, кроме дворянской. Его программная книга «Венок мертвым» прекрасно проиллюстрировала эту мысль Действительно, со времен Петра Первого так и было. Если не считать старообрядческой культуры, породившей в своем конце Клюева, Есенина, Петрова-Водкина и Филонова.

Все наши Пушкины, Лермонтовы, Тютчевы, Феты, Толстые, Достоевские — все связаны с усадьбой Правда, только у отца одного из них озлобленные крестьяне вырвали половые органы, которыми он обрабатывал своих дворовых девушек, что и породило гениальные строки последнего романа его сына.

Некоторые исследователи вакцин вначале пробуют их на себе, делясь своими наблюдениями. Я тоже хочу поделиться некоторым опытом, так как тоже в некоторой степени причастен к русской литературе. Я сам по своему происхождению принадлежу к нашему проклятому дворянскому сословию, и мои отец и мать оба родились в сожженных большевиками усадьбах, и их колыбели окружали усатые бородатые высоченные люди в эполетах, папахах, лентах, звездах и крестах — гремели золотом, саблями, шашками у их детских ушек. Так уж это произошло, и я невольно в силу своей генетики очень и очень долго интересовался всем, что писали, а писали они все очень много, люди моего сословия. Я дворянскую литературу, поэзию, философию и пластику (архитектуру, живопись, мебель, шитье, фарфор) довольно-таки хорошо знаю. К тому же я человек глубоко русский, на Запад на чужие хлеба сам не поехал, хотя и были подходящие случаи, и объездил все губернские города России, подолгу всюду жил и страну эту хорошо знаю И мне моя дворянская генетика ничего хорошего не принесла.

Большинство моих предков были пьяницами, картежниками,

обскурантами, самодурами, развратниками, дуэлянтами, а те, которые служили, были деспотами, беспощадными и крайне жестокими вояками, службистами, придворными блюдолизами, и все они страдали страшным эгоизмом, себялюбием и были крайне тяжелы в быту. Перед революцией, правда, многие из них кинулись в народничество и просветительство, отнюдь не меняя тяжести своих характеров Да, все они и им подобные создали великую империю, но они же ее и погубили Единственное, что я в них ценил и ценю, -это абсолютную независимость Они не хотели ни от кого всерьез зависеть: ни от Бога, ни от своих Царей, которых они периодически давили офицерскими шарфами и грохали тяжелыми золотыми табакерками по голове.

Эта вот патрицианско-татарская независимость (хочу милую — хочу голову рублю) и создала так называемую великую, подрывную по своей сущности, античеловеческую русскую литературу То, что эта литература античеловечна, подтвердила наша чудовищная революция и долгое, слишком долгое царство большевиков. Подрывничество было больше в прозе, меньше в поэзии, а уж о дворянской философии и говорить нечего — это все такие зловредные фантазии, от которых мог треснуть шарик: тут и князь Кропоткин, и граф Лев Толстой, и Бакунин, и Герцен, и Хомяков, и политический теоретик Тютчев. Славянофильство — это ведь тоже гнусная разновидность русского анархизма: «Мы со своими крепостными лапотниками создадим новую Европу, с православным императором в Константинополе и православным папой в Риме». Какой идиотизм! Как же, создали1 На вилах своих дворовых в семнадцатом. Без славянофилов не появились бы Чернышевские, Добролюбовы и Нечаевы — вдохновители волжской колыбели Володечки Ульянова, так и родившегося лысым и злобным на волжских откосах.

Меня всегда интересовала альтернатива программной дворянской культуре Можно ли по-иному? Была ли возможна независимая недворянская русская культура? Я изучал черноземных недворянских писателей — и Помяловского, и братьев Успенских, и Левитова, и Подьячева, и других менее известных — все они очень хорошие писатели, но все они вышли из «Бежина луга» Тургенева, то есть они вторичны. Это ставшая писать дворня и дьячки. Да и сам дух их высокоталантливых творений в чем-то ущербен. Тот же сугубо дворянский черноземец Терпигорев-Атава, описывающий те же темы, талантливей и зорче их. Эти попытки создания альтернативной культуры, подрывающей дворянскую монополию на печатное слово, всегда имели в себе большую, очень большую червоточину — мы не хуже их.

Проклятие клейма хозяев и рабов — «страна рабов, страна господ» — лежит на всем, что делалось вне усадьбы. Если при этом вспомнить опыт Лескова, то это голый искусственный стилизм. Это высококачественный лубок под народ. Лесков — это реализованный Шкловский своего времени Он дал блестящий пример, как можно подделать литературу.

В русской послепетровской дворянской культуре было два течения — галлическое и германистское Галлический поэт и прозаик — Пушкин, немцеобразные — Жуковский, Карамзин, Тютчев Весь пушкинский круг писал и думал по-французски Можно говорить о русско-немецко-французском филиале Европы. Причем в этом филиале часто писали лучше, чем в литературной метрополии, и влияли на лучших авторов метрополии.

Возьмите связи братьев Гонкуров, Флобера, Тургенева, Гюго или явление Стендаль-Толстой и далее Толстой и весь современный ему европейский роман, который бы не возник без «Войны и мира». Достоевский тоже весь вышел из современного ему французского леворадикализма. Все три темы Достоевского — убийство, деньги, революция — чисто французские темы, к русскому материку Достоевский даже не подходил близко Достоевский — это Эжен Сю Петербурга Но Эжен Сю, осложненный психопатологией эпилептика, заглянувшего из порочности во фрейдистское послезавтра. Очень умилительна сцена, когда Достоевский доказывал Тургеневу, что он сам растлевал малолеток, и Тургенев в ужасе убежал, не подавая руки крестовско-карамазовскому автору, бессменному хроникеру «Петербургских тайн» торгового дома Свидригайловых-Лебядкиных

А взаимосвязь Мопассана, Толстого, Чехова. Например, Толстой, узнав от своего тестя, кремлевского врача, о том, что монах Чудова монастыря, бывший акушер, удачно принял роды, сказал, что Мопассан это описал бы лучше, чем он.

Больше всего русская литература по своему типу похожа на литературу испанских

колоний Южной и Центральной Америки — мы пишем не хуже, чем в Париже и Мадриде. Да и социальная модель была одинакова фазенды, рабы, порка у столба. Только в России рабы были совсем белыми, не негры и индейцы, а такие же православные, как их хозяевы. Пока русская литература, а точнее все виды искусства, не перечеркнут петербургского опыта, до тех пор ни о какой литературной самостоятельности русской литературы говорить нельзя, мы будем по-прежнему путаться в кисейных панталонах Пушкина и в кружевных сорочках госпожей Панаевой и Огаревой. Нынешний Ленинград-Петербург уже почти

сто лет пуст, стоит напомаженный, лишенный содержания пустой ампирный шкаф, заселенный колхозной деревней и всеми ветвями разноязычных инородцев. Но ведь были, были попытки создать собственную внеевропейскую культуру.

Это одинокий, как перст, граф Алексей Константинович Толстой с его литературным русизмом, это и ранние опыты отчасти Блока, Клюева и некоторых имажинистов. О Гоголе же надо вообще умолчать. Этот русскоязычный мистик был абсолютно одинок, ни на кого не повлиял, ни с кем не пересекся. Он создал говорящий паноптикум России, паноптикум, озаренный безмятежным светом безумия Такие странные писатели, вне традиции и национальных корней, есть во всех литературах. В поэзии девятнадцатого века был и Аполлон Григорьев, и Кольцов — надорванные струны степей. Путь к познанию собственного словесного мелоса оборвался на супервеликом Хлебникове.

Все эти попытки так или иначе связаны с пересмотром всей Петербургской культуры, всего опыта официального синодального православия. Они искали выхода в степь, к скифству, к язычеству, к свободе, к иным формам цивилизации, искали и не нашли. Вспомните тоску Феди Протасова из «Живого трупа» о степи, о древности. Его монолог — самые живые толстовские слова, обращенные в будущее. Все оборвалось с наступлением большевизма с его нетерпимостью и жестокостью Чехов предвидел, кто такие будут социал-демократы, приди они, не дай Бог, к власти. В письме к Суворину, никогда не переиздававшемся в СССР, он пророчествовал, что при режиме социал-демократов на литературном Олимпе будут властвовать такие земноводные, что нынешние (чеховские) времена покажутся золотым веком. Чехов все предвидел правильно.

Начиная с семнадцатого года русской литературы вообще не стало. Мы все погрузились в сумерки рабских русскоязычных словоизвержений. Это раболепство очень точно подметил Синявский, видя общность в одах XVIII века с красным литературным холуйством. С тех пор литература переплелась с Лубянкой и стала ее филиалом. Попытки создания независимых произведений подавлялись, а авторы и рукописи уничтожались. Замолк Платонов, выкрали и расстреляли обэриутов, посадили Заболоцкого, а сколько погибло начинающих талантов и их рукописи сожгли. Возник соцреализм Повивальной бабкой соцреализма был Максим Горький — великий большевистский и эсеровский провокатор, сотрудничавший с германскими шпионами еще до первой мировой войны.

Максим Горький — очень опасная, литературно ничтожная

фигура Третьеразрядный ницшеанец, автор маразматических рассказиков («Челкашей» и «По Руси») потом всю жизнь писал гнусности в виде огромных пасквилей типа «Матери», «Клима Самгина» и многочисленных идиотских пьес якобы о русских купцах, на которых они даже отдаленно не были похожи Бум вокруг его имени был создан цветными, социал-демократами и левыми радикалами в целях разорения старой Европы. Под крылом Горького вызрело целое племя литературных маклаков, ставших корифеями соцреализма. История соцреализма — это история позора русскоязычной литературы. В недрах соцреализма не возникло ни одного подлинно художественного произведения.

От всех потуг Айтматова, Можаева, Белова, Абрамова, Распутина, Астафьева мутит. Это все тяжелый бред, оформленный в многотомные эпопеи. Я говорю о «младших», самых последних соцреалистах. А что говорить об их старших собратьях. Всех этих Фадеевых, Эренбургах, Симоновых и прочих звероподобных сочинителях, руки которых часто обагрены кровью своих собратьев. Наследники соцреализма, его внуки, сейчас группируются вокруг журналов «Наш современник», «Кубань», газеты «День» -«Завтра» — это прозаики Крупин, Проханов, поэтесса Глушкова и целый ряд им подобных, умело сочетающих «святость» типа бреда митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна, обязательный пещерный антисемитизм и тоску по сильной руке типа Сталина или «Пиночета» — командующего 14-й Приднестровской армией генерала Лебедя. Пока большевики финансировали соцреализм, он существовал, окончилась суета около литературной кормушки — кончился и соцреализм. Совершенно напрасны стоны и плачи вокруг судьбы литературных маклаков.

Правда, в среде Союза писателей были люди, сформировавшиеся до Октября, внутренние эмигранты типа Бориса Пастернака, Осипа Мандельштама, Анны Ахматовой. Они писали в стол и знали, в каких нечистотах живут. Среди них был и один «красный граф» — Алексей Толстой, литературная проститутка очень высокого пошиба, который мог облить помоями кого угодно, платили бы только как следует. Алексей Толстой лгал на своих собратьев, самарских и саратовских помещиков, и осуществлял мостик от дворянской литературы к соцреализму. Для этих целей он и приехал в СССР из эмиграции, большевикам нужна была псевдопреемственность. При дворе Сталина должен был быть свой Толстой, хотя настоящая фамилия ренегата — Бостром, графский титул он себе выхлопотал, подав на Высочайшее имя прошение, так как когда он был прижит от соседа, его мать еще не развелась с подлинным графом Толстым.

Единственно, что успешно развивалось при большевиках, это полуподпольный жанр социальной утопии' Замятин, Платонов, Зощенко, Пантелеймон Романов. Комизм двух последних сродни едкости Салтыкова-Щедрина, тоже сатирика-утописта. Но и этих литераторов заставили замолчать, вставив им кляп в рот. После эвакуации армии Врангеля в Турцию, не сразу, а постепенно, и Центральная Россия, и Малороссия превратились в литературную пустыню, впрочем, довольно шумную от возни разнообразных литературных насекомых, подъедавших крошки с чекистских трапез. С Врангелем в Париже оказались Бунин, Зайцев, Шмелев, Бальмонт, Мережковский, Гиппиус -последние дворянские писатели.

Было очень много и в эмиграции, и в советской России литературных эрудитов, переводчиков, поэтов-версификаторов, обломков различных литературных школ. В СССР это были отдельные имажинисты, конструктивисты, третье поколение символистов, ученики учеников Гумилева. В тени этих выброшенных большевиками на помойку стариков прошла моя молодость. От них я многое слышал, многому научился и бесконечно им всем благодарен «за науку». Но они даже и не делали попыток написать серьезные эпохальные вещи. Так, небольшие стихи, обрывки эссе, в лучшем случае воспоминания. Страх, внутренний самоцензор, вошел и в их подсознание, и в писательские привычки — многие из них постоянно испуганно оглядывались, как будто кто-то к ним сзади подкрадывается.

Единственным писателем, которого я знал лично, замахнувшимся на эпоху, был Даниил Андреев, сын Леонида Андреева, крупного «северного» символиста из плеяды Стринберга, Ибсена, Метерлинка и др. И сын, и отец были нетипичными русскими литераторами. Это сверхчеловеческая, скандинавско-немецко-арийская ветвь на русской почве. Используя их опыт, можно выйти в иное надмирное измерение. Но и роман Даниила Андреева «Странники ночи» сожгли в лубянской печке.

А к «кирпичам» Гроссмана я всерьез не отношусь, это ответвление соцреализма так же, как и проза Максимова и Солженицына. То, что Солженицын блестящий архивный работник и журналист-хроникер, это несомненно, но его проза…

Школа литературных маразматиков вроде моего приятеля Мамлеева или теперешних Сорокина, Виктора Ерофеева — это, конечно, очень интересно, забавно, но это все в прошлом, это писалось под гнетом Теперь наступила совсем другая эпоха — эпоха обязательного адаптирования на русской почве всего западного авангарда. Но такое адаптирование хорошо в малых

странах Центральной Европы типа Чехословакии или Польши или в Литве, но не в России, которая сама когда-то влияла на мир и обладала литературным эгоцентризмом.

Есть во всем этом раковый и роковой вопрос — раковый, потому что соцреализм был саркомой российской словесности, а роковой, потому что на него нелегко бесстрастно ответить, — имеются ли законные наследники великой русской литературы? И являются ли таковыми все, кто сейчас претендует на эту роль?

Среди советских литераторов, сформировавшихся в советскую эпоху, была масса евреев, среди которых очень много людей талантливых и эрудированных. Вообще, средний еврейский литератор обязательно намного культурнее среднего русского литератора из-за своей природной любознательности. До эпохи глобальных тектонических катастроф на Востоке были ведь и польско-еврейская культура и литература, были и чешско-еврейская, и австро-еврейская, и литовско-еврейская культура и литература. Для меня единая погибшая Атлантида Восточной Европы особенно дорога, так как все эти регионы были связаны тончайшими нитями взаимопроникновения.

Если бы хотя бы часть России не попала под гнет большевиков и интегрировалась в Восточную Европу, то мы имели бы живое наследие великой русской культуры, а не литмузеи с восстановленными по чертежам саркофагами усадеб и домов писателей. Сейчас мало живых текстов, зато в каждой губернии есть заповедное кладбище русской литературы — дом, гипсовая маска, дубы, сосны, списки любимых поэтом женщин и иногда могила давно или недавно умершего творца. Такие заповедники напоминают скопления белых ядовитых поганок — там всегда гнездится много всякой окололитературной нечисти. Один уже умерший пожилой дворянин очень точно высказал мне схему литзаповедника: «Сначала большевики уморят или отравят писателя или выгонят его за границу, а потом устроят в его доме музей, около которого будут кормиться чекистские внучки и племянницы». Этот умный, много повидавший человек был глубоко прав. Он же говорил: «Большевики взорвут девяносто девять из ста храмов, а один объявят национальным достоянием» Это и к людям, и к писателям относится.

В тридцатые годы эту роль малой России играл Печерский уезд Псковской губернии, отошедший по плебисциту к Эстонии. А если бы этот анклав был миллионов на десять? Существовали когда-то и русско-еврейская культура и литература, и великий Шолом-Алейхем — он ведь и русский писатель, подвергавшийся и русскому влиянию, и сам влиявший на южно-русскую литературу.

Заранее скажу, мне не нравится так называемый одесский

еврейский юмор. Мне кажется, что его придумали хамоватые московские конферансье типа Хенкина Мне не нравятся Бабель, Олеша, Катаев, Ильф и Петров. С моей точки зрения, это все подряд страшные люди. И «Золотой теленок», и «Стулья» — это зубоскальство над открытой могилой, и Олеша недаром замолчал, и не потому что шляхтич, а потому что совесть проснулась. А Бабель меня вообще пугает и «Конармией», и своими связями. Все эти люди как писатели удивительно морально пластичны, они умели писать очень по-разному. Талантливее их всех Бабель, но его талант сродни таланту де Сада Как художник, он поэт зла, которое он умеет преподать во внешне бесстрастной форме.

Такими же фарисеями были, на мой взгляд, и «лесовики» — Паустовский и Пришвин, писавшие о рыбках и травках в дни террора, и Грин, фантаст Грин с его рваными парусами, закрывал глаза на реальный ужас. Этих писателей я называю подсластителями — большевики очень любили подслащенную карамель Вот Короленко и Волошин, оставшиеся в царстве большевиков, были честны Один протестовал, другой каменно молчал и писал акварели Судака и Карадага Вполне почтенное занятие.

Страшный писатель и расстрелянный большевиками русский экспрессионист Вогау-Пильняк, от всех его вещей веет откровенным холодным цинизмом. А обо всех этих Кавериных, Фединых и говорить не хочется — злобные, нетерпимые по своей сути приспособленцы, помнившие о табели о рангах со Старой площади. Я читал, собирал советских писателей, «изучал врага», — голая мертвечина и скука. Хотя иногда попадались интересные исторические романы Тынянова, Бородина, Яна, но все равно это средний уровень ниже Мережковского. Я довольно изощренный читатель и всегда могу отличить фальсификацию от выстраданного неповторимого текста

А в эмиграции был Набоков, блестящий, иронично-эротичный, он очень удобен для подражателей, но он не сумасшедший, как все его дворянские предшественники. Ведь и Толстой, и Бунин, и заболевший вишневой усадьбой мещанин Чехов — все подряд сумасшедшие, то есть люди, не удовлетворенные миром, литературные поджигатели и анархисты. Большевики были страшны для развития независимой литературы прежде всего тем, что издавали огромными тиражами классиков, рядились в гуманистические шкуры и создавали видимость существования литературного процесса. Они вовлекали в него писателей, чтобы контролировать их и истреблять Любимый большевистский капкан для западной

интеллигенции — это создание видимости традиций в советской писанине типа прозы Нагибина и Казакова — голых имитаторов Бунина.

Единственный живой подлинно русский писатель – Оруэлл. Этот писал о нашей жизни правду, как он влез в наши шкуры, живя в Англии, понять трудно Правда, он повидал большевизм вблизи, в Испании. Так же, как литературу, большевики извратили и приручили православие И живопись, и музыку они тоже по мере сил калечили Но музыка — вещь беспредметная, и композиторам удавалось кое-что сочинять и при большевиках Такое положение террора в области культуры продолжалось очень долго. Менялись правители, менялись формы давления, но не менялась структура карательных органов ВЧК, ОГПУ, НКВД, КГБ Менялись поколения приспособленцев, у дедов-приспособленцев родились сыновья, у сыновей — внуки, и все они творили непотребный и гладкий миф о якобы независимой советской культуре.

Тому есть много примеров: очень наглядна династия Михалковых-Кончаловских. Дед, академик Петр Кончаловский, стал писатъ букетики сирени для большевистских гостиных вместо бубново-валетских полотен, которые висели в Париже рядом с Матиссом и Пикассо; сын — литературный мастер на все руки, от детских побасенок до гимна Советского Союза, внук — создает фильмы для всех режимов. Глядя на таких деятелей, приходит мысль, что часть русской по происхождению советской псевдоинтеллигенции с удовольствием обслуживала бы геббельсовский аппарат, если бы Гитлер был помягче в России Мы все, нонконформисты-шестидесятники, не шедшие ни на какие сделки с коммунистическим пропагандистским аппаратом, прекрасно помним ненависть к нам всех ступеней номенклатуры Так что все мифы о постепенном смягчении большевистской политики в области культуры не имеют под собой никакой почвы.

Конечно, размывание большевистского материка постепенно происходило. Но в основном в области экономики и в духовном климате отдельных закрытых групп, постепенно начинавших влиять на общество, — феномен «параллельного общества» В области идеологии в России всегда было два хозяина Старая площадь и те люди, которые бросали ей вызов Извечное «поэт и царь» К сожалению, гюди, бросавшие вызов Кремлю, тратили все свои силы на психологическое противоборство системе, и у них почти не оставалось сил для оригинального творчества. Только люди с большими странностями, вроде Анатолия Зверева, Владимира Яковлева, находили в себе силы постоянно творить.

В СССР даже существовал особый закон творчества: пока

художник или поэт живет в собственном вакууме, он может писать. Как только он вступает в противоборство с окружающим — его силы иссякают, и его не надо судить за бесплодие и за последующие за бесплодием пьянство, разврат, наркотики и различные виды самоубийства. Такова внутренняя духовная конъюнктура Совдепии. А тут заодно «холодная война», постепенный поэтапный проигрыш в ней СССР и социальный заказ Запада на антисоветскую литературу. Много, очень много советских писателей, загодя почуяв смену хозяев, стали работать на «тамиздат», переправляя посредственные рукописи на Запад. Конечно, опять еврейская проблема, масса советских писателей-евреев на Западе, в США, в Израиле. Самые умные из них — бесстрастные свидетели чудовищного времени и чудовищной катастрофы.

А большинство плыло по течению в СССР, плывет по течению и на Западе. Исключением среди русскоязычных еврейских писателей являются «проклятые» писатели — люди, пишущие о том, о чем не принято писать ни в России, ни на Западе. Но их имена не на слуху, их не пропагандируют, мало издают, и они фактически не прорываются в постсоветскую Россию. В зубах навязла совсем другая обойма обкатанных на «Свободе» авторов.

Новая Россия не освободилась от большевизма, трансформировавшаяся номенклатура создала новые табу, новую, еще более жесткую цензуру, и поэтому оригинальные голоса в России почти что не слышны. В России нет независимой прессы. Пресса четко разделена по партиям, и для того, чтобы печататься, надо примыкать к одной из враждующих стай.

Есть среди еврейской интеллигенции и странное, очень странное направление Люди, его исповедующие, считают, что Россия духовно умерла, что они, еврейские интеллигенты, призваны заменить русскую культуру, заменить русских дворянских писателей и поэтов. Они подражают великим русским прозаикам, философам, религиозным мечтателям, идут в православные священники и иерархи, они всерьез считают себя продолжателями поэзии «серебряного века». От этого своеобразного движения веет эпигонством, дендизмом и не очень большим умом.

Серьезный еврейский литератор интересен тем, что он еврей, долго живший в России, усвоивший русскую культуру, полюбивший ее и тем не менее оставшийся евреем, пишущим по-еврейски. Таким человеком был Жаботинский, которого я с удовольствием читаю. Таким же писателем был Нахман Бялик. Но они — духовные дети старой России, а где такой еврейский писатель в советский период? Тот же Бродский по большому

счету — пародия на современного Пушкина или же, если хотите, Ахмат Иосифович Аннов Вот некоторая ранняя «эсеровская» проза Шкловского очень живая, но он не продолжил, знал, что наверняка расстреляют. А зачем девяностолетний старик Катаев имитировал своего учителя Бунина в стиле «мовизма»?

В Германии, кое-как переварившей нацизм, появилась живая независимая литература. Тот же дезертир из вермахта Вольфганг Кеппен написал три живых романа о послевоенной Германии. Романы, совершенно никому в Германии не удобные. Многие немецкие писатели, хорошо начавшие одновременно с Кеппеном, потом были отравлены награбленным немцами золотом, обеспечившим «экономическое чудо», взошедшее на эсэсовских дрожжах золотых коронок убитых в Восточной Европе поколений Морально «жирная» Германия смердит так же, как и «голодная» Россия — все очень уж быстро закрыли глаза и сделали вид, что все срочно «исправились» и стали хорошими демократами и гуманистами.

А у нас и «Голый год» Пильняка, и «Россия, кровью умытая» Артема Веселого — все-таки насквозь красные опусы, но они были для своего времени относительно независимые. А дальше? Где глубокий оригинальный срез всего нашего, почти столетнего, опыта7 Быть может, блестящие словесные опусы Холина, Сапгира, Айги? Но это же все априорно камерно, хотя и талантливо. Или же романы Саши Соколова? По сравнению с маразменным размахом прежних русских писателей все это «не тянет». Это все хорошо, но это деревянные будки на развалинах Парфенона и Фив Разрушен, быть может, до конца разрушен русский оценочный аппарат окружающего мира.

Хрусталик лошади или мухи видит иначе, чем глаз человека. Был особый независимый русский взгляд на окружающее, то, что делало русскую литературу оригинальной и интересной для других европейских культур. Все пишут, оглядываясь, заранее думая: «А где я найду издателя, как к этому отнесутся в Париже или Нью-Йорке?», а раньше романисты-помещики сидели в своих имениях и писали все, что им придет в голову, и не боялись даже власти своих неограниченных монархов, посадят в Петропавловку или не посадят. Писал же Достоевский о Толстом, когда тот упрекал его в спешке, что ему хорошо в своем имении писать не спеша, а ему, Достоевскому, кушать надо, издатель за спиной дышит. Главное, что было ценно в нашей прежней великой дворянской прозе, -это ее величайший эгоцентризм.

Писатель не был только тупым писателем-профессионалом: он воевал, ездил на Кавказ, в Европу и кое-что пописывал и обладал удивительным, независимым, почти что античным

тоном. Даже совсем последний Иван Бунин, на что был мелочный человек, вечный попрошайка у богатых людей, чтобы только было на что хорошо попить и повалять тупую толстую потаскуху Галину Кузнецову, и тот писал абсолютно независимо. А последний крупный русский романист Андрей Белый, человек, открытый всем ветрам, автор последних всеобъемлющих «кирпичей», за которыми черный обрыв, почти торричеллиева пустота, полная огоньков над могилами, он тоже абсолютно независим.

Я эту статью пишу в первую очередь для самого себя, так как довольно пристрастен и сам не знаю, прав ли я, но мне кажется, что где-то с конца тридцатых годов, когда стало ясно, что ни Кутепов, ни Миллер, ни Абрамов не вернутся во главе своих «белых банд», в России все окончилось. Последние русские эмигрантские прозаики заскучали,

перешли на мемуарные безделки, а внутри России, раздавленной террором, тоже все замолкло, и с тех пор все так и молчит Я, конечно, имею в виду один всеобъемлющий тип русской литературы, поднимавшей коренные вопросы человеческого бытия когда роман как мир и когда он вызов всему свету, или когда драма — так уж драма, из которой герои лезут на Гималаи подлой современной цивилизации и палят, как дядя Ваня и Соленый, по своим теням, или пьеса, роющая, как крот, под бытие, — «Жизнь человека» Леонида Андреева Для меня живой дух русской литературы отнюдь не в пределах современной России, и даже не в русскоязычной литературе всех трех волн

Мне кажется, что русская литература продолжается в Германии, имеющей одинаковый с нами негативный опыт, в традициях Луи Селина, во французских экзистенциалистах, а совсем не в окостенелых томах мертвого «Нового мира», который был и остался «Старым Советским Миром» — миром полуправды и полулжи Да, но в нем издавались при Твардовском хорошие мемуары1 Вот и Солженицын трясет своей бородой классика и томами собранных им очень интересных мемуаров. И это все, что осталось от России? Неужели и она до конца мертва? Как мертвы античный Рим и Константинополь7 В Берлине и Вене что-то ведь копошится, а здесь покрытые жидким стеклом отчуждения развалины, развалины, развалины.

А милые умные евреи, как тот индийский столетний попугай, умевший говорить на языке вымершего индейского племени, слова которого записывал миссионер-лингвист Очень странным стало литературное пространство России, дети и внуки каторжников, которых обучали в условиях неволи палачи,

подражают их тюремному жаргону. Это я говорю о так называемой провинциальной современной литературе, которая продолжает вертеться в чертовом колесе эпигонства союзписательских образцов.

Когда же начинаешь всерьез писать сам, то из тебя лезет, как из заржавленного водопровода, масса нечистот и всевозможных червей, глистов, тараканов, скорпионов и прочей дохлятины и выстраиваются на бумаге помимо твоей воли очень гнусные, сложные и похабные вещи, очень далекие от того, что чувствуешь на самом деле. Часто сам удивляешься а почему я это все пишу? По-видимому, восемьдесят лет большевизма с его гадостями и жестокостями создали внутри нас огромный негативный потенциал, который буквально фонтанирует и рвется наружу. Небезопасное это занятие — после всего, что было и что подсознательно таит наша память, всерьез писать по-русски, никем и ничем не прикидываясь и ни на кого и ни на что не оглядываясь. А быть дешевой пародией на русского независимого литератора, как был покойный талантливый Булгаков, куплетист на все ходячие темы, совсем не хочется.

Невольно делаешься гнусным писателем, противным и себе, и читателям. И этой гнусности почему-то не стыдно Да, мы это пережили и нам не стыдно своей боли. И сам не знаешь, что ответить на собственный вопрос: «А возможна ли вообще недворянская литература в России? Не являются ли все остальные ее версии и ветви пародией на погибшее неприятное, злобное, но огромное явление?» Ведь сколько было и есть мещанских салонных копий с подлинных римских и античных нимф и фавнов, но все они так далеки от того, что делалось в Греции и Риме. Для того, чтобы пробиться, быть может, в зловещее, но свободное завтра, надо восстановить мосты с нашим прошлым, раскопать все могилы, эксгумировать абсолютно все насилия и обязательно найти чью-то окостеневшую руку, которая пожмет твою и передаст эстафету, свяжет нас в цепь и благословит идти за горизонт в свое багровое, сверкающее искусственным кристаллом неведомых восторгов будущее.

Калитниковское кладбище (№9-10)

Алексей "фон Раух" Смирнов

КАЛИТНИКОВСКОЕ КЛАДБИЩЕ

В зимний сезон 1962-1963 гг. я заканчивал графический факультет Московского Суриковского института и писал для себя большие жанровые картины из быта московских чудовищ. В Суриковском институте я учился в мастерской Евгения Адольфовича Кибрика – здорового мощного еврея, который в молодости профессионально занимался боксом, но ему больше приглянулась карьера художника. Отец Кибрика жил в маленьком южном городке Малороссии, скупал у селян хлеб, но потом

прогорел, доверяя людям по старой памяти деньги без расписок на слово. Кибрик уехал из своего городка в Петроград, поступил в Академию художеств в мастерскую Филонова и стал его самым талантливым учеником. Потом он разочаровался в Филонове и сжег все свои прекрасные работы, уцелело только несколько рисунков. Бросив филоновщину, он начал подражать мирискусникам, Босху, Брейгелю и в свете своих подражаний сделал очень хорошие иллюстрации к «Кола Брюньону» Ромена Роллана, которые тому очень понравились. Так Кибрик попал в фавор, был представлен Горькому, бывал у него и потом вышел в академики. Был он подлинный демократ, здоровяк и человек очень хороший. Он потом ударился в ленинскую тему, делал литографии с Лениным и Сталиным. Две его литографии вошли в хрестоматию: Ленин провозглашает «Есть такая партия!» и Ленин несет бревно на первом субботнике в Кремле. Став официозом, Кибрик выбился из страшной нужды. В двадцатые годы он делал в аптеках надписи на бутылках с лекарствами. Его лучшего друга по мастерской Филонова Митю такая жизнь довела до чахотки и смерти, а Кибрика спасло железное здоровье. Но с тех пор Кибрик говорил только о деньгах и о том, что теперь советская власть финансирует искусство, а в двадцатые годы художники ходили голодные. Внешне он был похож на пожилого американского бизнесмена., как их тогда изображал в «Крокодиле» уцелевший от расстрела родной брат Михаила Кольцова Борис Ефимов. И Кибрик, и Ефимов – оба евреи, оба мэтры, но как они различны! Кибрик – душа-человек, а Борис Ефимов – ядовитый красный змей. Кибрик ни в чем не замарался, а Ефимов причастен ко многим нехорошим красным делам и тайнам. Почти столетний Ефимов по сей день здравствует. Крупный, мощный, с большим выпуклым лбом и горбатым носом в роговых очках, всегда обычно потный Кибрик, сняв пиджак и оставшись в рубашке с подтяжками, обучал нас так: садился за наш мольберт и исправлял конструкцию фигуры, абсолютно безжалостно относясь к карандашной красоте рисунка.

У Кибрика был приятель Борис Александрович Дегтярев. Он вел параллельную мастерскую книжной графики. Дегтярев был образчиком всяческой мерзостности и гнилостности. Дегтярев был среднего роста, с усиками, без подбородка, и был похож на пожилого жеманного сутенера. Дегтярев был из офицерской дворянской семьи, его отец-полковник дружил с моим генералом-прадедом и они по ночам на Никольской часто играли в карты. Прадед был выдающийся картежник и как артиллерист-математик любил создавать особые карточные схемы и системы.

Полковник Дегтярев воевал у Деникина и Врангеля, потом перебрался с семьей в Москву, у него была жена и два сына, и он как-то уцелел и умер своей смертью, что было само по себе удивительно. Борис Дегтярев учился с моим отцом во ВХУТЕМАСе и в частной студии Кардовского, научился там неплохо рисовать и делать технически очень тонкие карандашные миниатюры в духе Сомова. Был он законченным педерастом, но в молодости из соображений карьеры сошелся с еврейкой – редактором Детгиза мадам Содомской. Я в своих жизненных зигзагах однажды попал в гости к ее довольно красивой полной дочери. У нее была комната в коммуналке. Под кроватью ее ложа лежали работы Кибрика и Дегтярева с их надписями, подаренные ее уже тогда покойной матери. От отца я знал, что Дегтярев долго жил с этой еврейской дамой, потом ее подсидел и пролез на ее место. Из Детгиза Дегтярев сделал выдающуюся кормушку, где подъедался целый ряд близких ему авторов, в том числе и Кибрик. Так что дружба Кибрика с Дегтяревым носила сугубо прагматический характер. Интересно, что Дегтярев сделал свою карьеру тоже через Горького. Он сделал иллюстрации к ранним рассказам пролетарского классика, где изобразил какого-то субъекта со свиньей. Горький увидел это изображение и заплакал – так был похож человек со свиньей на реальный прототип. Помог Дегтяреву и слепой красный юрод Островский, тоже заплакавший, когда он пальцами нащупал на обложке своей книги рельефный штык. Обложку делал Дегтярев. У Дегтярева учился знаменитый ныне певец гнусных советских коммуналок и принудительно изготовленных стенгазет Илья Кабаков, долгие годы кормившийся детскими книжками. Дегтярев вечно путался со своими шоферами, наглыми откормленными педерастами, и приводил в свою мастерскую позировать педиков-натурщиков – надушенных, завитых и с перламутровым педикюром. Детгиз испокон века помещался в доходном доме на Лубянской площади прямо напротив зловещего куба КГБ.

В этом же доме у Дегтярева была квартира. Родня у Дегтярева издавна работала в НКВД и, наверное, открытый древнеримский образ жизни Боба (кликуха Дегтярева) как-то обогревался этой мощной организацией. Брат Боба Василий Александрович был композитором, он был женат на своей красивой темноглазой двоюродной сестре и был наследником русского симфонизма. Я довольно близко знал его семейство и, в отличие от своего брата, это были очень консервативные и очень достойные люди, вполне нормальной сексуальной ориентации. От них я знаю любопытную деталь одной эвакуации их семьи от красных. Белый полковник с

женой и двумя мальчиками хочет посадить семью в переполненный товарный поезд, красные уже в городе. Их не сажают, белые солдаты не хотят подвинуться. Полковник срывает с солдата винтовку и приставляет к груди солдата на подножке. Те с неохотой их пропускают. На примере семьи Дегтяревых видно, как бывшие люди приспосабливались жить при большевиках. Та же Любочка Орлова, дочь помещика, путалась с иностранцами, таскалась за валюту по кабакам. Взяли ее в кино снимать только потому, что у нее были импортные шмотки, заработанные своим телом. В общем, так называемая советская культура возникла из подлости, желания выжить, приспособляемости и из сломанных талантов. Кто половчее, кто поподлее, тот и выживал и занимал место под беспощадным красным солнцем. У Боба Дегтярева в мастерской царил пидерский стиль нежного воздушного рисунка, женских обнаженных моделей туда вообще не приглашали. Из мужских отбирали жирненьких среднего роста мужичков без ярко выраженной мускулатуры. Детгиз был заповедником графической педерастии. Все эти цари Салтаны, золотые рыбки, Дюймовочки отдавали конфетным пидерским привкусом. Среди советской художественной интеллигенции в этом особом придворном холуйском мирке были такие заповедники пидерства: в Детгизе, в Большом балете и его школе, на «Мосфильме», в некоторых театрах, а также в русской православной церкви, где КГБ поощрял иерархов сожительствовать с келейниками – легче вербовать в агенты, пристегивая цепь доносительства к гениталиям. Периодически по Москве проносились слухи о международных съездах передастов и о тех деятелях культуры, которые являются старейшинами в закрытых цехах общин гомиков. При горбачевской перестройке и при ельцинской демократии эти подпольные явления проросли и расцвели, как мухоморы, пышным цветом. Хотя для России это все-таки чисто импортная экзотика, и праздничные шествия под музыку педерастов и лесбиянок по нынешней полуголодной Москве вряд ли возможны. Дегтярев очень любил Обри Бердслея, Оскара Уайльда, нашего чахлого Костеньку Сомова с его пенисами в кружевных оборочках. Увлекался он и современными западными писателями типа Жана Жене. Близкий его родственник долго работал на Лубянке в тамошней закрытой библиотеке и носил оттуда запретные издания. Баловался Дегтярев и левыми западными писателями.

Я помню, как он разрешил делать диплом Кириллу Соколову по роману Эльзы Триоле чуть в левоватом французском духе. Сейчас Кирилл Соколов живет в Англии и делает там мрачные

литографии. Но вот с художником Виталием Соповым, здоровенным громилой, бывшим сотрудником милиции, потом переменившим фамилию на Линицкого и ставшим ныне монахом, у Дегтярева вышел конфликт. Он долго не хотел его выпускать на диплом за религиозные линогравюры к «Братьям Карамазовым». А про Кибрика и говорить нечего. Он ужасно до смерти всего боялся и, как многие максималисты двадцатых годов (а он был таким), потом круто переменился и стал столпом соцреализма. Кибрик заставлял студентов, и особенно дипломников, рисовать советских красномордых рабочих, любимым его учеником стал Попков. Он иногда приходил по старой памяти в мастерскую со своей женой Кларой. Попков рисовал в московском суровом стиле жуткие синюшные хари рабочих. Был тогда в Москве такой грубый зловещий стиль: Обросов, Салахов, братья Никоновы, Попков. В это время писал свою «Братскую ГЭС» Евтушенко, и все ждали, что наступит эпоха суровой пролетарской правды и всеобщего равенства. Как же, дождались! Попков красиво по-русски и умер: напился пьяным и стал ломиться в такси, где сидел инкассатор. Инкассатор был тоже пьян и застрелил наповал Попкова. В это время всячески восхвалялся ВХУТЕМАС, левачество, жуткое рыло Маяковского с жеваной папиросой висело во многих квартирах. Под Маяковского явно косил бородавчатый, как жаба, Роберт Рождественский. Наш графический факультет размещался в старом здании на Мясницкой, где когда-то был школа живописи, а потом ВХУТЕМАС. Все здание занимали физики, а мы только один коридор. В соседней мастерской плаката, где когда-то была мастерская Фаворского, случайно размуровали стенной шкаф с папками гравюр и рисунков Фалька, Фаворского, Павлинова. Студенты их растащили. Мне тоже досталось несколько литографий Фалька, Рождественского и Куприна: пейзажи с кубами домов и круглыми, как женские бедра, кустами. Так сказать, русский сезаннизм. Я сам тогда из протеста против соцреалистической тугомотины увлекался Сезанном. Сезаннизм – это затягивающее эпигонство, вроде наркомании и курения. Мэтр, упрощая природу, придумал гениальную формулу для бездарей-эпигонов. Под Сезанна легко стилизовать любую тугомотину, и вся Центральная и Восточная Европа ему целый век подражала, заикаясь по-сезанньему. Кибрик заставил меня делать диплом из огромных линогравюр, изображавших северные порты: Мурманск, Архангельск, где я бывал. Эти северные порты, склады мокрой черной древесины поражали меня бесхозной мрачностью, угрюмыми отрешенно-окостенелыми мордами пьяных рабочих и матросни, наглым похабством тамошних девок. Мрачнейший,

угрюмейший край. Мрачные и угрюмые гравюры я и нарезал, чтобы получить этот распроклятый диплом, который мне совершенно не пригодился в жизни, так как официальной карьеры я не захотел делать. В эту дипломную зиму у меня была отдушина – мне предложили отреставрировать Храм на птичке, то есть около птичьего рынка на Калитниковском кладбище. Храм никогда не закрывался, это было позднеклассическое сооружение с куполом школы Матвея Казакова и с пристройкой и колокольней середины девятнадцатого века. Внутри храм был закопченный и грязный. Командовал в храме старый церковный жулик Василий Васильевич. Духовенство там было своеобразное: настоятель – бывший обновленец, рыхлый рослый грузный симпатичный старик-пьяница, протодьякон отец Александр, сын обновленческого митрополита Александра Введенского, и молодой батюшка – еврей-выкрест со шрамом от бритвы на цветущем лице. Выкрест-священник суетился, бегал, шустро крестил младенцев и отпевал покойников. Настоятель пил кагор и служил надтреснуто, хрипло, не спеша.

А сын митрополита Введенского весь год сидел на бюллетене и приходил служить только на большие праздники. Служил он прекрасно, голосом и актерским умением Бог его не обидел. Он кончил Духовную академию, был женат на роскошной блондинке в бриллиантах, ездил на своей машине, но был, как многие восточные люди, с ленцой. Внешность он имел жгучую, армянско-еврейскую, как его знаменитый отец. Псевдомитрополит, презревший все традиции православия, взял себе в жены особо страстную темную пролетарскую блондинку из бедной семьи, которая должна была удовлетворять его ужасную похоть. После смерти митрополита с его вдовою жил один одесский церковный жулик, в прошлом сиделый мошенник, которого я знал и который рассказывал о чудовищной похотливости ересиарха и о постельных привычках вдовы, так как ряд лет исправно нес при ней половую трудовую вахту. За это вдова устроила его работать в патриархию, в близкие люди к патриарху Алексию I (Симанскому), что доказывает близость Московской патриархии и обновленческой ереси через общее лубянское начальство, которому они все исправно служили. Патриарх Алексий I (Симанский), будучи архимандритом, одно время сам был в обновленческой ереси. Псевдомитрополит Введенский был культурным человеком, мог, как адвокат, часами красноречиво говорить на любую тему, любил классическую музыку, ходил в консерваторию, собирал старинную европейскую живопись, имел в Сокольниках особняк и из-за своей похотливости

сожительствовал с пролетарской кошечкой. У его жены был вид кошечки-блондинки. Я эту пару однажды видел в консерватории. Такой чуть татарский тип, похожий на французских кинозвезд. Среди русских темных пролетарок попадаются такие неутомимые, как моторы, труженицы любви, ранее составлявшие кадровую основу публичных домов. Сейчас, когда блатные «пацаны» и русские проститутки хлынули на Запад, это стало общеизвестным фактом. Все они красятся в блондинок и зовутся Наташами. Псевдомитрополит также участвовал в диспутах с Луначарским в Политехническом музее, выступая на стороне Бога. За Введенским пошла масса духовенства, среди них и будущий патриарх, тогда митрополит, Сергий Страгородский, подписавший печально знаменитую декларацию 1927 года о плотном сотрудничестве Московской патриархии с ВКПб, ОГПУ, НКВД и прочей красной сволочью. Роль обновленческой ереси в отдалении Московской патриархии от дореволюционной православной жизни огромна. Так, нужна большая объективная монография об обновленчестве с привлечением источников из архивов ОГПУ и КГБ.

В свое время князь Перигор Талейран, в молодости епископ Отенский, преподнес Конвенту огромный подарок, не имея на то права, он предложил государству конфисковать церковные земли. Обновленческая ересь первая предложила сотрудничество церкви с большевиками, а потом уже за ней потянулась Сергианская Московская патриархия. Фактическое современное православие Московской патриархии наследует не старой русской церкви, а обновленческой ереси, причем большинство обновленческих священников и иерархов перешло потом в подчинение Московской патриархии. Около алтаря Калитниковской церкви под гранитным памятником в виде черной усеченной круглой колонны, перехваченной кубом, был погребен и сам ересиарх лжемитрополит Александр Введенский. Как мне говорили, Калитниковский храм был последним оплотом обновленчества в Москве. Сам дух обновленчества витал в этом храме, и недаром там служил сын ересиарха. В основе обновленчества, если рассматривать его дореволюционные зачатки (так называемое петроградское живоцерковничество), лежал русский протестантизм, то есть желание реформировать православие и пересмотреть его византийские корни и традиции. И сейчас в современной Москве есть целое движение, которое старается протестантизировать и несколько осовременить православие Московской патриархии. Это движение возглавляет священник Александр Борисов, служащий в храме во дворе ресторана

«Арагви», и священник Георгий Кочетков, служащий в храме на Сретенке. С отцом Георгием я знаком, беседовал с ним.. Это прогрессивный священник, умело работающий с людьми. На обоих пастырей Московская патриархия выливает в своей прессе ушаты помоев, не брезгуя откровенной черной клеветой. Паства отца Георгия – московская либеральная интеллигенция, в какой-то степени отец Георгий заполнил ту нишу православия, которую раньше занимал убиенный протоиерей Александр Мень. Но эрудиции покойника отец Георгий не имеет, он берет другим, создав живую молодежную общину, где люди, постоянно общаясь, помогают друг другу выжить в наше трудное время. В те дни, когда я пишу эти воспоминания, пришла скорбная весть, что общину отца Георгия Московская патриархия разогнала, а ему самому служить вообще запретили. Протоиерей Александр Мень вышел из подпольной катакомбной общины, не признававшей Московской патриархии и советской власти, куда входила его мать и где он получил с детства очень крепкие нравственные основы, приведшие его к скрытому конфликту с патриархией в зрелые годы. Я сталкивался с такой ненавистью к убитому среди священства РПЦ, что не удивлюсь, если смерть протоиерея была связана с церковными кругами. Остатки обновленческого клира создавали тогда на Калитниковском кладбище особую атмосферу какой-то нецерковной балаганности. Это было балаганное православие, и священники и старостат относились ко всему формально, все время что-то ели и жевали, все время пили кагор и закусывали. В храме практически не было подсобок, поэтому церковники питались прямо в храме, на втором этаже вечно готовили что-то мясное или рыбное с чесноком и луком, и церковь пахла добротной пищей. Был и хор из старушек и бывших актрис, но они не задерживались в церкви и быстро уходили домой.

Вокруг церкви было огромное кладбище с очень частым лабиринтом могил с железными решетками. Осенью и весной на кладбище с птичьего рынка забредали пьяницы, бродяги и спившиеся проститутки. Они пьянствовали на могилах и там засыпали. Ночью, проснувшись от холода, они пытались выбраться из лабиринта могил и иногда застревали между решетками. И тогда страшно орали и выли. Им подвывали бродячие собаки. Возникала жуткая какофония. Для непривычного человека ночью на кладбище было довольно жутковато, с разных сторон раздавался человечий и собачий вой, перемежающийся матом. В храме были ночные сторожихи, пожилые женщины. Они в ужасе крестились и боялись выходить.

Некоторые бродяги так и замерзали на могилах, а один из них распорол живот на острых наконечниках могильной ограды и умер, истекая кровью. От птичьего рынка к кладбищу вела старая аллея. По воскресеньям вдоль нее стояли трясущиеся алкоголики и продавали краденых со всей Москвы породистых собак, которые надрывались от многособачества и незнакомого места. Каких тут только не было пород: доги, пойнтеры, сеттеры, полукровки и просто дворняжки. Непроданных собак алкоголики бросали, и они жили на кладбище, объединяясь в большие довольно опасные стаи, бросавшиеся на прохожих. Меня животные всегда любили, и я, проходя по кладбищу ночью, подкармливал собак баранками и конфетами с кануна (канун – поминальный столик с свечами и поминальной пищей), которые запасал заранее. Одна из сторожих, живших неподалеку от кладбища, рассказывала мне ужасающие истории из времен ее довоенного детства. Она и все жители соседних с кладбищем домов видели из окон, как во рвы вокруг кладбища чекисты свозили огромное количество мертвых голых мужских и женских тел. Подъезжала хлебная, обитая изнутри оцинкованным железом машина, выходило двое чекистов в кожаных черных фартуках и перчатках и специальными крючьями, чтобы не замараться, зацепляли трупы и стаскивали их в ямы. Местные могильщики присыпали трупы землей. Иногда в день приезжало пять-шесть хлебных машин-труповозок. «И всё молодые и такие гожие тела были, особенно женщины – одни красотки, – рассказывала старушка. – Лет пятнадцать возили их, почти до сорокового года, тышши тут лежат. У нас несколько поколений жильцов под эту трупарню выросло».

От этих рассказов делалось как-то не по себе. По-видимому, на Калитниковское кладбище свозили перебитую московскую элиту. Здесь ОГПУ и НКВД устроили один из своих массовых могильников. Я хорошо знал эту старушку, много с ней говорил, она не была способна врать. Выждав минуту, когда никого не было, я спросил старика-настоятеля, бывшего обновленца, правда ли, что сюда свозили тела расстрелянных с Лубянки. На мой вопрос он оглянулся, нехорошо матерно в алтаре выругался и сказал: «Я здесь с тридцать восьмого года служу, сам видел, – и добавил шепотом: – Тогда каждого так можно было – слово скажешь и конец, тут их целый город закопан». Потом, в годы перестройки, в коротичевском «Огоньке» была статья, где описывались эти массовые захоронения лубянских палачей и сообщалось о том, что теперь в этих местах поставлен памятный крест над братской могилой. В Калитниковскую церковь меня пригласил реставратор высшей квалификации Борис Семенович

Виноградов. Это был очень способный пролетарий из подмосковных бараков. Он воевал на фронте, потом учился в Московском художественном училище имени 1905 года, потом писал пейзажи в стиле Коровина и Петровичева. Цвет он хорошо чувствовал. Сдавал пейзажи в салон, неплохо зарабатывал, но потом в московской областной художественной организации появился партийный фюрер – посредственный пейзажист Полюшенко, захвативший все заказы, и очень много подмосковных живописцев осталось без куска хлеба. Тогда Борис Семенович стал жестоко пить и сделался реставратором икон. Пил он чудовищно. Это был худой, с серыми глазами и длинными тонкими жирными волосами пожилой человек с очень неприятным характером, очень жадный и за деньги готовый на любую гадость. Сначала он работал в Марфо-Марьинской обители на Ордынке в реставрационных мастерских имени Грабаря, захвативших этот храм, откуда их не могут выкурить по сей день. Потом Борис Семенович попал в Исторический музей, откуда его в конце концов выгнали по статье за пьянство. Борис Семенович умел хорошо расчищать иконы, тонировать их пуантелью и всё. Дописывать старые иконы он не умел, так как не был иконописцем. Переписывать и дописывать большие реалистические масляные картины на стенах Калитниковской церкви он не мог, и вся эта работа легла на меня, а работы этой было очень много – сотни метров поврежденной живописи, чтобы вытянуть которую, надо было стать ее соавтором. В общем, это была очень хорошая школа. Борис Семенович ограничился технической работой, промывал картины, заделывал дырки и трещины. К концу вечера, а он работал только по вечерам, после работы в музее, он безобразно наливался водки, бегал пьяным по церкви и рычал по-звериному. В церковь свозилась масса гробов с замороженными покойниками, гробы часто ночевали в церкви. Привозили гробы накануне с вечера, а утром отпевали усопших.

Однажды пьяный Борис Семенович спал на старых поповских ризах в приделе, потом вылез из алтаря, увидел молодую красивую женщину у гроба и кинулся ее раздевать, сдирая с нее юбку и панталоны своими худыми костистыми, как клешни, пальцами. Я был на лесах, услышал женский визг, вопли, шум, спустился, схватил Бориса Семеновича за шиворот и уволок в подвал, объяснив пострадавшей, что он сумасшедший. Женщина была милой, ласковой, она резонно мне сказала сквозь слезы: «Зачем сумасшедшего держат в церкви? У меня мать умерла, я у гроба плакала. А он, как черт, выскочил и стал с меня срывать одежду, матерно объяснив, что он хочет меня тут же у гроба

поиметь». Конечно, у Бориса Семеновича уже очень давно была белая горячка. Сидя на лесах, я со скуки внушал ему, что он последний индейский вождь из племени сиу, а кругом по лесам ползают анаконды и ягуары. Он ревел на всю церковь: «Я сиу! Анаконда, анаконда!», а церковные работники и священники говорили ему: «Она у вас, Борис Семенович, зеленого цвета». Его бы выгнали из церкви, но я всегда был трезв, моя работа их устраивала, и мы успешно сотрудничали. В столовой на птичьем рынке я в ту морозную церковную зиму несколько раз наблюдал простонародный стриптиз. Столовка была в углу рынка, кормили там довольно скверно, но в час ее закрывали и два часа до трех держали на запоре. В эти два часа кормили «своих». Готовили из отборного мяса трех сортов пельмени и подавали постоянным клиентам огромные порции, посыпанные красным перцем и мелко порезанным чесноком. К пельменям разрешалось приносить свою выпивку. Я водку всегда пил только для здоровья, от простуды, поноса и бессонницы, и поэтому приносил с собой отборный портвейн, благо он тогда еще был. Собирались на пельмени избранные торгаши, таксисты, пускали туда и меня. Среди котлов метались женщины. Несколько пожилых наглых мегер в белых колпаках, среди них Нинка – молодая девка девятнадцати лет, недавно привезенная из деревни и вышедшая замуж. Это была очень красивая блондинка с серыми глазами и оттопыренным задиком. Основная прелесть ее была в картинной правильности черт лица, абсолютной свежести, удивительном цвете кожи и в особом невинном бесстыдном выражении, которое как бы все позволяло. Это был расцветший женский бутон. Была она из глухого калужского села, племянница одной из кухонных мегер. Ее выдали замуж и устроили работать в столовую. Из-за таких деревенских девок сходили с ума помещики и купцы. В ней явно зрел порок, и самое удивительное было в том, что она очень напоминала голых девиц Буше с голубыми тельцами и розовыми сосками. К концу пельменного обеда, когда все уже досыта нажрались, ее тетка-мегера ходила по залу с корзинкой, в которую мужики кидали деньги и говорили: «Нинка, покажи». На закрытый обед допускались одни мужчины. Нинка вся распаренная, розовая, сбрасывала халатик и оставалась в носочках и прозрачных трусиках без лифчика с голой грудью и вертелась за раздаточной стойкой. При этом она краснела и смотрела на всех умоляющими глазами. Все мужики-зрители сопели, на нее глядя, и были очень напряжены. Потом она надевала халатик и уходила в подсобку. Было ощущение окончившегося экзотического представления.

Зрители, кряхтя и матерясь, комментировали увиденное и завидовали. Мегера явно готовила племянницу в дорогие московские проститутки или в содержанки богатого торгаша. Я выходил на обледенелый заплеванный рынок и шел по аллее, янтарно-желтой от разводов собачьей мочи, в храм. Как-то все хорошо укладывалось в единую мозаику: голая Нинка, собаки, воронье на колокольне, облизывающиеся и жующие попы и ощущение мрачной большевистской Москвы, дребезжащей трамваями и разболтанными грузовиками. Было очень сытно, добротно, прочно и уютно. В Калитниках я наел свое первое пузо и с тех пор стал толстым мужчиной. Работавший в храме помощником старосты бывший чекист к концу работ похлопал меня по животу и сказал: «А ты молодец, хорошее брюхо на церковных харчах отъел», и был он совершенно прав. Только отъедался я не на церковных харчах, а на объедках с кремлевского стола. Недалеко от кладбища был колбасный кремлевский цех, и остатки кремлевских языковых колбас, ветчин, копчений продавали в «низке» в магазинчике, куда шли отходы. Стоял этот магазинчик на отшибе и в нем наряду с деликатесами продавали очень хорошие армянские вина «Айгешат» и «Аревшат», я до сих пор их помню. И вот я закупал немеренно этих закусок и вина и после работы устраивал по ночам на больших покрытых старыми потертыми клеенками столах, которые используются верующими для складывания поминальных харчей на родительские субботы, Лукулловы трапезы. Уже тогда я пристрастился спать на лесах на вонючих пролетарских ватниках, где мне было вполне уютно, и понял, что кроме одичалых русских храмов для меня нет другой земли. Помогать мне приезжали мои тогдашние приятели, ныне покойный Юра Титов, заезжал и ныне покойный Саша Харитонов, и поэт Евгений Головин, и его друзья-мистики, и Мамлеев с его маразматическими последователями. И все очень хорошо добротно закусывали и выпивали разбавленное кипятком армянское вино. Из приезжавших мне реально помогали двое – Юра Титов, пристрастившийся с тех пор к церковным работам, и один тихий-тихий мамлеевский человек с Южинского переулка. В большом церковном подвале жил подземный дух – истопник и гробовщик Федор, совершенно спившийся человек, делавший гробы и топивший церковь. В его обширных, уютных гробах часто ночевали его собутыльники и некоторые перегрузившиеся мои гости. Мамлеева эта атмосфера очень радовала – живая аура его тогдашних рассказов. Мамлеев – это Ираклий Андроников шестидесятничества: без его мимики, пришептываний, жестов его рассказы теряют свое обаяние. К тому же показ секса у Мамлеева

носит ритуальный оттенок стойкого полового психопатизма. А мне это всегда было скучно. Я не люблю творчество психически больных людей, мне своего маразма хватает, но мой маразм лежит в наследственных болезнях ущемленной дворянской русской души, а не в навязчивых маниях, описанных у Фрейда, Ганушкина, Краснушкина. К тому же я почвенник, а Мамлеев и все его окружение – и издатели, и читатели – всегда занимали антирусские позиции.

Уезжая на Запад, Мамлеев дважды приезжал ко мне на дачу, не заставал меня, но все-таки у нас с ним состоялся интересный разговор. Я сказал ему: «Юра, не вяжись с третьей волной, твое место среди западных экстремистов – и левых, и правых», то есть среди тех людей, на которых ориентировался гораздо менее даровитый, чем он, Лимонов. Но Юра избрал совсем другой путь и ныне почти забыт. На Калитниковском кладбище Мамлеев в ту зиму нашел много тем и часто радовал компанию своими новыми опусами. Вокруг церкви рыли траншеи для газа и была масса выкопанных человеческих костей, а в горах кладбищенского мусора были черные ленты с душераздирающими надписями и восковые цветы. Мамлеевцы собирали эти кости и погребальные реликвии и кладбищенизировали московские квартиры. Мамлеев читал свои рассказы, а они разбрасывали кости по квартирам московской интеллигенции, засовывали ребра, челюсти, цветочки и венки в шифоньеры, гардеробы и даже в детские кроватки. Понятно, что потом был шум и истерики женщин. Вокруг всего этого было много смешного в духе писателя Лескова, который тоже хотел уютно пожить в России и юморил русскую жизнь, которая априорно так страшна, что ее не (ни???) юморить, не (ни???) уютить невозможно – получается одна стилизация. Один мой молодой знакомый, делец, на целую жизнь моложе меня, недавно сказал: «Я целые дни занят только тем, что доказываю другим, что я не дерьмо. И в этом утверждении проходит вся моя жизнь. Ведь жили же когда-то в России по-другому». Да, наверное, жили по-другому, но я этого не помню. Духовно в шестидесятые годы нашего века нам было жить легче, потому что, шестидесятники, были шалые дикие люди. Мы каждый, сам по себе, в своем углу, от винта к ядреной фене, послали куда подальше СССР, и советскую культуру, и левую русскую культуру, приведшую к 1917 году, и самих себя, и свою судьбу, решив принципиально жить духовно на краю бездонной пропасти, не примыкая ни к кому и ни к чему, так как все заведомо изгажено, испакощено и испохаблено. Такая позиция дает духовную свободу, легкость житейской походки, но с точки зрения

практической жизни, конечно, очень трудна. Но, насколько мне известно, никто из шестидесятников не жаловался ни на свою жизнь, ни на свою судьбу. Мы и умирая сохраним молодость духа разрушителей огромной страшной тюрьмы, которой, казалось, не будет ни конца, ни края. Сейчас на месте России огромная все всасывающая в себя черная воронка, в которой со страшной скоростью вертятся щепки, мусор и различная гадость. Мы, шестидесятники, в эту воронку заглядываем, плюем туда и харкаем, и нам не страшно, а кругом все боятся, как бы их туда ни утянуло. Пожалуй, что не было у нас ни у кого физического страха ни перед чем, так как смерть, по большому счету, это всегда свобода и когда человек безразличен (не кичится, а всерьез) к смерти, то он свободен. Для очень многих нестрах смерти привел к нежеланию вообще жить, и они все ушли рано, всячески помогая собственному исчезновению. Все это повторный русский декаданс с его особо близким отношением к смерти. Вот тот же Лимонов (Савенко) очень кичится тем, что у него, как у самурая, нет страха смерти – «жизнь самурая – это его смерть», – но на самом деле он со смертью все-таки на «вы», ища в дне секса эквивалент смерти, что в общем-то довольно банально. Во все времена были клиенты, откупавшие на неделю бордели и устраивающие там всесветные загулы, но все-таки мир не бордель, не все женщины инфантильные потаскухи, как его Леночка «Козлик», и все устроено на свете сложнее и одновременно проще. Лимонов пришелся ко двору в современной России целому кусту поколения молодежи, бурно переживающей сексуальную и номенклатурную буржуазную революцию и привыкшей мыслить матерными терминами. В одном модном московском валютном кабаке под столами ползает известная среднеазиатская проститутка Малика, делающая под столом минет клиентам, за что они опускают ей под стол долларовые купюры. Хорошим тоном у этой публики считается не выражать на лице эмоций при подстольном процессе, а по телевидению выступает очередная разведенная жена Лимонова, кабацкая певичка Наташа Медведева с сентенциями «нет повести печальнее на свете, чем повесть о минете в туалете». Вот это и есть потенциальные лимоновские читатели и круг его идей, очень далекий и от Генри Миллера, и от других его западных прототипов. Фактически, лимоновщина – это эпос группового часто сортирного секса будущих русских чернорубашечников, в чьи фюреры постепенно превращается автор матерных романов и документальных очерков из своей удачной половой жизни. Читателям остается только порадоваться и позавидовать автору, которые огуливает дам самого разного возраста и запаха, о чем

он живописует с нюхом бродячего кобеля, ищущего собачью свадьбу. Так как птичий рынок и Калитниковское кладбище очень даже связаны с собаками, то лимоновская тема возникла, по-видимому, у меня по ассоциации.

Недалеко от Калитниковского кладбища начинается район поселения старообрядцев, группировавшихся вокруг Рогожского кладбища с его незакрытыми храмами. Некоторые старообрядцы и единоверцы, бывавшие в Калитниковском храме, познакомились со мной и видя, что я не курю и никогда не бываю пьян, пригласили меня работать у них. Один храм на Рогожской был разделен на две части – половина единоверческая, а половина в подчинении Московской патриархии. Мне пришлось работать в обоих храмах на следующий год после Калитников. В единоверческом храме основную массу составляли потомки еще допетровских стрельцов из Михайловской слободы. Это около погоста села Чулково по Киевскому шоссе. На Рогожском было прекрасно, настоящая древняя Русь, оппозиционная не только большевикам, но и петровско-петербургской России. Русское старообрядчество – это исконно русское, более чем трехсотлетнее диссидентство и оппозиция западному пути развития России. В сараях Калитниковского кладбища среди мусора и дров было много старых икон XVIII-XIX веков, которые мне отдали и которыми я завалил и свою тогдашнюю квартиру, и квартиры своих друзей-художников. В отличие от многих реставраторов, я никогда не торговал иконами и не тащил их из храмов. Мир советских торговцев иконописью мне всегда был отвратителен. Это всё мародеры, обирающие труп старой России. Потом я заметил, что те, кто был связан с иконным бизнесом, обычно плохо кончали. Жену художника Ильи Глазунова выбросили из окна, а сыну воткнули шило в сердце, к счастью, чуть промахнулись и он остался жив. Но брошенные и обреченные на гибель иконы я собирал. Иконы в кладбищенские храмы попадали с покойниками, и их там обычно забывали. У православных до сих пор есть такой обычай: когда набирается много жертвенных икон, их складывают в костры и сжигают. Причт выбирает себе новые и в блестящих окладах, а остальные жгут. Среди православных священников почти нет любителей древней живописи, и их деятельность в старых храмах носит обычно характер вандализма – они жгут и колют древние иконы, замазывают и счищают железными щетками древние фрески. А вот в старообрядческих храмах все совершенно по-другому. Староверы в своей массе тонкие ценители старины, и для них обсмоленная доска даже со стершейся живописью представляет

большой интерес и ценность.

В Калитниках мне разрешили работать, так как я не шумлю на лесах во время служб, и с тех пор я привык постоянно слушать церковное пение и под него писать в храмах. Вошло в привычку мешать краски, писать лики, слушая церковное пение. От этого делалось легче на душе. Выработалось и отношение строго разделять современное духовенство и современных церковных людей от старых церковных зданий, икон и церковного пения, то есть неслияние современного красного православия и старой церковной материальной основы, временно захваченной ими. В Калитниках с остатками обновленческого причта это было особенно явственно и заметно – временщики в чужом доме, а вот у староверов все было по-другому. У них духовенство и миряне были подлинными наследниками живой православной традиции. Интересно мне было наблюдать своих друзей-нонконформистов в условиях действующего храма. Сам я никогда не кощунствовал, не прикасался к престолам, реликвиям, грубо не выражался, выходя и входя в храм, всегда крестился, прикладывался к иконе Богородицы, а большинство друзей относилось к храму по-другому. Им многое было странно, они были чужды русской церковной традиции. Вот только Харитонов и Титов чувствовали себя в храме по-другому, чем в квартире. Я бы сказал, благоговейно. В любом храме любой конфессии имеется особая мистическая атмосфера, постоянное повторение текстов, молитв, общение верующих с Богом создает особый сгусток высшей энергии, которой подзаряжаются туда входящие. Даже разрушенные и осквернённые большевиками храмы сохранили в себе эту особую атмосферу намоленности и благодати. В сатанинских храмах я не бывал, людей, одержимых бесом, я всегда избегал и внутренне остерегался, и поэтому все связанное с их черными культами мне неизвестно и страшно. С моей точки зрения, человек столь изначально несчастное, слабое, беззащитное создание, что любой вид сатанинской гордыни противопоказан людям, чье временное пребывание на земле случайно, часто бессмысленно и окружено страшными мистическими, изначально вневременными, тайнами. Но в жизни каждого человека бывают светлые полосы, не отягощенные болезнями, подлостью и предательством. У меня такой светлый период был связан с Калитниковским кладбищем и еще с двумя храмами, где я работал и где было душевно легко. А я работал в десятках храмов и в кафедральных соборах и всюду видел борьбу света и тьмы, причем обычно побеждала тьма. Россия уже очень давно погружена во тьму, и пока что нет еще луча света, который

озарит путь к спасению. Как восточному славянину, мне всегда радостно от карнавального и публичного праздника и жизни, и религии. А в Калитниках была роскошь неразрушенного храма, пышность служб, разнообразие собачьего и человеческого окружения кладбища, и эта декорация сопрягалась с ужасами расстрельных ям, душами там погибших, витавшими над этими местами. Налицо был полный комплекс всех духовных компонентов России, и мне всегда туда хотелось ехать, и работалось там легко и радостно, и кисть сама бежала по стенам храма. Впрочем, может, в том была немного виновата и моя тогдашняя молодость. Недавно я снова посетил Калитники и после этого посещения написал этот текст. Знакомых лиц я там больше не увидел.

1997 г.

Герой Наум Ромашкин. Памятное место. Дети подземелья

Алексей "фон Раух" Смирнов

ГЕРОЙ НАУМ РОМАШКИН

Очень мало в России героев. По крайней мере, я их мало видел. А я все-таки кое-что видел. Все уходят от опасности в тень, как скользкие от долговременного поноса бродячие собаки в репьях. Вот я слыхал про одного героя: пожилой казак-фронтовик, в станице недалеко от Новочеркасска (местные менты у него забили до смерти сына), он отточил шашку, пришел в отделение милиции и вырубил всю смену. Никто из ментов не успел даже достать револьвер – одни посеченные трупы. Или в одном городе

Курской губернии, где я жил, милиция регулярно забивала до смерти граждан. Забьют в отделении сапогами, а потом повесят на кальсонах в камере для порядка, пущай, голубчик, повисит, а у покойника печень и селезенка отбиты и кишки порваны от сапог с подковами. И заставляли главврача местной больницы писать липовые заключения о смерти. Покойник, дескать, умер от инфаркта или удавился от неразделенной любви. Но главврач оказался героем, решил ментов вывести на чистую воду. Чаша терпения главврача переполнилась, когда менты до смерти забили приехавшего в отпуск с Дальнего Востока здоровенного моряка. Менты его забили и бросили в овраг. Люди его по вороньему оживлению нашли. Вскоре менты забили еще одного рабочего в парниках, но тот ожил, позвонил в больницу. Главврач спрятал его в бокс инфекционного отделения под чужую койку и начал рыть. Подкупил в отделе кадров милиции паспортистку, та притащила ему фото всех ментов. Забитый их опознал. Главврач в прокуратуру в Москву. Дело еще в СССР было. Ну и что? С двух ментов погоны сняли, начальника в другой район следователем перевели – и все. А главврач, конечно, герой. Я с ним бутылку коньяку с семгой в ресторане выпил. Или взять Володю Буковского, теперешнего лондонского, вроде Герцена, изгнанника. Он смолоду здоровый чернявый парень был. Притащил покойному художнику Юрию Титову портрет своего черноземного предка-помещика, а у того лапа медвежья на всю грудь: «Запиши, Юра, для изящества». Юра меня спрашивает: «Записать?» Я отговорил, как никак, история. Володя, находясь в Казани на тюремном спецу, в психушке, где-то поприжал какую-то врачиху и из-за ее доверчивой спины упер кэгэбушные инструкции, как морить диссидентов. В результате знаменитая книга и народная частушка: «Как Луиса Корвалана обменяли на барана. Где найти такую блядь, чтоб на Брежнева сменять?» Теперь Володя седой юноша-шестидесятник, клянет в современной России всех и вся, и совершенно правильно Старовойтова прочит его в президенты России. Но куда там? Пока бывшая партноменклатура Россию до конца не удушит, никаких Буковских в Кремле не будет.

Теперь поговорим о еврейских героях. Очень не слабые были еврейские герои, которых я знал. Ну, например, Илюша Бокштейн – маленький, какой-то почти горбатенький, с большим кривым носом и с ясными детскими глазами. Жил он около огромного Храма Мартина Исповедника на Таганке в старом особнячке со своей, естественно, еврейской мамой. Мама все сокрушалась, какой ее Илюша несчастный и непутевый еврей. Все евреи

гладкие, курчавые, толстые, как колбаски, и таскаются с тупыми русскими задастыми блондинками, а Илюша все один и всем недоволен. Был Илюша принципиальный диссидент и писал стихи, как говорил Мамлеев, все больше про пауков и крыс. Я его стихи мало читал, а вот о политике мы с ним говорили много. Однажды Илюша выступил на площади Маяковского у идола с широкими штанинами. До Илюши у штанин, писая, как песики, на ботинки громилы, выступали комсомольские поэтики: лупоглазый Женя со своим тогда еще молодым кадычком и золотушный подвывный Андрюша, который любил сидеть сразу на двух стульях – в ЦК комсомола и в Госдепартаменте. Эти комсомольские вытики пели про свои Братские ГЭС и треугольные груши, и девицы от их вытья восторженно писали по биссектрисе. А тут появился маленький кривоносый с чуть дрожащим, но очень убедительным голосом Илюша и поведал восторженным идиотам, наконец свыше освобожденным от сталинизма, что СССР – это не держава, а гнусное скопище одичалых дикарей, не способных к самостоятельной политической жизни, и что СССР надо отдать минимум на столетие под протекторат ООН. Находившиеся до этого в радостном просветлении слушатели шестидесятых как-то затихли и приуныли от таких речей, и у них сразу пропало желание щупать, где надо и не надо, своих дам и рукоплескать Жене и Андрюше. Илюша был гораздо прозорливее многих тогдашних диссидентов – будущих демократов. Действительно, бывший СССР казался неспособен к нормальной политической жизни и нуждается в опеке. Но и сама ООН, к которой тогда взывал Илюша, постепенно и не сразу превратилась в некое подобие Лиги Наций эпохи Даладье, Чемберлена и Муссолини, и мало кого радуют голубые каски, которые не всегда исполняют роль санитарного контроля над безумством. Когда Илюша кончил свою речь и сошел с возвышения, то публика расступилась перед ним, как перед архиереем. Илюше дали самостоятельно уйти с Маяковки, но прошел он недалеко, до Музея Революции. Там его схватили чекисты и повезли прямо в Лефортовскую тюрьму. Произошло это у ворот музея с белокаменными готтентотскими львами, стерегущими зеленые пушки, из которых большевики расстреливали в семнадцатом Кремль. Вообще, все большевистские символы в Москве напоминают памятники Кортеса в Мехико, истребившего древнюю столицу инков. Илюше дали пять лет в политической колонии строгого режима в Мордовии на станции Потьма. Отсидев, Илюша приходил ко мне в мастерскую на Таганке и долго рассказывал о лагере. Из его рассказов мне более всех запомнился рассказ о бывшем

бургомистре города Харькова при немцах – пожилом очень умном господине, прикидывавшимся животным из самосохранения. Он оправлялся в брюки и поедал собственные экскременты, желая казаться безумным. Когда Илюшу поместили с ним в карцер, бургомистр, озираясь, вполне разумно его спросил: «Вы здесь в первый раз, молодой человек? Я здесь уже третий десяток разменяю и скажу вам только одно – не ждите от них пощады», – и замолк, продолжая далее, как Мопассан, прикидываться животным. Про Мопассана написал один современный ему газетчик: «Перед концом жизни господин де Мопассан превратился в животное, ходил на четвереньках и поедал собственные экскременты». Не знаю, написал ли Илюша книгу о своих лагерных впечатлениях, но уверен, она бы у него получилась интересной.

Но самым поразительным еврейским героем, напоминавшим времена Иисуса Навина, был Наум Ромашкин. В то время, когда возрастал я, интеллигентский мальчик с хулиганскими наклонностями из недорезанной дворянской семьи, кругом было царство величайшего страха. Все всего боялись: боялись коммунистов и чекистов до последнего самого крайнего ужаса. Ни о каком сопротивлении никто даже думать не смел, только бы забиться в щель и выжить. А ведь герои были: смело умирали бывшие эсеры, анархисты, люди из повстанческих армий Антонова. Вот русскую интеллигенцию и предавший царя офицерский корпус большевики истребили, как бессловесных овец, все они умирали тихо и покорно, так как предварительно предали себя сами, подготовив всей своей жизнью пришествие большевиков и расчистив им дорогу. Когда Сталин накануне войны вырезал ленинский офицерский корпус победителей Врангеля и Колчака, то советские генералы перед смертью на Лубянке выкрикивали: «Да здравствует Сталин!», надеясь этим спасти свои семьи. Героизма в их истерических воплях не было – это было обычное русское подлое скудоумие. Уж лучше бы они, попав в полное дерьмо, умерли молча. Они, победители белых, оказались в абсолютнейшем полнейшем дерьме. Их, гордых соколов революции, загнали в угол и мочились им в глаза. На показаниях Тухачевского, где он признавался, что он германский шпион, видны выцветшие капли крови, которая капала из его разбитого гордого дворянского носа семеновского гвардейского офицера. Тем более был поразителен подвиг Наума Ромашкина. Наум Ромашкин был видный работник Госплана, ведавший контактами с Китаем. Это был тихий еврейский советский лысеющий интеллигент в очках. Его немного трясло от

энцефалита. Отъявленным красным фанатиком он был с детства. Его мать работала в ранние тридцатые в советском полпредстве в Латвии, и он вступил в латвийские пионеры, и его еще в детстве били ульманисовские полицейские. В общеобразовательной школе, которая помещалась на Никольской, в здании греко-латинской академии, вместе с отцом и Наумом там учился еще один герой – некий Юрий Шепчинский (красавец из польской шляхты, возглавлявший эсэровскую организацию молодежи), всю жизнь просидевший в привилегированной тюрьме для особо опасных врагов советской власти. В этой тюрьме зэков не выводили на работу и даже передавали им передачи Швейцарского Красного Креста. Наум Ромашкин, как многие советские евреи, был женат на русской простонародной женщине, блондинке из обывательской семьи, его однокурснице, тоже экономистке, у них был сын, мой ровесник, внешне простой русский парень, отдаленно не похожий на еврея. Жену звали Ксения. Наум так и называл жену Ксенией. У нас в семье их тоже называли по именам, это было в стиле двадцатых годов.

С Наумом мой отец подружил своего друга, некого Мерчо, болгарина. Мать Мерчо была близка с самим Димитровым, с ЦК Болгарской Компартии и через Коминтерн попала в СССР. Она с сыном бежала с Черного острова, где была особенно зверская тюрьма для коммунистов. Мерчо был близким другом отца и подружился с Наумом. Отец и Мерчо учились у Осьмеркина во ВХУТЕМАСе, где Мерчо писал очень красивые картины: все в черном болгары хоронят под красным флагом своих убитых революционеров. Жизнь парадоксальна: старший брат матери, командир Донского корпуса, под руководством Врангеля пытался совершить в Болгарии реакционный государственный переворот, который не удался и белых интернировали. Но об этом моя мать, конечно, молчала и дружила с Мерчо. Мерчо был довольно неглуп и, разобравшись в том, что происходит в СССР, сказал моему отцу один на один со своим болгарским акцентом: «Все они, Глеб, сцеволочи». Одно время Мерчо с матерью жил в коминтерновской общаге в гостинице «Центральная».

В те же годы в коминтерновской общаге заведовал отделом кадров папаша бабушки четвертой русской революции Елены Боннэр, и при его участии расстреливали весь этот сбежавшийся в Москву со всего света коминтерновский сброд. Потом, конечно, расстреляли и самого папашу госпожи Боннэр, о чем она с горестью поведала телезрителям, прочитав на Лубянке в виде исключения, за свои особые заслуги, его дело. Расстреляли и

Мерчо, и его мать, и всех их друзей эмигрантов. Но кое-кого, вроде Тито и Димитрова, оставили на развод. У Тито, правда, расстреляли с его согласия его любимую жену. А великий кормчий Мао, отступая, бросил свою жену с детьми, и их расстреляли гоминдановцы. Так что все это было в порядке тех окаянных лет. К сожалению, все это не стало глухой историей. До сих пор коминтерновские дрожжи бродят в крови нынешних политических деятелей. Правда, недавно госпожа Боннэр, вспомнив Бунина, сказала, что теперь Россия снова переживает окаянные дни. Этим высказыванием в телеинтервью она фактически подвела черту под своей прошлой правозащитной и революционной деятельностью. Как еврейского интеллигента и энцефалитика Наума в армию не взяли, но он принимал участие в китайской революции. Он хорошо знал китайский язык, подолгу жил в Китае, беседовал и с Мао, и с Джоу, и с Джу Дэ и был близко знаком с сыном Чан Кай Ши, воспитанным на Лубянке. Наум разрабатывал в Госплане слияние двух великих государств, был тогда такой план. Я довольно часто бывал с родителями у Наума с Ксенией и играл с его сыном Витюшкой, неплохим пареньком. Жили они в доме напротив КГБ, там, где во дворе дурковатый черный Воровский подскакивает на гранитной тумбе, но потом в жизни Наума произошла решительная перемена. Он стал еврейским национальным героем. Ему бы самому памятник поставить на месте дурковатого Воровского, которого совсем не зря подстрелили белые. Крупная гадина была. Сталин тогда стал стареть, окончательно выживать из ума и решил перерезать всех евреев. Часть из них он решил выслать на Дальний Восток, устроив крушение на карнизе железной дороги вдоль озера Байкал. Для этих целей подыскали врачиху Тимашук и стали хватать и мучать еврейских врачей. История эта достаточно хорошо известна. Недавно я был на Воздвиженке, проходил мимо запущенного особняка, где когда-то был еврейский комитет защиты мира, о чем висит табличка, и вспоминал всех еврейских писателей и актеров, ходивших туда в свое время бороться за мир и потом убитых. Наум Ромашкин свято верил в коммунистическую идею, в дело Ленина-Сталина, во всех этих заросших шерстью, как австралийские человекообразные аборигены, Марксов и Энгельсов, труды которых он знал наизусть. И не вынесло честное идеалистическое еврейское сердце Наума Ромашкина такое поругание его идеалов и идолов, и написал он письмо в ЦК на имя самого товарища Сталина: дело врачей и заявление Тимашук есть злостнейшая провокация империалистических разведок и компрометация священного дела Ленина-Сталина. Поступок по тем временам неслыханной

смелости и героизма. Когда в бериевском МГБ прочитали это заявление, то их взяла оторопь от такой смелости, они от этого совсем отвыкли. Наума, конечно, тут же арестовали, семью его из дома с прыгающим Воровским тут же выселили в подвал, жену с работы уволили. Зубы Науму выбили на первом же допросе, но он говорил и говорил, харкая кровью, о извращении святого дела, о том, что Берия провокатор, что Сталина обманули органы. Его объявили врагом номер один. Досконально изучили его биографию: вся семья супер пламенно революционная. Безупречная партийная карьера, русская жена из простонародья, крупный специалист, работник Госплана – ни к чему не придирешься. Следователь у него был русский. Когда Науму вставили новые зубы, далеко не всем подследственным вставляли новые зубы, то следователь, увидя их, заорал: «А, жидовская сволочь, зубы новые вставил!», и стал бить Наума головой и зубами о край письменного стола. Снова выбил. И опять в лубянской поликлинике ему вставили новые зубы. Наум ни в чем не признался, стоял на своем до конца: Тимашук – провокаторша, Берия – обманщик партии и тоже провокатор. Наума объявили израильским и американским шпионом и дали двадцать пять лет лагерей особо строгого режима. Такое и Щаранскому не снилось. Только Щаранский теперь министр, а Наума Ромашкина все забыли, и он умер в коммунистической безвестности и партийной глуши. Есть такая сугубо советская партийно-большевистская глушь. Почему не расстреляли Наума Ромашкина? Наверное, потому что он поразил Лубянку своим бесстрашием. Я знаю аналогичный случай. Одного бывшего царского офицера спросили на первом допросе: «Вы хотели убить товарища Сталина?» И бывший офицер вполне искренне ответил: «Да, я его очень хотел бы убить, но вот случая не представилось». Этим он сохранил себе жизнь, и с ним обращались очень почтительно. Настоящий откровенный враг, из которого не надо выколачивать показания. Быть может, Наума готовили к какому-нибудь видному политическому процессу. Дав двадцать пять лет, его отвезли в особый лагерь политических бессрочников. Лагерь был секретный, дорог к нему не было. Далее я цитирую самого героя: «Нас привезли туда на геликоптере (т. е. на вертолете), спустили по веревочной лестнице, где этот лагерь – я до сих пор не знаю. Кругом была глухая тайга и выли волки и шакалы». В его рассказе несколько архаичны слова «геликоптер» и «шакалы», но это его подлинные слова. Обычно шакалы воют на юге, а не в тайге. То, что рассказывал дальше Наум, довольно фантастично: «В лагере были бараки, в бараках не было нар, а деревянные койки вдоль стен, посередине стояли столы, заключенных не выгоняли

работать, а только выводили на прогулку. Состав заключенных барака, где сидел Наум, был сугубо интернациональный. Почти все заключенные хорошо знали английский язык (и Наум тоже) и общались между собой по-английски. Среди заключенных было несколько очень знатных высокопоставленных японцев, в частности соседом Наума был японский маркиз. Он, просыпаясь, каждое утро учтиво говорил: «Доброе утро, господин Ромашкин». Было там несколько крупных эсэсовцев, которых так никогда и не выдали Аденауэру, некоторое количество англичан и американцев, которых захватили у японцев (среди них английский генерал из Сингапура), а также индийцы, арабы, несколько русских белогвардейцев из Харбина и Шанхая. И был среди них швед Рауль Валленберг. Я впервые услышал эту фамилию от Наума. Он говорил: «Приятный человек, чуть ли не родственник Нобелей». Где был этот лагерь, где он помещался, какой он носил номер – никто не знал. По-видимому, иностранцев, там содержавшихся, расстреляли при упразднении лагеря.

При Хрущеве Наума выпустили, но в Госплане ни его, ни его жену не восстановили, не вернули им и их квартиру напротив Лубянки. Поселили их в новом доме на одной из Мещанских улиц напротив кино «Форум». Я тогда жил со своей первой женой на Никольской в нашей старой квартире в бывшей гостинице «Славянский базар». Наша семья в двадцатые годы заняла в этой гостинице два номера, выхлопотал их дядя Коля. Дядя Коля был двоюродный брат деда, сын его тети и совладелец родового Смирновско-Булгаковского имения Саюкино Кирсановского уезда Тамбовской губернии. В прошлом он был крупный юрист и стал после революции писать для большевиков их законы и учебники по юриспруденции. Господь наказал его за сотрудничество с красными, его единственная дочь помешалась, а их дача на реке Воре перешла к ее психиатру. Один из номеров в «Славянском базаре», где я тогда жил, сохранился за нами, и Наум по старой, еще с детских двадцатых годов привычке часто заходил ко мне. Я тогда писал сюровые картины, Наум ужасался, говорил, что я гублю талант на империалистические выкрутасы. Но потом мы переходили на политические темы и мирно пили чай и беседовали. После лагеря Наум стал политическим диссидентом коммунистического толка. Он с еще несколькими фанатиками, прошедшими лагеря, создал свою особую коммунистическую партию. Теперь он считал Сталина бонапартистом, а Хрущева буржуазным перерожденцем. Он ходил к кому-то из старых большевиков, на какие-то сходки в серый бетонный дом на

набережной, воспетый Трифоновым, а по дороге заходил ко мне. Старые москвичи, жившие в центре, тогда ходили друг к другу пешком. Их самих несли ноги по адресам их молодости и детства. Сейчас я делаю то же самое, но мои адреса большей частью мертвы. Наше поколение шестидесятников было недолговечным. Большинство переехало на погосты, а уцелевшие за границу. Наум много с жаром и пафосом говорил о русском социализме, об особом пути русской революции, о том, что скоро азиаты и негры устроят всемирную коммуну, что все искривления будут устранены. С особенным пылом говорил о том, что они, истинные марксисты-ленинцы, хранят верность идеалам русской революции. Сам Наум был абсолютно честный святой и бесстрашный человек, и, глядя на него, я благодарил Бога за то, что появились оппортунисты, бывшие троцкисты, как Хрущев, и за то, что они так хорошо и основательно разорили дотла все, что создавал Наум Ромашкин и ему подобные. Но от Наума исходило определенное возбуждающее озарение, как от фанатика. Глаза у него светились, и речь его обладала шармом, которым обладают некоторые маньяки-сумасшедшие и странствующие юродивые проповедники. Редким по убежденности и бесстрашию человеком был Наум Ромашкин. Это был, несомненно, человек штучный, в шестидесятые годы таких, как он, в СССР уже почти не было, их почти всех выбили.

1997 г.

ПАМЯТНОЕ МЕСТО

Один раз я снял комнату в двухкомнатной квартире в добротном кирпичном пятидесятых годов доме. Квартира принадлежала пожилой вдове, особе очень чистоплотной и хозяйственной. В первую же ночь вдова с явными намерениями пыталась проникнуть ко мне в комнатку, но я ей сонным голосом через дверь сказал, что болен неизлечимой гонореей и спать с ней поэтому не смогу. Тогда вдова пустила жить в свою комнату молодого студента сельхозтехникума и со страшной силой его насиловала, причем всегда оставляла дверь приоткрытой, чтобы я, проходя по коридору, мог ее видеть, сидящей на студенте. Торшер у вдовы горел круглосуточно, и шторы с малиновыми попугаями вообще не открывались. У нее было жилистое желтое тело, кружевная мини-комбинация, из которой она выпускала свои старческие трясущиеся груди с огромными, как кофейные блюдца, фиолетовыми сосками. Встречая мой взгляд, вдова победоносно улыбалась желтой лакированной улыбкой большезубого черепа с многими металлическими коронками. Волосы у вдовы были курчавые, оранжеватого цвета. А в ушах и на груди переливались коралловые украшения с искусственным жемчугом. У студента сельхозтехникума под ней всегда было безвольно-отрешенное выражение. Через два месяца жизни у вдовы он бесшумно скончался, и его тело увезли в морг. Вдова была очень довольна его смертью и не расстраивалась. Было ощущение, что она выполнила какой-то заложенный извне план и получила за это лакомую премию.

Пожив в этом доме, я увидел много необычайных вещей. Были постоянно мужские похороны, хоронили и старых, и молодых, всех мужских жильцов этого дома подряд. Теперь, в послебольшевистские времена, хоронят упрощенно: вытащат покойника перед домом, поставят гроб на две старые табуретки, кое-какие жильцы попрощаются, и грузят в микроавтобус, и везут в общую могилу, как во времена ленинградской блокады или в незабвенном восемнадцатом. На кладбище в индивидуальную могилу покойников почти не возят, это стало очень дорого, население еле наскребает себе на пропитание, и кошек и собак – и тех перебили. Теперь люди думают, кому кусочек дать – себе или животному? Все женщины в этом доме, которых я невольно встречал на лестнице и в подъезде, бросали на меня странные блудливые алчные взгляды, а некоторые смотрели совсем дико, чем меня, признаюсь, изрядно фраппировали и пугали. Дело тут, наверно, нечистое и темное, скорее всего этот дом заселен

одними разного возраста проститутками, среди которых, наверно, много и состарившихся, за свой долгий век очень поднаторевших в своем ремесле. Для подтверждения своих мыслей я стал расспрашивать в соседних домах вылезающих на редкое русское солнышко пожилых людей, всегда охочих поговорить с прохожим. И вот что они мне поведали. Раньше на месте сталинской кирпичной пятиэтажки было кладбище самоубийц, куда свозили тела людей, вынутых из петли, или принявших яд, или перерезавших вены. Их раньше не хоронили на городских кладбищах, а тихо, без отпевания свозили сюда в небольшую рощицу и закапывали. Потом, в годы советской власти, убивали так много и так часто, что всякую покойницкую субординацию напрочь забыли, а в годы войны рощицу с редкими зарытыми могилками самоубийц вспомнили, построили вокруг нее дощатый забор, выкопали среди могил блиндаж с двумя накатами и поселили в нем Адель Розенкранц – уникальную чекистскую садистку, женщину-палача.

Адель была дочерью эльзасского коммивояжера, забредшего в Россию, и цыганки-гадалки из хора. Адель обладала уникальным даром знать все европейские языки и любить мужское тело, в том числе и мертвое. Она открыла отдельную новую главу женской некрофилии. Некоторые мужчины окоченевают в момент сексуального возбуждения, и Адель приспособилась совокупляться с ними после их насильственной смерти. В ЧК и НКВД оценили ее способности, и она стала и следователем и палачом одновременно. В город в годы войны свозили в тюремных теплушках множество иностранцев: и военнопленных, и просто случайных перемещенных лиц – и поляков, и чехов, и румын, и австрийцев, и французов, и итальянцев. Их отвозили в блиндаж к Адели, она допрашивала их, вступала с ними в половую связь, во время этой связи убивала их и сожительствовала с трупами. Около блиндажа был выкопан ров, куда она за три военных года сумела заквасить около пяти тысяч иностранных мужских трупов. Таков был итог ее сексуальных садистских игрищ. Потом Адель перевели на польскую территорию, а потом в Германию, где она развернулась на всю катушку и была в конце концов убита обычным красноармейцем, которому все, что он видел, так надоело, что он штыком вспорол Адели живот, вставил ей штык во влагалище и распорол живот до ребер. Это была здоровая реакция психически нормального человека на садистку-извращенку. В некрологе тогда писали об Адель Розенкранц: пламенная революционерка, верная ленинка и сталинка, гордость революции, заслуженная чекистка и так далее.

Но сами чекисты, отдавая дань ее мерзостным талантам, все-таки питали к ней какую-то брезгливость. Тем не менее ее вспоротое, как курица, тело отвезли на Родину и закопали в ее же блиндаже. При похоронах была воинская команда и стреляли из карабинов, пугая ворон и галок. Потом блиндаж сровняли, и все шито-крыто. По генплану на месте рощицы спланировали кирпичную пятиэтажку, при закладке фундамента приехали люди в сапогах и велели немножко пододвинуть могилу. Часть скелетов перезахоронили под детской площадкой. И в России, и в Москве многие жилые дома и дачные поселки построены на местах братских могил. В той же Катыни, знаменитой теперь на весь мир, где раскопали рвы с польскими трупами, не трогают русских братских могил, так как на их месте уютный дачный поселок чекистов. Дом заселили, было много новоселий, играл баян, глупые, радостные, как детские ночные горшки, полные дерьма, славяне били чечетку, отчего тряслись дешевые люстрочки жильцов внизу, и все было бы хорошо, но мужики стали дохнуть, а в баб вселился блудный бес Адель Розенкранц. Женщины, живущие в этом доме, стали страдать чудовищной извращенной похотливостью и изможлать своих налитых дешевой водкой мужчин чрезмерными извращенными ласками, отчего те стали ускоренно вымирать, не вынеся постоянного сексуального напряжения своих половин. Школьницы стали совращать мальчиков и учителей, студентки пожилых профессоров, но особенно страдал похотью женский персонал от пятидесяти до восьмидесяти лет. Многие тещи набрасывались на зятьев, как голодные лесные волчицы, а невестки мучали трясущихся от старости свекров. Когда все мужики, жившие в доме, наконец поисчезали, то стало потише. Но жилицы нашли выход, обклеив объявлениями весь город: «Пожилая одинокая женщина недорого сдаст комнату студенту или рабочему на длительный срок». Обычно этот срок был действительно очень длительным, так как большинство постояльцев переезжало на кладбище, не вынеся сексуального напора наследниц Адели Розенкранц.

Поняв, в чем дело, я быстренько съехал из этого дома и стал обходить стороной и поредевшую рощицу с красно-кирпичным кубом, детской площадкой, с подгнившей Бабой-Ягой и покосившимся теремком на месте массового захоронения. В последние годы советской власти голодноватые советские скульпторы придумали себе приработок: резать из дерева черноморов, лесовиков, домовых, царевен-лягушек, домков-теремков и устанавливать их на детских площадках. Сейчас развалины этих жэковско-языческих капищ догнивают во дворах

как ностальгические памятники «империи зла» – СССР. Одни липовые сгнившие царевны-лягушки остались от Нерушимого. Интересно, что все население микрорайона знает и о роще самоубийц, и о кровавой Адели, и о тысячах загубленных ею иностранцев, и все реагируют одинаково: «Мало их, сук, мочили. Жаль, что эта Адель их всех не перебила, а что она с ними делала – дело понятное. Баба была молодая, ядреная, ей мужиков тышшами давай – и все мало будет. А им все равно подыхать, так хоть свою мужскую силу перед смертью показывали». И даже хотели поставить Адели Розенкранц небольшой бюст или обелиск с профилем – как-никак активная деятельница революции. А насчет мора мужиков в доме они смотрят тоже по-своему: «Зря мужики энтим бабам поддаются, надо их, сук, об стенку размазывать, а не утешать их. Как со своим делом полезет, враз теменем об стенку – и порядок, и тишина будет». А мужики с тех краев имеют другое мнение: «Надо с какой-нибудь войны (теперь всюду воюют) тротил завезти, там его немерено, и дом этот распроклятый ночью рвануть, чтобы он со всеми тамошними стервами завалился. Правда, был один тихонький такой старичок, он в церковь ходит, так он сказал по-другому: «Сколько там душ христианских загублено, не счесть, и вообще грех жилые дома на могилах строить, проку там все равно не будет. Крест бы там памятный поставить, да куда там – они все Бога забыли. А Адель эта – чистая Сатана была, и вообще это место очень даже памятное».

1997 г.

ДЕТИ ПОДЗЕМЕЛЬЯ

В электричке ехали двое старых приятелей – Животеков и Ашкарумов. Животеков вез в сумке большой арбуз, а Ашкарумов за день до этого отрезал голову армянину, тело его разрубил и скормил свиньям, а голову вез в корзине в Москву, решив утопить ее в старом Измайловском пруду, чтобы не могли найти. К армянской голове он заранее примотал проволокой небольшой кусок рельса, и поэтому плетеная корзинка у него была тяжелой. Животеков и Ашкарумов имели два небольших садовых участка и выкопали обширные подземелья под ними, где прятались от своих жен и детей. Жены и дети у Животекова и Ашкарумова были злобные, грязные, от них плохо пахло, они не любили ходить в туалет и все время присаживались ровно посередине пыльной дороги или тротуара, чтобы поперек асфальта текли лужи. Животеков и Ашкарумов выкопали глубокие подземелья вроде блиндажей, сделали в них тайные лазы из сараев и подолгу там прятались. Все стены подземелий у них были обвешаны

никелированными и нержавеющими железяками, которые они оба собирали на свалках. Спустившись под землю, они лежали на деревянных кроватях-катафалках и молчали – они оба уже очень устали от жизни. Иногда они пели в подземелье вполголоса пионерские песни своего детства и вспоминали с радостью, как толстая пионервожатая водила их, мальчиков, в женский туалет и при них какала. Она не могла какать без своих воспитанников. Туалет был в болоте, и внизу, в жиже, жило очень много гадюк. Они там усиленно плодились. Животеков и Ашкарумов всегда заглядывали в очко и видели там копошившихся гадов, и тогда им жизнь казалась загадочной и прекрасной. Теперь, вырастя и состарившись, у них не осталось ничего, кроме воспоминаний. У каждого из них был дома свой копошащийся и извивающийся гадюшник. И мальчики, и девочки Животекова и Ашкарумова постоянно онанировали и ходили с лиловыми подглазниками, и видно было, что жизнь их еще привлекает. Животеков и Ашкарумов надеялись, что когда-нибудь начнутся бомбежки и убьют всех людей наверху, а они в своем подземелье уцелеют. Армянин стал ходить вокруг участка Ашкарумова два дня назад, его явно что-то интересовало, и однажды он спросил Ашкарумова: «А куда ты все прячешься? Раз – и тебя нету». Ашкарумов ничего ему не ответил, но срезал старый желтый огурец, отнес армянину и сказал: «Съешь сейчас же». Армянин стал, давясь, есть, и Ашкарумов ударил его железным ломиком по голове, потом затащил в подземелье, отрезал ему голову, а волосатое армянское тело расчленил в корыте, где он готовил свиньям пищу, и они, радостно визжа, съели полноценное армянское мясо. Ни жена, ни дети, ни Животеков не увидели и не узнали этого дела. А голову он запаковал в вощеную бумагу и повез в корзинке для фруктов в Москву топить в старом Измайловском пруду, который любил с детства. Подремывая в электричке, он думал, что правильно поступил, а то бы армянин нашел подземелье, и нам бы с Животековым пришел конец – некуда было бы от жен и детей прятаться. Кто этого армянина подослал? Только он спросил себя, как Животеков его тоже спрашивает, вытирая с лица пот грязным носовым платком: «К тебе вчера армяшка не приставал, куда ты все прячешься?» Ашкарумову не хотелось ничего говорить о том, как он скормил своим свиньям волосатое армянское тело – вдруг Ашкарумов на Новый год его сальце под водочку побрезгует, и он сказал: «Да нет, не приставал, хотя я его у забора видел». «А со мной он говорил: «Ваш сосед случаем под землей самогон не гонит?» Вот так. Я вчера под землю не спускался, у жены круглые сутки понос был, и она орала, как зарезанная, и мне было не уйти. Я ей все время клизмы ставил и горячие грелки на живот

клал, а из нее зеленая слизь с арбузными косточками все шла, я думал, у нее холера началась, а потом армянин куда-то вдруг делся. Как бы он нас не разоблачил. Я его испугался. Глаза у него, как чернослив, потные и мокрые, и в них есть неотвязность». «У всех армян глаза одинаковые», – ответил Ашкарумов и чуть приподнял корзинку с отрезанной армянской головой. В это время в электричку вошло двое омоновцев с автоматами и два контролера: один контролер побольше, худой с усами, а второй поменьше, с выбитыми передними зубами – их ему безбилетники выбили. Били его били об железный угол вагонной скамейки – и выбили. Омоновцы с автоматами с контролерами ходят для того, чтобы пассажиры вагон не сожгли. В последнее время многие пассажиры вагоны сжигают. Беззубый контролер подошел к Ашкарумову и говорит: «Билетик, гражданин». Ашкарумов дал ему билетик, а омоновец ему в ухо стволом тыкает и говорит: «И за того, что в корзине, еще билетик, нет-нет, доставать не надо. Мы все насквозь видим». Беззвучно уплатил Ашкарумов за армянского безбилетника штраф, а который контролер побольше, в усах, несильно ударил Животекова ногой в промежность и сказал: «А арбуз у тебя краденый» – и отнял сумку с арбузом. А у другой гражданки отняли собачку, вывели ее в тамбур, при всех расстреляли и выбросили труп в разбитое окно. А в железнодорожном кювете в это время гнойный бомж с вдовою стрелочника совокуплялся, так ему тело растрелянной собаки по голове ударило, и он от ушиба умер, а вдова вылезти из-под него не могла и трое суток кричала, пока совсем не затихла. Их непристойные трупы и тело собачки видят все пассажиры, едущие в северном от Москвы направлении на пригородных и дальних поездах, и очень удивляются, думают, этих двух людей загрызла небольшая бешеная собачка, которая сама скончалась со злобы. Животеков очень расстроился после отнятия арбуза и затаился, ушел в себя и больше не сказал ни слова до самой Москвы, и на прощание сухо кивнул Ашкарумову. А Ашкарумов, приехав в город, дело уже было к вечеру, сразу поехал в Измайлово к старому пруду и сбросил голову в воду с моста около башни царя Алексея Михайловича и потом долго мочился в воду, приговаривал: «Плыви, плыви, армянская морда, не принюхивайся. Мы как жили в подземелье, так и дальше жить будем».

В другом измерении (№103)

Алексей "фон Раух" Смирнов

В ДРУГОМ ИЗМЕРЕНИИ

Алексей Смирнов С каждым годом все больше и больше растет во всем мире интерес ко второму русскому авангарду. Несколько важнейших музеев Европы сейчас готовят экспозиции этого периода. В связи с этим мы печатаем уникальный неопубликованный материал 60-х годов, который является взглядом изнутри, так как А. Смирнов, художник и поэт, был активным участником неофициальной литературно-художественной среды тех лет.

Россия была пластическим авангардом пятьдесят лет назад, когда в ней зародились художественные течения, охватившие затем весь земной шар. Врубель предвосхитил кубистиче-ское мышление; Малевич и Кандинский создали абстракционизм, Татлин — конструктивно-динамический объем, Филонов был предтечей сюрреализма, Ларионов повернул профессионализм к сознательному псевдонародному примитивизму. Петров-Водкин заложил основы неоклассики, Шагал возглавил направление мистического символизма в живописи. Эти художники определили лицо современного нам художественного мира.

Первые послереволюционные годы были эпохой расцвета их творчества. Затем большинство из них или покинуло Россию или было отодвинуто новой властью на край жизни. Вместо них развили бурную деятельность другие художественные течения, которые можно разделить на два основных направления: эпигонов Сезанна, рабски усвоивших внешние признаки его манеры, входивших в общество «Бубновый валет», и художников, опиравшихся на литературно-повествовательные традиции передвижников (группа АХР — ассоциация художников реалистов). Школа поверхностных сезаннистов и литературное направление в живописи непримиримо боролись. Победили поддерживаемые правительством литературные традиции передвижников, и в СССР на тридцать лет установилось господство сюжета над чисто пластическим мышлением.

Создалось впечатление, что период дерзаний и новаций был надолго прерван, если вообще не закончился. Советское искусство тридцатых-пятидесятых годов стало искусством одной, обязательной для всех, формы строго фигуративного выражения.

После Кандинского, Филонова и Шагала, так же, как после Леонардо, Микельанджело и Рафаэля, наступили десятилетия холодного эклектичного академизма. Живописцы-экспериментаторы не думали о создании большого универсального стиля, они думали только о своем полном, а потому и ограниченном самовыражении.

История современного искусства — это борьба индивидуалистического творчества с попытками создать единый большой стиль. Именно в этом аспекте надо смотреть на события русской художественной жизни. Если бы русские художники-новаторы смогли создать свою школу в России, то полное наступление декоративно-описательного искусства было бы невозможно, оно встретило бы мощное эстетическое противодействие. Но эти мастера были только маленькими разрозненными оазисами среди моря разновидностей русского тенденциозного натурализма. С исчезновением этих оазисов

стереотипная стихия фигуративизма поглотила и выровняла русское искусство в безбрежное однообразное пространство.

Пересаженные на запад оазисы русского авангардизма стали активно влиять там на художественную жизнь. Они породили множество себе подобных, но, к сожалению, не создали «школы» в большом смысле этого слова. Нет школы Кандинского, нет школы Шагала, нет школы Малевича, есть только художники, в различной степени испытавшие их влияние. Это и понятно. Культура Западной Европы порождала и порождает тип художника-индивидуалиста. Задачи создания великой единой современной школы с великим стилем чужды самому духовному складу современного Запада. Здесь мы должны подчеркнуть, что попытки противопоставить европейское искусство и современное советское искусство искусственны и противоестественны,

русское и европейское искусство — это одно целое, неделимое по своей духовной сущности. Задачи, стоящие перед европейским и русским искусством, одинаковы, и самой насущной и главной задачей является вопрос создания великого современного стиля. Мы должны себе четко представлять, когда оборвалась последняя нить большого стиля в Европе, когда начался хаос индивидуализма.

Внимательно анализируя смену стилей в Западной и Восточной Европе, мы ясно увидим, что последним общим для всех европейцев стилем был романский стиль. Он охватывал всю Европу от Византии до Британии, он подчинял себе весь комплекс ремесел, быта и живописи, архитектуры и скульптуры. Общехристианские идеалы цементировали общие пластические задачи. Мозаики и фрески Константинополя, Киева, Венеции, Сербии и Сицилии решали общеевропейские духовные и художественные проблемы. Роковой раздел на Западную и Восточную славянскую Европу начался позднее, в эпоху господства в Западной Европе готики. Готическое искусство было субъективным, а потому и навязчиво агрессивным искусством. Готика была переходным этапом к ренессансу, она вынашивала в себе плод ренессанса. Готика — это вообще угловатости и странности пластической ренессансной беременности. Джотто — ее преждевременный выкидыш. Закономерное же рождение наступило позднее — Данте, Леонардо, Боттичелли — дети и одновременно палачи готики. С момента ренессанса Европа вступила в период непрекращающегося экспериментаторства. После романского стиля — единого стиля для всей Европы более не наступало. Возникали увлечения и моды, несущие в себе бациллы музейно-сти, искусственности и электиз-ма. Барокко, классика, ампир, стиль второй империи родились на почве

археологических реминисценций и искусственных впрыскиваний традиций умерших цивилизаций. Особенностью России является то, что она не переживала готики и ренессанса. Попытки сделать Андрея Рублева мастером ренессанса выглядят довольно жалко. Россия, в отличие от Западной Европы, продолжала разрабатывать идеи романского стиля вплоть до семнадцатого века, т. е. до насильственных реформ Петра Первого. Петр Первый отменил и уничтожил самобытность русской жизни и русского искусства, заставив русских колировать западные формы. Но это насильственное уничтожение естественного пути не дало ценных результатов. Вплоть до начала двадцатого века Россия выглядела в художественном отношении страной жалких эпигонов, рабски копировавших все модное на Западе.

Первое проявление русской национальной самобытности в послепетровский период мы видим в появлении мастеров-авангардистов от Кандинского до Петрова-Водки на. Следовательно, резюмируя данное положение, мы приходим к выводу, что Россия в силу особенных причин ее географического, духовного и социального развития вступила прямо из романского стиля в современный стиль двадцатого века, так как европейское эпигонство восемнадцатых и двадцатых веков было явлением поверхностным, не затронувшим основных процессов народной художественной жизни. Кроме больших государственных центров, как Петербург и отчасти Москва, Россия вплоть до Октябрьское революции тысяча девятьсот семнадцатого года продолжала жить художественными заветами Романской Византии. Русская иконопись и фрески XVIII-XIX веков еще ждут своего открытия и исследования.

Это народное по своему духу искусство было окончательно уничтожено революцией из-за своего религиозного содержания, но оно дало в предреволюционные годы возможность Кандинскому, Врубелю, Филонову, Ларионову и другим вобрать в себя дух Византии не из музеев, а из гущи самой народной жизни, из мастерских тысяч иконописцев. Прогресс в искусстве, бывает, прерывается на долгие периоды, но он всегда возвращается к последним достижениям последнего по свету большого всеобъемлющего стиля.

Современное западноевропейское искусство училось у наших авангардистов пластическим заветам Византии. Училось оно и у Матисса, своеобразно претворившего принципы русских икон. В деле создания единого общеевропейского стиля сыграло большую роль то, что на просторах России в течение столетий происходила тихая и незаметная для Европы работа над переработкой основ романского стиля в стиль современный.

Русские авангардисты показали блестящие примеры этой переплавки золота Византии в ультрасовременные художественные ценности. Поэтому их появление было не случайностью, а исторической закономерностью. Их трагедия в том, что они не создали собственной школы в России, а школа иконописи погибла в огне революции. С чем же столкнулись принципы русского авангардизма на современном им Западе? Прежде всего, с импрессионизмом. Как я уже писал, начиная с эпохи Возрождения, Европа стала гигантской мастерской экспериментов и исканий, различных по направлениям.

Извечный дух беспокойства и неудовлетворенности, создавший современный европейский интеллект, не останавливался надолго ни на одном художественном направлении. Все требовало обновления и поисков, все вело в будущее. То, что Франция на столетия стала, как некогда Италия, экспортером изделий искусства, наложило определенную печать на всю европейскую художественную жизнь. Веера, духи, дамские корсеты, картины, «маленькие Версали» и разлитая по пузырькам желчь Вольтера и слезы Руссо поставлялись в обязательном порядке во все европейские страны. Но Франция дала не только продукты моды, но и последнюю вспышку художественного индивидуализма — импрессионизм.

Гениальные мастера Возрождения и гениальные мастера импрессионизма — начальные и окончательные вехи периода индивидуализма. Мастера Возрождения с небывалой мощью показали вершину родившегося индивидуализма, мастера импрессионизма не менее гениально показали его конец и завершение в Европе.

Импрессионизм как завершающее явление породил и собственное противоядие — концепцию Сезанна. Сезанн создал Пикассо — фабрику идей будущего стиля. Геометрический мир Сезанна и Пикассо сомкнулся с эмоциональной напряженностью одиночек русского авангардизма. Стало возможно создание нового стиля, опирающегося на круглые своды романских соборов. Показательно, что современный стиль вступил сразу же в непримиримое противоречие с импрессионизмом, чей возвышенный эгоцентризм противоречил принципам массовости и единости новых идеалов. Очень показательно и интересно основное различие русских авангардистов и первых импрессионистов: русские авангардисты, будучи мастерами-индивидуалистами, не создавшими школы, несли в себе невольно подхваченные ими у Византии зерна массовости, общедоступности; импрессионисты же, создавшие массовую школу, заразили ее своими индивидуализмом, отсутствием

универсальности и обрекли ее на бесплодие.

В СССР в последнее десятилетие также начались новые процессы в пластической жизни. Точнее, проснулась воля к раскованной пластике. Искусство фигуративной тенденциозности, финансируемое и поддерживаемое заказами, перестало удовлетворять умы наиболее аналитически мыслящих художников. Процесс приобщения к современности идет различными путями. Часть художников пошла за достижениями русских авангардистов, но слишком велик был тридцатилетний перерыв и слишком различна духовная среда, в которой выросли Кандинский, Шагал и другие мастера. Гораздо легче оказалось копировать последние достижения Запада, но, опять-таки, мешала различность условий жизни и социальные противоречия России и Запада. Поэтому для молодых художников России остался третий, единственно органический путь — изучение наследия Византии, разбросанного по территории России. Народный лубок, иконопись, орнаментика стали подлинной школой современного русского авангарда. Это те первоисточники, что вскормили когда-то вспышку искусства в предреволюционные годы. Сейчас этот процесс становления художественной школы авангарда еще не закончен, но уже дает отдельные созревшие плоды.

Отличие авангардизма в СССР в шестьдесят шестом году от авангардизма в России девятьсот шестнадцатого года в том, что сейчас мы имеем дело с рождением новой школы. Противоречие возродившегося советского авангардизма с финансируемым фигуративным искусством только усиливает чистоту его духовных и творческих устремлений. Искусственно созданная заторможенность в фигуративном искусстве в свою очередь под влиянием нового испытывает толчки и колебания. Фактически мы имеем в СССР два эстетических явления, не противоречащих друг другу по направлению,а просто разновременных по движению к прогрессу. Наше официальное фигуративное искусство находится сейчас на уровне предимпрессионистического искусства Франции девятнада-того века, а наш молодой авангард вполне на уровне и даже впереди явлений двадцатого века. Естественно, то официальное фигуративное искусство вынуждено переживать на себе веяния нашего времени, в нем появляются импрессионистические и экспрессионистские тенденции. Но все эти процессы относятся к уже давно пройденному, они интересны, поскольку приближают официально фигуративное искусство к современности. Наш авангард живет в совсем другом времени и разрабатывает другие проблемы. Советский авангардизм не состоит из разных школ, а решает разные

пластические задачи, объединенные общим идеалом. Художниками, чьи творческие индивидуальности уже достаточно определены, являются Шварцман, Гробман, Янкилевский, Рабин, Нус-берг, Яковлев, Вайсберг, Кабаков, Неизвестный, Краснопевцев, Пла-винский. Проблемы, решаемые этими художниками, неодинаковы и сложны, разбор каждого художника выходит за рамки этой программной статьи. Для всех этих художников их принадлежность к общеевропейским художественным традициям органична и постоянна. Период голого эксперимента окончен, создано много хаотически разбросанных ценностей, их необходимо объединить в общеевропейскую систему нового художественного мира. Авангардисты сегодняшней Москвы это не кучка отдельных разрозненных художников, это начало большого осознанного движения, имеющего целью вернуть России ее законное место в рядах создателей искусства двадцатого века. В каком направлении будет дальше развиваться этот процесс в СССР? На это ответит будущее. Но уже сейчас ясно, что художественные силы Москвы вступили на свой собственный, глубоко органический и оригинальный путь, чуждый внешнего стилизаторства и эпигонства.

Москва. 1966

Вестники хаоса (№105)

Алексей "фон Раух" Смирнов

ВЕСТНИКИ ХАОСА
Алексей Смирнов

Современная Россия — стихия хаоса. Хаос вышел из берегов, он затопил набережные Невы, Москвы-реки, Ангары, Амура. Хаосу нет ни границ, ни предела. Он велик, безбрежен, первозданен, он не фальсифицирован, он органичен. Хаос стал нашим родным домом, нашими стенами. Мы все — творцы этого хаоса, мы его участники, маги и демиурги. Бедному Евгению не спастись, не пересидеть на спине льва, не выплыть на чужом гробе, он

обязательно утонет. Говорить о том, что этот хаос появился внезапно в связи с такими-то и такими-то событиями, несерьезно. Хаос появился уже давно, его признаки были в опрокинутых лицах всех нас. Мы опрокидывали все и вся. Главное, что мы совершали, это жили в опрокинутом времени. Это время хаоса мы породили сами. Он наше дитя. Огромное черное пространство хаотично именно нами самими. Мы все пестовали в себе великий мрак, верили в него и когда он наступил, совсем не удивились. Великий черный провал нашего личного хаоса наконец стал огромной реальностью. Концентрация колец нашего сверхсознания окольцевала горло России, и она задохнулась в нашем мраке. Доброе или злое дело мы делали, мы не знаем. Поэт, художник — маг, дитя слепой стихии, он дружит с ветрами, звездами, он сегустирует в себе чудовищную духовную энергию, пришедшую ниоткуда, и отфутболивает ее в мир. Ему часто кажется, что он бьет в пустоту, нет никакого эффекта от его ударов, но он все равно бьет и бьет, посылая удары в неведомое черное. И вдруг рушатся царства, на горизонте вспыхивают пожары от горящих столиц.

То, что произошло в России, явление не только космическое, но и мистическое. Вдруг восстало из неведомых расщелин, ям и могил все, что туда силой загнали, замучили, умертвили. Идут легионы призраков, о которых вчера еще думать было немыслимо. Начался позорный декаданс памяти, все вдруг стали прикидываться немножко забывчивыми, но вдруг что-то вспомнившими. Но не о них речь. Они — это толпа. Великие маги хаоса знают толпу, ее извечный позор, ее симуляцию знания.

Не о них речь. Великие маги хаоса всегда тихи, незаметны, они страшатся своего дара, так как они знают — «они знают», какие силы они вызывают на себя и что случается от их общения с Высшими. Это удел посвященных. То, что произошло в России, величайшая мистическая тайна очень узкого, очень разобщенного круга. Высшие силы избрали проводниками своей воли немногих посвященных и их страшная бешеная энергия совершила чудо — погрузила Россию в хаос. О нет, те, кто думают сейчас, что лепят из этого хаоса, глубоко ошибаются — они жалкие ничтожные марионетки. Хаос вольется в заранее определенные свыше формы. Весь тот ужас, в котором жила Россия с 17-го года, по-видимому, был задуман для сотрясения окостеневшего мира. Большевизм был только железной арматурой на пока еще студенистом теле хаоса, которое еще не начало каменеть. А оно будет каменеть и постепенно отольется в странные и невиданные формы. Наша маленькая ничтожная человеческая жизнь — ничто, она — помпей-ская пустота на серой тени хаоса.

Настоящее время России внеисторично, оно возвращает нас к прозрению вневременного первозданного хаоса. Пучащаяся магма не знает ни законов гуманности, ни тлена прогресса и цивилизации — она жжет одинаково и ребенка, и собаку, и жреца, и сплетшихся влюбленных — она вне времени. В России начался тот великий хаос, который станет детонатором полной деформации современного мира, так умело держащегося за бумажные стенки своих японских домиков, где вершатся церемонии с многими известными. Не спрашивайте, кто мы и что мы, мы — дети и одновременно отцы хаоса. Мы под прекрасным черным небом вызываем на себя черный дождь пепла истлевшего мира. А так, если не смотреть на суть происходящего, жизнь, как всегда, страшна и ужасна. Все спешат предать: предать себя, друзей, вчерашних богов и вчерашние идеалы. Большевизм был временным явлением, где все всю жизнь к чему-то приспосабливались, что-то кроили и шили шутовские кафтаны: «Искусство кройки и шитья сулит мне новые удачи» — это знал каждый. Сейчас все это совершенно не нужно. Начавшийся хаос поглотит все. Падет не только уже частично павшая большевистская цивилизация, падет и христианская цивилизация, падет и американско-западный мир, падет и рухнет все. В России начался великий хаос — это огромная воронка, которая всосет в себя все щепки и камушки, за которые сейчас держатся люди. Это еще не все понимают, еще пытаются как-то регулировать «пошедший процесс». Это наивные игры, господа. Россия — родина мирового хаоса, отсюда шли те толпища и скопища, что разнесли в куски Рим, отсюда двигались по миру грозные шествия ариев. Все это сейчас всячески скрывается и замалчивается, но уже найден Аркаин — паукообразный нарыв вселенной, то место, где взорвется внеисторическая магма завтрашнего дня. «Нас ждет хаос», — это мы говорим теперь вместо «Будьте здоровы» или «Спокойной ночи».

Страшная ошибка Запада в том, что он рискнул, точнее, посмел вмешаться в русские дела. Об этом жалеют уже сейчас, еще больше будут жалеть завтра, а послезавтра для жалости места не останется, будет уже не страх, а ужас. В Германии дети пели: «Боже, покарай Англию», вскоре в мире будут шептать: «Боже, спаси нас от России» и чем ниже, грязнее мы сейчас падем, тем ужаснее будет наше пробуждение. Россия не пойдет ни одной из известных дорог, она пойдет в неведомое. Быть может, это будет ужасное неведомое, но оно будет именно таким. Жалкой, но и трогательной одновременно была старая погибшая русская государственность, страшна и чудовищна была советская государственность, но это были, пусть и зыбкие, но все-таки

оболочки, сдерживающие хаос. Запад должен был держаться, как за спасательный круг, за советскую государственность, пестовать ее и лелеять, по заветам Сахарова реализовать конвергенцию рынка и социализма. Но все вышло иначе, зверь снова вышел из клетки. Сумма злодеяний, совершенных в России в советский период, столь безмерна, соучастников их и активных, и молчаливых так много, что общий вес причиненного зла перевесил все барьеры и препоны и тюрьма рухнула. Великий сквозняк из России задул снова. 6 свое время Блок пугал азиатами и скифами, но пугал зря. Вместо азиатов и скифов повылезали коминтерновские кувшинные рыла. Вот сейчас действительно наступает век неведомых странных лиц, которых никогда еще не было. Они появятся не сразу, пока что они еще в тени, но уже все есть, действующие лица трагедии все уже налицо. Пока что сцена пуста и заполнена постбольшевистской массовкой, но скоро она уйдет. Голод, холод, остановка заводов и железных дорог, лопнувшие трубы канализации и водопровода, дохлые лошади, холера, брюшной тиф — традиционно русский революционный антураж уже повсеместно присутствует. Пока что не показались действующие лица, но они обязательно покажутся, не все сразу, но появятся. Чем страшнее будет быт, чем больше родится уродливых младенцев, чем больше умрет голодных старух, чем больше будет кровавых побоищ в степях и горах, тем яснее и зловещее будет тишина, которая потом наступит.

Сейчас же многие себя тешат «бессмысленными мечтаниями» о том, как «под себя» приспособить Россию. Можно ли делать из тигра отбивные и шашлык? Спросите и себя, и других. Вряд ли. Тигр — не очень подходящий объект для плотоядного гурмана. С тигра можно содрать шкуру, с России тоже, но вот ее нутро, внутренности, вряд ли будут съедобны. Те, кто решил, что Россия — корова или свинья, т.е. съедобное животное, очень сильно ошибаются. Был такой африканский император Бокассо I, который съел многих, в том числе и французского профессора. Сейчас императора снова отпустили на свободу: «Кушай человечину дальше». Ну так вот, французский профессор — странное обеденное блюдо, и всем в России тоже очень странно чувствовать, что кто-то решил нас тоже кушать, т.е. чтобы мы для американских и европейских дяденек и тетенек таскали из огня каштаны, т.е. были добытчиками почти дарового русского сырья для Запада. Очень странная позиция Запада, очень странная! Если ее будут реализовывать и далее, то не только все русское сырье будет до конца отравлено, но и весь Запад задохнется от радиоактивных ветерков и тучек. Россия такое мистически проклятое место, что любой потребительский прагматический

вариант потерпит здесь чудовищный вопиющий крах. Русские все равно все сделают по-своему.

Я никогда не был сторонником СССР, большевизма во всех его проявлениях, но одного отрицать нельзя — СССР был ни на что не похожим чудовищным государством с чудовищной идеологией. Такой дурно реализованной грандиозной утопии мир еще не знал. Какой неумный человек вдруг решил, что чудовищный СССР можно тихо-мирно преобразовать в благополучное мещанское государство образца капитализма середины 19-го века? Эта попытка периода «первоначального накопления» с треском рухнет, погребая под собою всех участников. Ведь все происходящее совершается на тонюсенькой, все более и более растягиваемой над пропастью пленке пустых обещаний и заклинаний шаманов-экономистов. Сейчас время паузы между реализацией двух великих утопий: утопии «реального» социализма и пока еще совсем неясной новой, но уже наступающей. Уже слышен скрежет и подземные толчки нового величайшего катаклизма. Люди, которые способствовали вмешательству Запада в крах СССР, сейчас страшно всполошились. Они поняли, что всерьез просчитались: грядет совсем иное, чем они ждали. Они-то все хотели совсем другого: подремонтировать «по-человечески» фасад, убрать старую бюрократию и сесть на ее место. И все. Большего им было не надо. Они были оппозицией внутри системы, вынесенные волею истории за пределы реформируемого ими объекта. Как они сейчас все сердятся, эти Зиновьевы, Максимовы, Лимоновы и как скорбно поджал губы вермонтский «обустроитель» и рак-отшельник третьей волны. Получается все явно не так, не по-ихнему. Наступающий хаос — сквозняк такой силы, что никому зацепиться за выступы и шероховатости аэродинамической трубы новейшей истории не удастся — сметет всех.

Обо всем этом знают только люди, ждавшие Великого Хаоса. Они-то, визионеры будущего, уже видят залитые янтарно-мерцающим жидким золотом огня контуры будущей новой цивилизации, далекой от сегодня, как были далеки от испанских конкистадоров пирамиды ацтеков, — новое, чужое, опасное для сидящих в электронных сортирах и жующих жвачку массовой культуры.

Наивны попытки возродить СССР, влить в старые советские меха новое вино. А ведь многие сейчас верят, что вот-вот восстановится единое государство, вот-вот все вернется на круги своя. Не вернется, не восстановится. Табор переселения народов тронулся, опять слышен скрип гуннских колесниц. На развалинах СССР появятся совсем новые огромные империи, империи, для

которых слова «ООН», «ЮНЕСКО», «гуманизм», «права человека» будут стрекотанием кузнечиков. Характерно, что крах СССР начался с его вступления на старый путь Александра Македонского — афганские долины, ведущие к Инду. Азия сейчас снова двинется вслед уходящей советской армии, дыша ей в затылок жаждой новых пространств. Русские цивилизаторы вскоре покинут Центральную Азию и там возникнет исламское сверхгосударство с центром в бывшем Хорезме. На Кавказе тоже начались перекроечные процессы — перестроечные сменились на перекроечные. Опять начинается борьба с Турцией. Основной очаг огня и крови переместится с Ближнего Востока сюда. Скорее всего, отделившаяся Южная Россия вместе с вновь взорвавшимися Балканами двинется по извечному пути на берега Босфора. Будет снова сметена в крови войн Украина и Бессарабия — треугольник между Киевом, Стамбулом и Сараево превратится в пепел. Опять двинется на запад Монголия, Бурятия, Тува, Киргизия, Башкирия, Якутия, застывшие останки Золотой Орды. Москва снова сцепится с татарами за дельту Волги. Эти внутренние русские процессы увяжутся в единый узел с окончательной победой исламского фундаментализма на Ближнем Востоке и огромным фронтом борьбы всех против всех в мусульманском мире и Африке. Не останется в стороне и Индия, которая уже сейчас в Кашмире вступила в схватку. Китай, скорее всего, замкнется и затаится в своем изоляционизме — он пока должен ждать. Мелкая добыча не заинтересует мечтающих о мировом господстве. Будут задействованы все ныне замороженные и зачехленные стволы всех калибров, а их от Смоленска до Владивостока очень и очень много. Ядерное оружие из бывшего СССР растечется по всем очагам напряженности, оно уже сейчас тихо и незаметно растекается, и возникнет целый ряд локальных ядерных конфликтов. Единственным утешением является то, что все это не будет происходить одновременно.

Вся эта борьба будет кипеть без «руководящей» руки Запада. Запад будет растерян, операции вроде иракской больше не удадутся, вопрос будет стоять всерьез: «Воевать или не воевать?» Запад не станет воевать, Америка не станет воевать. Запад будет делать вид, что он управляет фактически неуправляемым процессом.

После долгих десятилетий распрей и войн возникнет новая политическая карта мира с новыми неведомыми государствами. Возникнут новые религии, новые идеологии, новые культуры. В плавильном котле России и всего Евразийского континента кроме обычной политической таблицы Менделеева появятся новые неведомые сплавы, мерцающие неведомым, часто зловещим

блеском.

Для большинства русских, бывших советских верно- и неверноподданных, все это будет большой неожиданностью. Большевизм приготовил всех к определенному патернализму — опеке государства, и вдруг такой страшный крах — твердь рушится, хляби вышли из берегов. Очень многие сейчас испуганы и растеряны, они буквально стонут и плачут: «Нас предали, нас обманули». Да, их, конечно, предали и обманули. Им обещали при определенных гарантиях Запада провести в СССР реформы, «улучшить» советский социализм, мягко ввести его в мировое сообщество, приобщить к «общечеловеческим ценностям». Ничего этого не произошло — номенклатура решила все по-своему, став детонатором взрыва. Разгул коррупции и преступности среди бывших партийных функционеров достиг невиданных масштабов и фактически поставил Россию на грань гражданской войны. Уголовно проведенная приватизация приведет вскоре к социальному взрыву огромных масс бывших советских рабочих, которых сейчас буквально обобрали до нитки. Скоро они, вооружившись чем попало, двинутся на центры скопления нуворишей и коррупционеров. Ремесленники и мелкие предприниматели сейчас задавлены налогами, как никогда. Их душат люди, раскрадывающие сырье и на выручку ввозящие огромное количество низкосортных товаров Запада. Перекупщикам надо на корню задавить национальную промышленность.

Сочетание начавшихся глобальных расовых перемещений с назревшей социальной революцией в России — это и есть внешние контуры хаоса. Основа же хаоса — неудовлетворенность всем ходом и стилем современной цивилизации, ее убогим мещанским характером, жалкой моралью мелких и крупных лавочников, повсеместно навязанной человечеству. Пусть лучше человечество погибнет и выродится от радиации, чем жить в этих утлых рамках рабства. Эта идея уже вызрела и начала реализовываться в России. Как квалифицировать это движение, в какие политические тона его окрашивать? Это трудно определить. Оно не красное, не коричневое, не белое. Это не традиционный консервативный третий путь, это путь в будущее, это тоска по сакральному религиозному обществу, где человек — часть природы и часть космоса. Сейчас упорно создается подземными кротами славянства новая европейская религия. Век христианства оканчивается. Именно поэтому так велик интерес к аналогичным попыткам начала века. Сейчас переиздали и перещупали весь «серебряный» русско-религиозный философский ренессанс и, еще раз его переварив, остались неудовлетворены.

Наиболее прозорливые вглядываются в доантичные времена. Античность слишком уравновешена для смрх-мистических славян, жаждущих чуда в каждом миге своего существования. По-видимому, предстоит возрождение совсем других культов, ныне совсем забытых.

Когда-то человечество было более совершенно и физически, и духовно. Мы, теперешние, жалкая тень когда-то погибшей цивилизации. На нас на всех вдруг подуло из неизвестного, неведомые токи откровений от давно погибшего сделались явственней и реальней. Понятие времени сместилось. Прошлое, настоящее и будущее стали едины, энтропия духовного ядра стала осязаема. Мы все перестали быть людьми — только сосудами неведомых, переливающихся через нас сил. В России опять начался процесс создания новых форм жизни. Новое всегда возникает в хаосе, но этот хаос создается сейчас пока еще Неведомыми. Мистики трех великих религий — христианства, буддизма и ислама — стоят повивальными бабками у колыбели будущего, но родители нового в Лхасе, в Индии, в Египте и еще где-то, где точно мы пока не знаем сами. Путь к этому новому грядет через страшные испытания, чем ужаснее будет этот путь, тем более чиста будет тишина завтра. Только жертвенные костры будут трещать при наступлении этой тишины. Сознание этого завтра стало в России реальностью, вопрос, когда оно наступит. Наступит оно не сейчас, путь к нему будет довольно долгим и вполне ужасным. Весь ужас, великолепный ужас того, что происходит и произойдет, в том, что его нельзя предотвратить, он неминуем и не зависит от воли отдельных людей. Люди в России сейчас делятся на две категории: те, кто уже понял, куда и почему поворачивает ход событий, и те, кто цепляются за вчера, надеясь как-то его задержать.

Тут стоит вспомнить трагедию потерянных поколений, описанную Ремарком, Олдингтоном, Хемингуэем, Барбюсом и другими писателями. Русские об этом промолчали, потому что их предали вдвойне — и в 14-м, и в 17-м, и описать все ужасы двойного предательства сил, по-видимому, ни у кого не было, даже у Бунина. Они предпочли промолчать. Сейчас в России наблюдается разочарование и отчаяние, близкое по масштабам к опыту «первопроходцев» потерянности. Как все ждали освобождения от ненавистного большевизма, как надеялись на помощь Запада в этом освобождении! А Запад в деле разрушения большевизма поставил на Горбачева и Ельцина — плоть от плоти КПСС и на «новый класс» — номенклатуру. Вместо освобождения Россия получила второе закабаление, еще более жесткое, чем первое, и в этом закабалении в сильной степени виновен Запад со

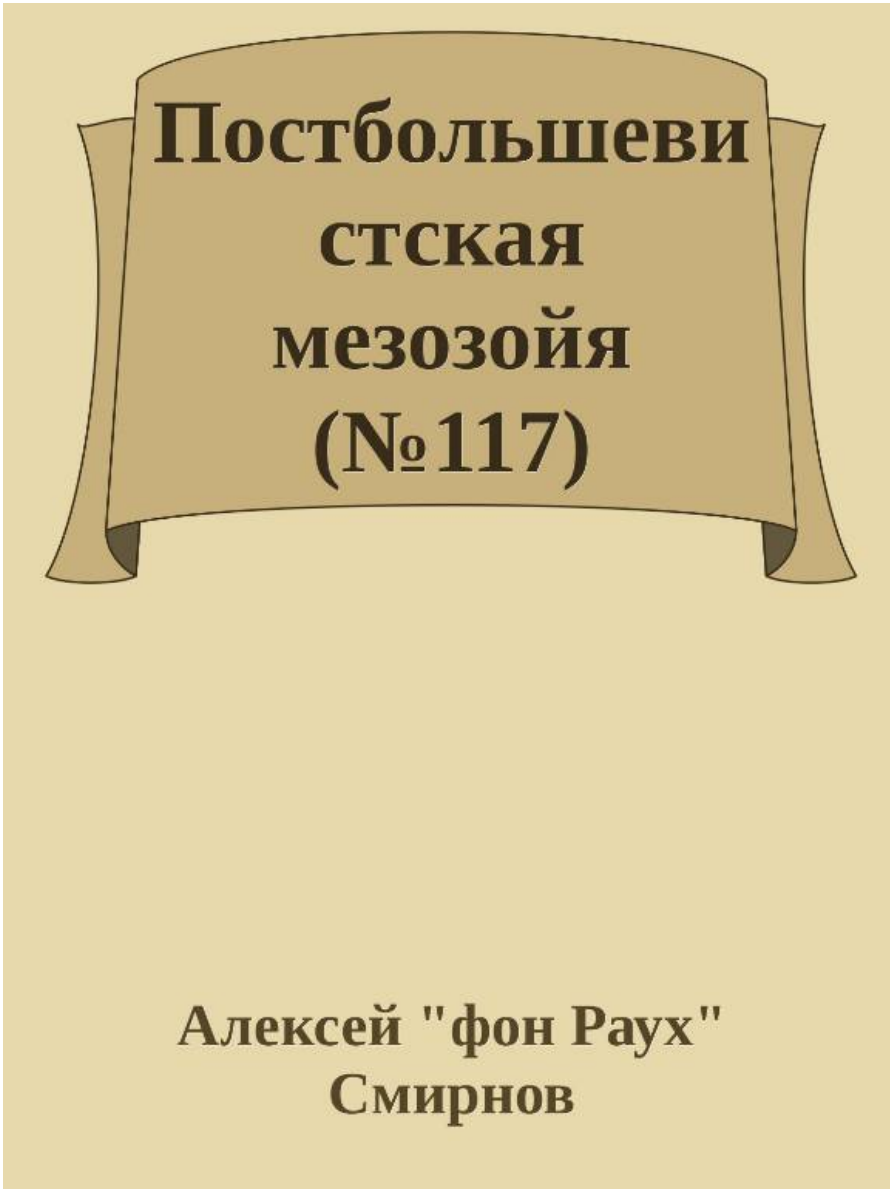
свойственным ему прагматизмом и моральной небрезгливостью. Идущие вереницей разоблачения, скандалы, тяжбы, грядущие катастрофы, забастовки, марши и революции — последствия неправильной ставки Запада на разрушение большевизма руками большевиков. Был ведь иной путь — неучастие в красных делах и изоляция красной империи, что привело бы к краху большевизма в России, а не к мимикрическим переворотам. Нарушив геополитическое равновесие Евразии, расчленив СССР, расчленив территорию бывшей Российской империи, Запад вызвал равную ядерной расово-этническую катастрофу, процесс которой остановить или переориентировать не в человеческих силах.

Был и еще один путь, ведшийся довольно успешно, — путь постепенной гуманизации СССР.

Из каких-то соображений этот процесс прервали, остановив тенденции эволюционной трансформации. Возможно, это произошло, потому что эволюционно реформируемый СССР стал бы в довольно близком будущем не вооруженным до зубов монстром, а подлинно живой великой державой. Всего этого не произошло и теперь массы людей пребывают в страшном тупике и ожесточении. Потерянность и разочарование — слишком мягкие термины, обозначающие их нынешнее состояние и существование. Искусству в такой ситуации места нет. Просто отдельные творческие личности «выработают» оставшийся у них творческий заряд. Грядущая катастрофа постсоветской цивилизации не даст художникам творить. Это будет эпоха гуннов, остготов и вандалов в новом обличий. Постепенно будет создаваться новое религиозное искусство, как создавались первые христианские памятники на развалинах языческого Рима — новый стиль Теодорихов. Русская диссидентская культура, участником которой я был, существовала около 30 лет, между 56-м и 86-м, и была связана с надеждой эволюционной трансформации СССР. Сейчас эта культура на территории России окончилась.

Есть отдельные русские творцы, оказавшиеся, как некогда Эль Греко или Феофан Грек, за пределами эпицентра катастрофы. Они продолжают творить. Вспомним слова Рахманинова, сказанные Мариетте Шагинян на перроне Балтийского вокзала, когда он покидал Россию: «В этой стране нормальная культурная жизнь надолго прекращается». Те, кто сейчас остался на родине, или обслуживают массовую культуру, или находятся в изоляции еще более глубокой, чем в бывшем СССР. Но самые чуткие слышат подземный гул, вдыхают наступающий хаос и ждут огромной черноты и ореола нестерпимого света, который разорвет мрак.

1993 г. (сентябрь)
«Зеркало» (Москва)



ПОСТБОЛЬШЕВИСТСКАЯ МЕЗОЗОЙЯ
Алексей Смирнов

Кончается темный век — век кали-юги. Наступает эра, которую нельзя было даже отдаленно предвидеть. «Грядущий хам» Мережковского, реализовавшийся в России, был все-таки «наив-кюнст» рядом с тем, что начало выползать после краха

большевизма в Евразии. Постбольшевистская эпоха — эпоха победившей деструкции. Инфернальные силы хаоса приобретают в России мелкие повседневные черты — они привычные морщины на гримасах наступившего ужаса.

В свое время большевизм утвердился как победа уголовных методов политической борьбы. Методы большевизма: обещания политическим партнерам коалиционного участия в правительстве, затем их поголовный расстрел; заражение жен расстрелянных сифилисом; отдание их детей кавказцам и татарам из ЧК на гомосексуальное растерзание. Так уничтожали анархистов, эсеров, просто попутчиков, изменивших присяге царю офицеров, инженеров, некоторых поэтов — красных проституток. Обо всем этом мне рассказывали в шестидесятые годы случайно уцелевшие, вырвавшиеся из застенков всероссийской Лубянки. Потом большевики перебили всех участников этих мясорубок, включая самих убийц. Выжили только некоторые учетчики сапог расстрелянных. Недаром, желая замести следы, НКВД не снимал сапог с расстрелянных польских офицеров в Катыни. В большевистской России мужские трупы считали по сапогам, а женские по сережкам, вырванным с мясом. Рассчет был такой — если целы сапоги, значит, расстреливали немцы.

Генетическая память людей привыкла к ужасу, все эмоции стали простейшие: люди стали живо реагировать, как псы на кусок мяса, на раздвинутые женские ноги и на сохранение целостности хрупкого детского черепа. Все остальные проблемы личности отходили при режиме Ленина-Сталина на третий план. На втором плане было непременное участие в колоннах: быть вечным участником вечного шествия надо было ради поддержания статуса собственной физической безопасности. Идиотизм страха был символом и рычагом движения страны. Сталинские пятилетки двигались и выполнялись одним только страхом. Иных двигателей у этого наконец севшего на мель корабля, именовавшегося СССР, не было. Те, кто сейчас бурно оплакивает сталинский СССР, — это ностальгические вурдалаки: «Ах, как хорошо и удобно было во время оно коллективно сосать кровь невинных жертв».

Гибель СССР сейчас многие воспринимают неправильно — СССР и проглоченная большевиками Россия были очень и очень разными вещами. У наших патриотов в этом вопросе имеется большая, часто искренняя путаница. Капсула с законсервированной Россией в большевистском скотомогильнике была по силе разрушения для красной империи холерным вибрионом или чумной палочкой. Скотомогильник разворошили… Россия — прекрасный белый конь, погребенный

среди сгнивших марксистских свиней. Сейчас чуть-чуть только из завалившихся ее зловонных ребер показалась белая лебединая шея. Размораживание России идет очень и очень медленно. Она восстанет из пепла не ранее, чем в двадцатых годах двадцать первого века. До тех пор будет идти процесс копошения трупных червей и навозных жуков. На месте России мы видим сейчас вспоротое брюхо большевизма с шумно кишащей нечистью.

В этой ситуации особенно умилительны возгласы госпожи Новодворской: «Мы совершаем буржуазную революцию!» Все революции на одну морду — все они щерятся хищными ухмылками гиен. Что Кромвель, что Робеспьер, что Сталин, что Че Гевара — все они отпетая сволочь и очень жаль, что их всех не удавили в очень раннем возрасте. Впрочем, в ребенке трудно определить будущего потрясате-ля вселенной. В мире должен быть один вечный теократический порядок, и царствования должны различаться только по долговечности династий, а не по периодическим потрясениям, устраиваемым одичавшей чернью. Опыт рухнувшего в одночасье СССР очень многозначителен. Внешне крах наступил скоротечно и неожиданно даже для очень опытных и в общем-то подготовленных людей. Запад такой развал СССР застал вообще врасплох — «произошло перевыполнение плана».

Глубокое отчуждение людей, живущих в России, от социальной, общественной и политической жизни — самое удивительное явление кончающегося двадцатого века. Экзистенциальная отстраненность от страны, от собственной личности не имели аналогов в европейской культуре. Двуполость России, ее амбивалентность всегда всех манили и отталкивали одновременно. Самое поразительное, что Россия и по сей день не приняла технократической западной цивилизации, она оста-ласьскрытойархаичной монархией. Большевики разрушили касты старой России, на месте старых каст они создали свои, но «древность» России все равно неизменна. Ни Россия, ни Индия, ни Китай, ни Тибет и даже ни Япония никогда не будут жить по скрижалям Жака Ата-ли, они идут совсем иной дорогой.

Всякое традиционное общество состоит из четырех сословий: духовно-сакральная элита (в России условно Сенат и Синод); военная аристократия (дворянство); буржуазия (купечество) и простонародье (рабочие и крестьяне). В России в семнадцатом году был заключен негласный, замешанный на крови убиваемых союз между кучкой заговорщиков и четвертым сословием, именем которого они и правили. В процессе этого кровавого сожительства интернациональных заговорщиков и русского простонародья родилось вполне законное дитя — номенклатура.

Трансформация номенклатуры в демократов — явление очень своеобразное, очень. Это некая идея пионерского лагеря, где в конце бараков стоит крематорий, в котором в результате различных манипуляций в конце концов детей кремируют,

а их прах разводят в сладком компоте в виде пищевой добавки для вновь прибывающих под дудку и барабан. Нечто похожее переживает сейчас Россия — Геббельс и Гитлер руководят денацификацией Германии и создают ХДС, сплошь состоящую из гауляйтеров, то есть секретарей обкомов. Ошибаются и очень ошибаются те, кто искренне думает или кому это выгодно и удобно думать, что в России восстанавливается капитализм, что Россия входит в Европейский дом. Какого цвета этот дом — желтый или с красным фонарем? Все обстоит совсем по-иному. Процесс жизни неостановим. Он как вода. Трансформация номенклатуры и простонародья в нечто иное идет активнейшим образом. Создается пятое деструктивное сословье, рекрутируемое отрицательным выбором.

Плешивый режиссер Станислав Говорухин, ныне публично просящий прощения у другого отмеченного свыше плешивого (М.С.Горбачева), возопил о наступлении великой криминальной революции. Это не совсем точное определение — нет революции, есть долгая уголовная обратная эволюция: человек с семнадцатого года успешно становится на четвереньки. Спрашивается: где все эти годы жил господин Говорухин и с кем успешно сотрудничал, если он только сейчас заметил криминализацию общества? Просто клан, к которому раньше принадлежал господин Говорухин, заменил другой клан и отодвинул его от кормушки. Вся наша оппозиция, все эти Зюгановы, анпиловы, руцкие — это оттесненые от кормушки партийные функционеры, вдруг в одночасье ставшие пламенными патриотами.

Прежнее руководство КПСС состояло из людей, рожденных до октября 1917 года. Они все невольно, часто подсознательно обезьянничали и подражали прежним, времен их детства, сакрально-теократическим порядкам, поэтому СССР был в чем-то похож на прежнюю императорскую Россию, что особенно восхищало многих тупиц-советологов, утверждавших из своей гарвардской и йейльской глуши о неизменности России при всех режимах. Умерли старики-паралитики, глотавшие собственные челюсти и ходившие в туалет на костылях, — умер вместе с ними и СССР. Горбачев помнил только о тяжелых каменных задах своих колхозных, совхозных, рай-комовских, обкомовских начальников. Он буквально на коленях вымолил у больного Андропова перевод в Москву для продолжения своей лизоблюдной карьеры

провинциального номенклатурщика. Ге-ронтологическая когорта всех этих устиновых, черненко, кириленко и проч. егоров кузьмичей была последним хранителем обагренного кровью несчастных Романовых сосуда с огнем Российской империи. После их смерти огонь погас, сосуд империи сменил урыльник. Это все были дети лакеев, влезшие в господское платье. Кто-то, посмотрев бондарчукскую «Анну Каренину», совершенно справедливо заметил, что прислуга в отсутствие хозяев, переодевшись в их костюмы, сыграла толстовскую семейную драму. Сталинско-бреж-невское государство и было такой пародией на Россию взбесившихся и обожравшихся лакеев. Все, кто видит в сталинской России какое-то величие, — насмерть отравленные кровью невинных маньяки.

Первая мировая война была катастрофой всех этих жюлей верное, золей, Чеховых, амфитеатровых, голсуорсей и прочих драйзеров. Их герои умирали в грязи и нечистотах Марны, Вердена, Галиции. Сейчас в России много фронтов: на Кавказе, в Молдавии, в Средней Азии. Всюду умирают люди, которых хорошо вооружили и умело стравили. А мы — убогие, тупые, аскетичные, чистые шестидесятники — верили радио «Свобода», лепетали о правах человека, о том, что «Запад нам поможет». Помог, и еще как помог, втирая в раны соль, перец и керосин, а точнее, халявную нефть, отчего все тело Восточной Европы от Вуковара до Карабаха сейчас кровоточит и гноится. Великая цивилизаторская роль Запада (у России две родины), о чем вещал коснеющим языком великий эпилептик, превратилась в пшик. Оказалось, что у России отнюдь не две родины и что мертвые камни Европы — это ее новая Голгофа, и священны они только постоянно проливаемой на них кровью.

В свое время окаменевшие от болезни мозги Ленина разрезали на пластины и стали их изучать в специальном институте, весь научный и административный состав которого потом расстреляли. Если сделать разрез нашей теперешней катастрофы, то мы увидим, что в крахе СССР совершенно нет здорового морального начала. А где нет здорового морального начала, нет и цивилизации, нет и культуры, нет и нормальной конструктивной политики. Трагедия нынешней России в несбывшемся и нереализованном. Почему не реформировали СССР сверху? Почему в нем превалировали криминальные аппетиты номенклатуры, почему здоровые конструктивные силы общества были грубо оттеснены на задний план и победила деструктивная модель? Обо всем этом можно только сожалеть. Истоки этой нестабильности в негласном конкордате четвертого сословия и большевистской шайки. Этот конкордат действует и

поныне, это совместное молчаливое дружное разграбление России простонародьем и номенклатурой: номенклатура крадет вагонами, а простонародье — то, что может унести на спине. Брежнев незадолго до смерти, когда он уже плохо слышал даже собственную икоту и перистальтику желудка, все-таки услышал, как кто-то сказал при нем, что советские люди мало получают (т.е. у них низкая зарплата), и очень живо среагировал: «Кто теперь живет на зарплату? Все кругом крадут. Я сам, когда был молодой, крал ящики на вокзале». Умный и циничный был правитель Леонид Ильич, прекрасно понимал своих подданных. Такой же конкордат совместной уголовщины есть между режимом Ельцина и массами русского простонародья. С барского стола по-прежнему падают кости.

Вообще, все, что происходит в теперешней России, крайне просто: нет ни демократии, ни оппозиции, нет партий и движений, есть одна уголовщина и прикрытие ее разными мутными идеологиями. Эта уголовная простота удивительна для человека постороннего, не знающего адской кухни русского блатного мира. По большому счету все это очень скучно и тривиально. Заблуждаются только совсем глупенькие и наивные, вроде бывшего депутата Верховного Совета СССР, литературоведа Карякина. Самый умный из демократов профессор Юрий Афанасьев давно все понял и полностью отошел от политики. Около власти в нынешней России остались только криминальные элементы. Номенклатура, перекрашенная в демократов, и окружающие их бизнесмены, среди которых много евреев и полукровок, не смогут долго управлять ситуацией. Они будут неминуемо сметены чисто уголовным миром, состоящим из славян и инородцев. Обычно это выходцы из русской глубинки, обосновавшиеся в Москве, а также потомки татар, калмыков, коми, чувашей, мордвы. Все это физически очень здоровые люди со зверскими физиономиями, людей они убивают автоматически, морали у них вообще нет. Криминальная номенклатура и псевдоцивилизованные бизнесмены типа Борового, Хакамады, Артема Тарасова и других не могут убивать всех подряд — это все-таки своеобразная интеллигенция. Сейчас они в ужасе — в затылок им дышат чистые уголовники, сросшиеся с юстицией, милицией и бывшим КГБ. Уголовное государство, уголовная власть, которая сейчас формируется в нечто вполне определенное, будет самым неповторимым порождением большевистских традиций. В установлении большевистского террора невиновных не было — невиновные или были убиты, или ушли в глубочайшее подполье. Мельгунов, князь Жеваков и другие все это прекрасно описали, но они не проецировали своих

оценок в сегодня. Они все-таки думали: вот приедет барин — барин нас рассудит: красные понесут наказание и т.д. А оказалось все по-иному. Красные сменили шкуру и начали все сначала.

Во всех этих тлетворных процессах некоторыми кругами всячески преувеличивается роль евреев. Евреи, как и всякий народ, неоднородны: на территории СССР, а теперь СНГ, были и есть традиционные верующие евреи (то есть, по аналогии с русскими, «еврейские ста-рообряцы»); русские евреи (люди типа Пастернака, Мандельштама, Бродского, т.е. ставшие русскими интеллигентами и усвоившие русское мышление); есть советские евреи (т.е. обычные запуганные, как и все разнорасовое население, люди, бегающие из России в Израиль и обратно); еще есть кремлевские евреи, поганая поросль, позорящая древний народ, и их прямые или косвенные потомки, которые и поныне, как воронье, выклевывают глаза жертв у кремлевских виселиц. Мне лично симпатичнее всех среди евреев «вечные жиды», странники и пророки, колесящие по миру и вдыхающие зной Синая и стужу Сибири. Кремлевские евреи всех политических поколений не могли бы вершить свои темные дела, не заключи большевики уголовный конкордат с темными массами русского про-стнародья, пожелавшего пограбить трупы и поиздеваться над людьми, не марающими рук о чужое доброе: «Грабь награбленное!» При Отрепьеве, Болотникове, Разине и Пугачеве евреев в России вообще не было, а практически большевизм уже существовал.

Темные силы выплеснулись в России наружу. Исподволь, потихоньку, подпольно в СССР, в этом извращенном облике России, зрел новый человек пятого сословия, сословия ничто, тех людей, которые сменят формацию псевдо- и полулюдей, ныне заселяющих просторы Европы. Мы наблюдаем процесс массового вырождения и вымирания личностей. Остатки живой России, закупоренные в большевистском вакууме, как-то дотянули до горбачевской транформации номенклатуры, именовавшейся перестройкой, и дотянув до этого ожидаемого ими всю жизнь момента свободы, когда им вместо чистого воздуха дали вдохнуть глоток иприта, увяли, как срезанные цветы. Новое, что придет на смену нынешнему, только зреет и примет конкретные формы очень нескоро. Эра пятого сословия нивелированных, полностью аморализирован-ных людей только наступает. Эта эра будет очень длительной.

Христианская цивилизация и впавшее в стагнацию русское православие упорно твердят о царстве антихриста, всячески выглядывая и выискивая столь хорошо знакомые приметы. Истоки стихийного массового антисемитизма в России опираются именно

на эсхатологические представления: по распространенным среди простонародья взглядам, антихрист воцарится в Иерусалиме, он будет еврей, он воссядет в восстановленном Иерусалимском Храме, некогда разрушенном римлянами, и нынешние евреи в своей массе являются его верными слугами и готовят его воцарение. Именно эти взгляды проповедует митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн, человек, всю жизнь плотно связанный с номенклатурой и ее спецслужбами. Митрополит Иоанн — это воплощение постсоветской православной нетерпимости и узости.

Пятое сословие наиболее активно, если это вообще применимо к ним, именно в России, ведь нигде, кроме России, коммунизм так долго и безнаказанно не господствовал, всюду его сбросили гораздо быстрее. Пресловутый гомо советикус, о котором так много все говорили и писали, есть только точка отсчета, с которой начинается формирование еще более жесткого, маразмен-ного и ублюдочного общества с еще более страшным типом человека. Сейчас проводится еще более отрицательный отбор, чем это было в тридцатые годы. Но только методы этого отбора иные — экономические. Людей, не согласных жить по законам открытого зверства, оставляют умирать с голода на обочине. Трупы в Москве не вывозятся из квартир неделями. Недавно я видел на Комсомольской площади труп бомжа, который просидел у стены целый день с открытыми глазами, кругом торговали водкой и порнографией, и на него не обращали внимания. По Москве бродят стаи выброшенных голодных собак и кошек, которых хозяевам нечем кормить. Сделана ставка на тихое, «мирное» уничтожение тех слоев общества, которые не примут лагерной морали. Когда в переходах метро возникают схватки между бандитами, люди испуганно сторонятся, здоровые мужчины отводят глаза. Загнанность людей в угол приняла беспрецедентные формы.

О том, как формируется пятое сословие недочеловеков в России, надо писать отдельную работу. Вот только никто ее издавать не захочет. Она не нужна никаким политическим силам. Все хотят воспользоваться одичанием народа в собственных целях. Ведь такие массы можно успешно двинуть и под двуглавым орлом, и под красным флагом, и под свастикой на что угодно. Когда расстреливали Верховный Совет, восторженные зрители радовались, когда снаряды попадали в цель. А когда убивали таких же, как они сами, зевак, то все тупо смотрели, как из них вытекает кровь. А одна женщина, показывая ребенку на открытую рану, говорила: «Видишь, сынок, это у него кишки дергаются». И никто не перевязывал раненых, и все тупо глазели. Убитых же и

раненых в бандитских перестрелках люди раздевают до белья, а окровавленную одежду отстирывают и носят. Любимое занятие сейчас — это охота за паралитиками и умирающими: грабить квартиры, пользуясь их беспомощностью. Пулеметные и автоматные очереди по ночам стали обыденностью. На местах убийства «своих» бандиты ставят букеты цветов. Все с уважением говорят: «Здесь вчера троих чеченов застрелили». Здоровые молодые самки считают для себя честью выходить замуж за мафиози. В тридцатые годы гордились: «У меня зять в органах», теперь же: «У меня зять в мафии». И нынешние, и прежние одинаково ходят, как черти, в коже и выполняют одинаковую функцию запугивателей и террористов.

Понятие «пятое сословие» не изобретено мною, оно предугадано Жозефом де Местром, о нем очень хорошо писал в тридцатые годы смертельно больной туберкулезом Г.Берль в небольшой книге «Пришествие пятого сословия», его взгляды развивал Юлиус Эвола, об этом же писал католический экзистенциалист Габриэль Марсель. Но о пятом сословии боятся писать в нынешней России, так как его искусственно выводят в инкубаторах псевдодемократии. К понятию пятого сословия я пришел сам в своей работе «Абзац России», где рассматривал появление людей — безликих марионеток как самое страшное зло последствий большевизма. Эти люди полностью бездуховны, они легко управляемы, агрессивны, их легко натравить на кого угодно, эти люди — шакалы и гиены, питающиеся трупами раздираемых ими людей высшей породы, презирающими их стадность. К сожалению, история повторяется, и в России, как и при большевиках (тогда по Павлову), искусственно выводится новая порода людей. Конец большевистско-пролетарской эры в России породил новую породу двуногих мутантов.

Года три назад всю Россию буквально потрясли сведения об огромных метровых крысах, радиационных мутантах, живущих в московском метро и в кремлевских подвалах, где рядом с замурованными манускриптами Палеологов и Шне-ерсона вывели этих страшных зверей. Оказалось, что это утка, в которую все поверили. После войны, когда я был мальчишкой, вся Москва валила в зоопарк смотреть на двухметровую обезьяну, привезенную с Дальнего Востока, которая питалась пограничниками. Этот пролетарский опыт имеет под собой мистическую, магическую и трагическую основу — в России все возможно, стоит только завладеть средствами массовой информации и начать проливать кровь на улицах. Новый режим установил монополию на пропаганду и в октябре 1993 г. (помните эту страшную цифру у Гюго?) начал проливать кровь на

глазах сограждан, расстреляв парламент из пушек.

Оппозиции, качественно иной, чем нынешний режим, в России нет: политические юроды типа Анпило-ва, Жириновского, Зюганова и Стерлигова опираются на остатки разогнанного СССР и ничего, кроме нового витка маразма, не создадут. Еще ходят по улицам старые злобные мальчики в сапогах, всякие эдички со вздутыми жилами на за-дроченных лбах и плачут о всем безвременно погибшем советском. Где-то за океаном пишется энциклопедия советской цивилизации, на Брайтон-бич советские евреи поют «Землянку» и «Катюшу», а наша постперестроечная и постсоветская интеллигенция — люди, привыкшие оглядываться на Старую площадь, — с подобострастной улыбкой благополучного женатого многодетного гомосексуалиста творят новую заказную псевдокультуру, как когда-то в сталинские времена творили их отцы о свинарках и пастухах. Новая псевдокультура состоит из полупорнографии, рекламы, затычек «Тампакс», всяческого угождения «новым русским», официального чисто обрядового православия, прирученного модернизма, наемной армии в американских кителях и восхваления тяжелых теток с пальцами торговок Романовых-Золотницких-Гогенцоллернов, которых хотят посадить на русский престол. При такой реставрации президент Ельцин или кто-то подобный будет вечным регентом — хранителем престола. А полный мальчик — царь Георгий — будет учиться в Вест-Пойнте и получит чин полковника американской морской пехоты. Для этих целей уже восстановили Красное крыльцо Грановитой палаты, где совершится коронация нового царя. Идет также дележ земли, заводов, недвижимости; прошла бредовая ваучеризация. Все это я и называю постбольшевистской мезозойей. В этой мезозойе незамешанные честные люди грустно улыбаются от сознания собственного бессилья, видя, как ихтиозавры и саблезубые тигры, грызясь между собою, рвут на части несчастную и так за 74 года террора вконец обобранную страну.

Август-сентябрь 1994 г. «Зеркало» (Москва)

Тридцать гривуазностей о русском тоталитаризме

Алексей "фон Раух" Смирнов

ТРИДЦАТЬ ГРИВУАЗНОСТЕЙ О РУССКОМ ТОТАЛИТАРИЗМЕ ЗАПИСКИ РУССКОГО АРИСТОКРАТА

Алексей Смирнов

1

Тоталитаризм в России многолик, как Шива и бодисатва — в каждом изгибе современной жизни царит нетерпимость. Говорить о том, что русские бесстрастны, — ошибка. Они защищают свое рабство с бешенством, достойным лучшего применения. Будущее России в полном отрешении от традиций тоталитаризма, покидании осквернённых жестокостью мест. Крупные города России — Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург — должны быть покинуты. Сами стены этих проклятых мест пропитаны кровью и насилием.

2

Великая русская литература XIX века очень двусмысленное явление. Фактически все популярные русские прозаики — и Толстой, и Достоевский, и Тургенев, и Чехов — были величайшими разрушителями. Все они подстрекали нашу наиподлейшую в мире разночинную интеллигенцию на разбой. Проповедь скрытой революции среди уголовных элементов всегда опасна. Толстой зачитывался Руссо, Достоевский — Фурье, а Чехов чтил народников. И Бунин тоже из этого же левого болота…

3

Когда Толстой сказал философу Федорову, хранителю Румянцевской библиотеки, что хорошо бы подложить «динамитец» и под его библиотеку, и под храм Христа Спасителя, то Федоров перестал подавать Толстому руку и обегал его на улицах Москвы, как зачумленного. Лазарь Каганович был в некотором роде толстовцем, когда лично нажал рычаг взрывного устройства, подведенного под храм Христа. Он дополнил Толстого, заметив: «Сегодня мы поднимем подол и поимеем матушку-Россию». Учитель и верный исполнительный ученик.

4

Так называемая демократическая интеллигенция, то скопление очень разнородных людей, которых условно называют «шестидесятниками», сейчас выполняет в России крайне позорную роль. Говорить, что они все мерзавцы и проходимцы, нельзя. Просто они очень неудачно вляпались в игрища номенклатуры, которая их по возможности перекупила. Не все, конечно, попались на удочку, но большинство выполняет в современной России чисто полицейскую роль, заменив Суслова и Ильичева.

5

Я откровенно не люблю искусство советских двадцатых годов. Выставка «Москва-Париж», вокруг которой леваки писали кипятком на Сене, очень и очень попахивала кровью. Почетный красноармеец Мейерхольд, поклонник Льва Троцкого, был очень страшненькой личностью, так же, как и Третьяков, и Брехт, и Маяковский, и Есенин, ходивший на Лубянку подглядывать ночные расстрелы. Дурно, очень дурно попахивают наши двадцатые годы. Этот запах стал особенно заметным после августа 1991 г.

6

Двойной прыжок кенгуру, иначе не назовешь трансформацию номенклатуры в 91 -м. Это прыжок сумчатых большевиков, у которых в мешке сидел детеныш нового тоталитаризма. Этого детеныша запеленали в трехцветный флаг, поставили на него двуглавое тавро и теперь хотят возвести на российский престол. Сейчас время не соединения, а разъединения. Чем дальше отойти от имитации свободы, тем лучше. Пока что мы все заняты вбиванием клиньев в трещины, чем глубже будет котлован, тем прочнее будет здание будущей России.

7

Наша византийская по своей сути цивилизация, государственность и культура возникли фактически на болоте среди угро-финских, тюркских и монгольских племен. Теперешние останки ее прежнего величия возвышаются среди постсоветских джунглей, как храмы и пирамиды майя. Большевики, так же, как и нынешние демократы, варвары по своей сути — они прельщали и прельщают аборигенов дешевыми бусами и стекляшками. Поэтому так велика ненависть большевиков и их последователей к остаткам русского патрициата, привыкшим ласкать драгоценности.

8

Эгоизм и эгоцентризм западной культуры обрек ее на одиночество в мире. Но его Запад не замечает, находясь в гедоническом чаду. Славянство, Китай, Индия, Тибет, Монголия, Океания, погибшие красные народы — все они вне Запада. Какая страшная трагедия духовной изоляции. Весь роковой ход западной технической цивилизации ошибочен. Он прямая дорога к гибели планеты. Кроме экологических зеленых движений в Европе, все остальное давно мертво. Нет никакой иной борьбы в мире, кроме борьбы за иной путь развития цивилизации. Ведь Запад воюет не с Сербией, не с Россией, а с робкими попытками иного хода культуры и цивилизации.

9

Пепелища России, пепелища Балкан, пепелища Византии… Фактически Западом загублена целая цивилизация, прямая наследница греческой Эллады. Ведь между скифом Сократом, Херсонесом, Таманью, Салониками, Катаром, Киевом, Владимиром, Москвой не было перерыва. Одни и те же рукописи, потомки все тех же людей. А потом крестоносцы в Константинополе, натравленные венецианцами на греков турки, захват большевиками Москвы… Я никогда не был в Равенне, но как я ее люблю, эту ост- и вест-готскую старину. Была одна и та же культура. Мой предок, думный дьяк Долматов, чья кровь бродит во мне, создавал палеоло-говскую Россию. Он был выходцем из Далмации, приехал в Третий Рим — в Москву и т.д. Только тяжелым русским матом можно сформулировать трагедию искусственно прерванной русско-греческой или греко-русской цивилизации. Славянская редакция ромейского наследия очень многих не устраивала.

10

Сейчас принято лить помои на сербскую Боснию. Это хороший международный тон. Наверное, скоро будут посылать цинковые гробы в Париж, Лондон и Нью-Йорк. Скоро опять пополнится Арлингто-нское кладбище… А ведь этого не надо делать, в корне не надо. Одурманенные посттитовской номенклатурой сербы, фактически, восстали против Запада, против западной культуры, они в некотором роде традиционалисты. Номенклатура — мерзость повсеместная. Люди одурачены ею от Владивостока до Са-раева, их надо жалеть, а не воевать с ними. Подход Запада к этой проблеме лежит вне гуманизма. Посмотрите на мещанские лица нынешних правителей Запада…

11

Сейчас никак не объедешь еврейскую проблему. Наряду с «Майн кампф» Адольфа Алоизовича, нилу-совские «Протоколы» — самая популярная книга среди московских недоумков. Они продаются на всех углах, их теперь цитируют вместо Ленина потомки простолюдинов, загадившие древние столицы России. Там все просто и понятно, вполне на их уровне. А между тем, Израиль традиционалистское, архаичное государство, вызывающее симпатии подлинных русских националистов, а не у недоумков, у которых на заду вытатуированы свастика, серп и молот. Недавно в какой-то газете напечатали фотографию женской попки с нататуированной надписью «шалунья». Будущее русское государство должно быть создано по образцу Израиля.

12

Надо где-нибудь напечатать подборку портретов главных

редакторов московских газет — страшные зловещие лица каторжников и убийц. А чего стоил Михаил Кольцов, разбивший в свое время голову о батарею на Лубянке? Я со страхом и трепетом всегда обходил стороной его брата, карикатуриста Бориса Ефимова, тоже отпетого каторжника. А как был ужасен Илья Эренбург! Я с ним дважды в молодости сидел за одним столом и даже удостоился беседы о живописи. Пугающие, страшные люди с какими-то дикими душевными шрамами каинов, савлов, иуд: Савл Павлович, Павл Савлович, Илья Григорьевич…

13

У настоящей России черноморско-средиземноморская ориентация. Часть русских осела в Италии и стала этрусками. Наши предки забрели в кривичские леса Севера не от хорошей жизни. Оставшись же там, всегда мечтали о Дарданеллах, Константинополе, Салониках, Кипре, надеясь когда-нибудь туда вернуться. Вернулись же евреи в Израиль — и правильно сделали. Арии, скифы — южные народы. Выйдя из Приуралья, они двинулись на юг и там акклиматизировались. Угро-финские племена — та пьяная дикая Русь, которую воспевал Есенин, — не похожи на скифов, на ари-ев. Это ужасные маленькие люди, русские габони по Тарзану, косопу-зые, вечно пьяные, похотливые, как обезьяны, с детьми, похожими на белых негроидов. От их гармоник делаются колики в желудке. Они были лучшими солдатами Кремля: «А Русь все также будет петь, плясать и плакать под забором…»

14

Был такой в Москве ужасный лабазник Валерий Брюсов. То ли ассириец, то ли просто лабазный маг. Он не любил Марину Цветаеву, но любил Аделину Адалис. Эту старую мымру я видел. Ужасная была особа. С его братом, профессором археологии, я был хорошо знаком.

Старый умный козел копал в болотах черепки. Очень страшно, когда подлинная культура и знания ложатся на азиатскую подкладку. В Брюсове было очень много жестокого и нечеловеческого, а он был мэтром, наставником символистов и потом, перед смертью, фактически оправдал большевиков. Это был очень опасный коллаборационист. Он все знал о расстреле Землячкой в Крыму сорока тысяч оставшихся врангелевцев, поверивших большевистской амнистии. В основном это были студенты, читавшие его стихи и мечтавшие вернуться в Москву.

15

На территории бывшей России спешно и ускоренно создается новая чубайсовская псевдоцивилизация. Анатолий Борисович Чубайс — самый удивительный человек нового режима. Когда-

нибудь, и не очень долго этого ждать, будет издан большой том о его проделках. Это, несомненно, оригинальнейший политик кончающегося двадцатого века. О нем надо писать и писать, изучая его сверхнаглые методы. Он решил — и сделал, решил — и сделал превращение большевистской экономики в явно номенклатурный капитализм. Это ведь чубайсовское чудо. Такого, наверное, еще никогда и нигде не было. Это преобразование Освенцима и гестапо в ООН с сохранением всего гиммлеровского аппарата и всех эсэсовских секрету-ток, перенесение Александерплац в Нью-Йорк. Сюрреалистическая политическая фигура! Я всегда наслаждаюсь, когда вижу его незначительное лицо.

16

Сейчас реализуется пародия на прежнюю Россию. Чего стоит наше дворянское собрание, где я имею честь состоять! Это смесь собеса с жилотделом. А наше казачество! Как его мордуют и приспосабливают, не оставляя ничего от распятого и истребленного народа. Из казаков хотят создать милицейские части для избиения голодных рабочих и их спившихся маргинальных стариков с баянами и открытками Сталина. Красная площадь с Васильевским спуском, исконно страшное московское место, осквернено рок-фестивалями. Зловещий коктейль «Машины времени» и колонн чуть живых стариков из «Мемориала», прошедших ад концлагерей. Псевдо-Россию лепят из негроидного кала, русских слез и импортного синтетического маргарина.

17

Если произойдет успешный для оппозиции третий путч, то мы получим еще одну новую модификацию тоталитаризма в национально-русской, сугубо православной оболочке. Нынешнее грабительское безвременье сменится несколько иным новым безвременьем. От этого переворота выиграет наше простонародье, на вымирание которого ныне взят успешно проводимый курс: сокращение рождаемости, вымаривание пенсионеров, спаивание, еще успешней, чем при Брежневе, люмпенизированных масс. Все эти прошлые и будущие путчи — порождение номенклатуры. Она выиграет при всех переменах. Вопрос для России стоит так: какая часть номенклатуры будет подельчивее, т.е. будет щедрее подкидывать «мужикам», что на нее батрачат, так что весь вопрос только в степени жадности.

18

Неопределенность при плохих правителях — самое ценное качество. Продлись брежневская неопределенность еще лет десять — и Россия успешно бы выскользнула. Возникшее

параллельное общество постепенно захватило бы позиции, и, глядишь, Россия бы пошла, и пошла своим путем. Горбачев был страшен своей решимостью что-либо быстро-быстро менять. В рыхлой полуазиатской стране с суперрабскими традициями реформы должны носить мягкий эволюционный, очень закамуфлированный характер. Это относится и к нынешним псевдодемократам. Если они заморозят приватизацию, остановят распад тяжелой промышленности, то могут находиться у власти еще очень долго, но их толкают на иной путь.

19

Бездна, в которую мы все постепенно скатываемся, имеет одну особенность — сознательное общее подчинение злу. Люди, самые разные люди всех сословий, эстетизируют зло и мазохистически воспринимают творимое над ними насилие. Недавно в толпе я услышал лозунг нашего времени, его орала полная пожилая тетка с тяжелыми сумками: «Мы страна дураков! У нас все возможно!» Прекрасные, полные глубокого смысла слова. Под ними можно расписаться кому угодно. Фатализм, нравственный нудизм, глубокая народная ирония, а заодно и любование собственными несчастиями — вот что стоит за этим. Рассуждения Печорина перед дуэлью, небо князя Андрея на Аустерлицком поле — откровения, близкие и понятные всем. Как хорошо умирать!

20

Восточность и загадочность России — в удивленном лицезрении собственной гибели. Подобная созерцательность — ключ к постижению многих загадок. Я встречал человека, который заживо гнил, не обращаясь к врачу. В конце концов он умер, так и не полечившись. У него были деньги, у него была семья, квартира. Когда он заболел, то ушел ото всех и медленно умирал в одиночестве. Ему было интересно наблюдать постепенное изменение собственного сознания в зависимости от поражения организма. Когда говорят о гене государственности у русских, я сильно сомневаюсь. Самый сильный русский ген — ген самоуничтожения.

21

Оказалось, что сейчас, в конце XX века, почти вся поэзия и литература устарели. Стало нечего читать. Все скучно и ненужно. И, главное, лживо. Интересны только некоторые мемуары. Оказалось, что большинство людей — тупые, похотливые зверьки, делегирующие в правительство такие же ничтожества, как они сами. Все достижения цивилизации оказались враждебны людям.

Все политические системы безнадежно устарели. Вы скажете: «Это русский нигилизм!» Ничего подобного — это здравый смысл.

Людям не к кому и не к чему прилепиться. В церквях горят лампады, но все равно в сердцах пусто. На золото куполов садится тлетворный радиоактивный налет гари и копоти, и они меркнут.

22

Страшный маленький человек, выдающий себя за мариупольского грека, вдруг ставший миллиардером за время своего пребывания на посту мэра Москвы, Гавриил Попов очень хорошо изнутри правящего клана обрисовал ситуацию: у нас борются за власть три силы — номенклатура, ставшая буржуазией; номенклатура, сочетающая чиновную службу с предпринимательством; и чисто советская номенклатура, которая, не занимаясь предпринимательством, хочет со всех брать взятки. Все эти три вида чиновного ворья грабят подлинных производителей, своих конкурентов, чудовищными налогами. Кроме эти трех сил, на политическом олим-пе пусто. Все до одного эти чиновники плоть от плоти КПСС. Люстрацией, т.е. изгнанием бывших членов КПСС со всех государственных должностей, даже и не пахнет. Три чиновные сосны на могиле России, в них все запутались.

23

В России есть Владимир Филиппович Шумейко, местный органичный кандидат в наполеоны. Он хочет отменить президентские выборы, он стоит за октябрьским штурмом «Белого дома». Ведет себя он, как молодой Бонапарт, это рослый, за сорок, господин с ухмылкой волка. В Москву через Владивосток приехал также Александр Исаевич Солженицын, наш величайший правдолюбец, наша левтол-стовская совесть. Он всех выслушал, всем посочувствовал по принципу: потел ли умерший перед смертью? Интересно, как будет сосуществовать Солженицын с Шумейко? Я думаю, что как самый крупный хитрован XX века Солженицын вообще «не заметит» Шумейко, хотя этого двухметрового парня не заметить трудно. Шумейко также «не замечает» радио «Свобода». Шумейко — это политический лакмус современной России. Опустите в стакан чистой воды Шумейко, Солженицына и радио «Свобода» — все тихо, ничего не бурлит, три камня лежат без движения и без взаимодействия. Я думаю, тут все ясно.

24

Единственно, на что хватило ума у нынешнего послеавгустовско-го режима, — это создать очень стройную систему вывоза русского сырья и нефти за границу и перекачки денег за это сырье в банки Женевы и Лондона. Все остальные мероприятия служат только камуфляжем этих немудрых

операций. Задержка зарплат, ограбление пенсионеров и детей создают определенный денежный фонд, который постоянно движется и затыкает дыры недовольства. Где шум — туда кидают деньги. Старым испытанным приемом при очень крутой инфляции является дешевая водка. Конечно, чтобы создать такую чудовищную Панаму в самой большой и богатой стране мира, надо иметь особые воровские таланты. Но я почему-то не сочувствую уголовщине и сторонюсь людей, исповедующих подобную мораль.

25

Бурная радость Прибалтики, Польши, Чехословакии вполне понятна. Ушли красные иваны, тупые солдаты, часто с монгольскими лицами, исправно огуливавшие местных девок и навек загадившие места, где стояли их скопища. Но вместе с Иванами ушла идея, повторяю — только идея — Соединенных Штатов Славян, сверхдержавы от Атлантики до Тихого океана. Без имперской идеи, идеи общеславянского Константинополя, Восточная Европа быстро превратится в Чехию (недаром от Чехии отбежала Братислава). А Чехия — это уже полуславянская страна, точнее, страна, очень давно колонизированная Германией. После выхода из Восточной Европы русских их место займут немцы и транснациональные монополии, которые быстро скрутят всех этих маленьких президентов, деды которых так позорно в свое время капитулировали перед Гитлером.

26

Почему так мало изучен опыт диктатуры уголовников в лагерях, опыт Варлама Шаламова, ведь этот опыт самый важный за прошедшее столетие. Солженицын — лагерный белоручка — этой темы вообще не коснулся. Я сторонник революции справа. Революции духовной элиты над быдлом. Против духовной свободы элиты самыми разными политическими силами бросаются штурмовые отряды уголовников. Сейчас в России идет активное рекрутирование бандитов под самыми разными политическими лозунгами. Самое же опасное — это самоорганизация русской уголовщины в псевдоколумбийские централизованные мафиозные организации.

27

Один мой знакомый аналитик, человек оригинального ума, стоящий в оппозиции всем существующим в России политическим режимам, да и самому нынешнему человечеству, недавно сказал мне: «Мои шер, Вы знаете, к удивлению, других сил в России, кроме уголовщины, нет. Они перережут нынешних правителей, перережут предпринимателей, выросших в коридорах власти, и захватят все, и у этих уже ничего не украдешь. Они сами будут

грабить Запад, и они будут платить работягам вполне прилично. Все будет очень хорошо, но только вот нам с вами в этой уголовной стране делать будет нечего». Конечно, Запад и США окажутся при таком раскладе в глубоком пролете, т.к. эти люди будут просчитывать каждую копейку. Основу этих сил составят крепкие парни из Самары, Казани, Тамбова с бычьими затылками и накачанными руками — всероссийские «любера».

28

Меня всегда умиляла простонародная ясность некоторых славянских психик. Я с большим любопытством и интересом приглядывался, как русское простонародье решает свои, часто очень сложные проблемы. Они никогда не идут вовремя на лобовой конфликт, они всегда смолчат, блудливо отведут глаза в сторону. И не потому, что они тупые, а потому, что они считают иначе, чем интеллектуалы: «А что я урву с этого?» В сложных ситуациях они всегда уходят от политической, экономической и идеологической борьбы, решая все проблемы за счет грабежа друг друга, т.е. находя внутренние ресурсы. Наша прежняя имперская элита была неславянской. Точнее, она была полуславянской. Местные женщины были добычей норманнов, византийцев, татар, европейцев и т.д. От этих связей родились все Романовы, Тютчевы, Лермонтовы, Толстые и Пушкины. Русское простонародье — это глина, важно, в чьих она руках.

29

Все эти братания, единения с русским простонародьем всегда плохо кончались. Элита должна помнить: они — это они, мы — это мы. У русинов в Прикарпатье была хорошая поговорка: «У пана свой закон, у хлопа — свой». Особенность русской и всей восточноевропейской культуры в ее элитарности. В этом традиции Рима. Что такое Рим без патрициев; что такое Византия без окружения базилевса-императора; что такое Санкт-Петербург и Москва без коренных обитателей Английской набережной и арбатских переулков? Куча мертвых камней, о которых поют пришельцы, вроде Окуджавы и Бродского. Чужая заемная боль… Как когда-то в старой России напевали: «Чай Высоцкого, кофе Бродского». Да и наш жеманный Вертинский, обозванный где-то Буниным лакеем, пел о чужих ранах, о чужих несчастьях. К белым он примазался так же, как потом к большевикам. Впрочем, о чужом горе легче поется, о своем каменно молчишь. А кенарей можно выучить всему. Возрождение евразийской элиты в России будет достаточно долгим, и только она всерьез сможет когда-нибудь отвечать за эти немыслимые просторы.

30

Первым надчеловеком в Европе был Чаадаев. Вторым —

Фридрих Ницше. Они были прекрасны своим гордым сверходиночеством. Немного сверхчеловеком был наш Блок. Впрочем, Блок трехлик, одно его лицо — Соловьев, второе — Белый, а третье — он сам. Блок — это коллективный разум эпохи. Потом в 1917 году разум ему временно изменил. Мы стоим на подступах новой надмирной религии — религии, куда мещанам дорога заказана. Крах советского коммунизма — это одновременно и крах вульгарного христианства. Коммунизм — дочернее христианское предприятие, от которого иерархи всячески открещиваются. Христианство византийское, аскетическое по-прежнему живо. Тот же паяц Вертинский в дни своей футуристической молодости обронил моей знакомой умную, запомнившуюся ей фразу: «Христос — это узенькая тропинка в вечность, но не пускайте по ней миллионы». Он был гораздо хитрее и умнее своих песенок. Массовая культура, вся целиком модель западной цивилизации неминуемо потерпит в России чудовищный крах. Это только вопрос времени. На бескрайних просторах Сибири, Дальнего Востока начнется великая битва белой расы, которая поставит все на свои места, и в искаженной гримасе боли высветится древний спокойный лик.

Сентябрь 1994 г. «Зеркало» (Москва)

Возможна ли недворянская литература в России? (№123)

Алексей "фон Раух" Смирнов

ВОЗМОЖНА ЛИ НЕДВОРЯНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В РОССИИ?

Этот не риторический, а очень и очень насущный, так как совершенно неясно, существует ли вообще русская литература в ее традиционном понимании или же на ее месте возникло нечто иное. В некоторых животноводческих хозяйствах в целях получения полноценного семени от быков создают особые чучела коров, на которые алчущие соития быки залезают, и тут их специально и выдаивают. Эффект обманки. В некоторых секс-шопах продают для онанистов резиновых надувных женщин с

полноценными влагалищами. Мне кажется, что с 1917 года в России существует такая же искусственная корова русской литературы Ее опоганенное чучело, которое не родит ни теплых телят, ни живых словесных опусов, а один резиновый эрзац — эрзац-литературу А то, что было до этого почти столетнего периода мрака, покрыто густой пеленой лжи и дезинформации.

Для многих, не только для меня, русская литература окончилась в 20-е годы XX века, а с тех пор… С тех пор мы живем в очень подлую и дремучую эпоху. Погибший СССР был отнюдь не Россией, а варварским антирусским формированием на ее месте. И все, что здесь происходило, было очень двусмысленным. Лучший русский искусствовед, по определению Александра Бенуа, и теоретик профилирования всего комплекса русской культуры барон Николай Николаевич Врангель, родной брат «черного барона» Петра Николаевича, утверждал, что в России не было иной культуры, кроме дворянской. Его программная книга «Венок мертвым» прекрасно проиллюстрировала эту мысль Действительно, со времен Петра Первого так и было. Если не считать старообрядческой культуры, породившей в своем конце Клюева, Есенина, Петрова-Водкина и Филонова.

Все наши Пушкины, Лермонтовы, Тютчевы, Феты, Толстые, Достоевские — все связаны с усадьбой Правда, только у отца одного из них озлобленные крестьяне вырвали половые органы, которыми он обрабатывал своих дворовых девушек, что и породило гениальные строки последнего романа его сына.

Некоторые исследователи вакцин вначале пробуют их на себе, делясь своими наблюдениями. Я тоже хочу поделиться некоторым опытом, так как тоже в некоторой степени причастен к русской литературе. Я сам по своему происхождению принадлежу к нашему проклятому дворянскому сословию, и мои отец и мать оба родились в сожженных большевиками усадьбах, и их колыбели окружали усатые бородатые высоченные люди в эполетах, папахах, лентах, звездах и крестах — гремели золотом, саблями, шашками у их детских ушек. Так уж это произошло, и я невольно в силу своей генетики очень и очень долго интересовался всем, что писали, а писали они все очень много, люди моего сословия. Я дворянскую литературу, поэзию, философию и пластику (архитектуру, живопись, мебель, шитье, фарфор) довольно-таки хорошо знаю. К тому же я человек глубоко русский, на Запад на чужие хлеба сам не поехал, хотя и были подходящие случаи, и объездил все губернские города России, подолгу всюду жил и страну эту хорошо знаю И мне моя дворянская генетика ничего хорошего не принесла.

Большинство моих предков были пьяницами, картежниками,

обскурантами, самодурами, развратниками, дуэлянтами, а те, которые служили, были деспотами, беспощадными и крайне жестокими вояками, службистами, придворными блюдолизами, и все они страдали страшным эгоизмом, себялюбием и были крайне тяжелы в быту. Перед революцией, правда, многие из них кинулись в народничество и просветительство, отнюдь не меняя тяжести своих характеров Да, все они и им подобные создали великую империю, но они же ее и погубили Единственное, что я в них ценил и ценю, -это абсолютную независимость Они не хотели ни от кого всерьез зависеть: ни от Бога, ни от своих Царей, которых они периодически давили офицерскими шарфами и грохали тяжелыми золотыми табакерками по голове.

Эта вот патрицианско-татарская независимость (хочу милую — хочу голову рублю) и создала так называемую великую, подрывную по своей сущности, античеловеческую русскую литературу То, что эта литература античеловечна, подтвердила наша чудовищная революция и долгое, слишком долгое царство большевиков. Подрывничество было больше в прозе, меньше в поэзии, а уж о дворянской философии и говорить нечего — это все такие зловредные фантазии, от которых мог треснуть шарик: тут и князь Кропоткин, и граф Лев Толстой, и Бакунин, и Герцен, и Хомяков, и политический теоретик Тютчев. Славянофильство — это ведь тоже гнусная разновидность русского анархизма: «Мы со своими крепостными лапотниками создадим новую Европу, с православным императором в Константинополе и православным папой в Риме». Какой идиотизм! Как же, создали1 На вилах своих дворовых в семнадцатом. Без славянофилов не появились бы Чернышевские, Добролюбовы и Нечаевы — вдохновители волжской колыбели Володечки Ульянова, так и родившегося лысым и злобным на волжских откосах.

Меня всегда интересовала альтернатива программной дворянской культуре Можно ли по-иному? Была ли возможна независимая недворянская русская культура? Я изучал черноземных недворянских писателей — и Помяловского, и братьев Успенских, и Левитова, и Подьячева, и других менее известных — все они очень хорошие писатели, но все они вышли из «Бежина луга» Тургенева, то есть они вторичны. Это ставшая писать дворня и дьячки. Да и сам дух их высокоталантливых творений в чем-то ущербен. Тот же сугубо дворянский черноземец Терпигорев-Атава, описывающий те же темы, талантливей и зорче их. Эти попытки создания альтернативной культуры, подрывающей дворянскую монополию на печатное слово, всегда имели в себе большую, очень большую червоточину — мы не хуже их.

Проклятие клейма хозяев и рабов — «страна рабов, страна господ» — лежит на всем, что делалось вне усадьбы. Если при этом вспомнить опыт Лескова, то это голый искусственный стилизм. Это высококачественный лубок под народ. Лесков — это реализованный Шкловский своего времени Он дал блестящий пример, как можно подделать литературу.

В русской послепетровской дворянской культуре было два течения — галлическое и германистское Галлический поэт и прозаик — Пушкин, немцеобразные — Жуковский, Карамзин, Тютчев Весь пушкинский круг писал и думал по-французски Можно говорить о русско-немецко-французском филиале Европы. Причем в этом филиале часто писали лучше, чем в литературной метрополии, и влияли на лучших авторов метрополии.

Возьмите связи братьев Гонкуров, Флобера, Тургенева, Гюго или явление Стендаль-Толстой и далее Толстой и весь современный ему европейский роман, который бы не возник без «Войны и мира». Достоевский тоже весь вышел из современного ему французского леворадикализма. Все три темы Достоевского — убийство, деньги, революция — чисто французские темы, к русскому материку Достоевский даже не подходил близко Достоевский — это Эжен Сю Петербурга Но Эжен Сю, осложненный психопатологией эпилептика, заглянувшего из порочности во фрейдистское послезавтра. Очень умилительна сцена, когда Достоевский доказывал Тургеневу, что он сам растлевал малолеток, и Тургенев в ужасе убежал, не подавая руки крестовско-карамазовскому автору, бессменному хроникеру «Петербургских тайн» торгового дома Свидригайловых-Лебядкиных

А взаимосвязь Мопассана, Толстого, Чехова. Например, Толстой, узнав от своего тестя, кремлевского врача, о том, что монах Чудова монастыря, бывший акушер, удачно принял роды, сказал, что Мопассан это описал бы лучше, чем он.

Больше всего русская литература по своему типу похожа на литературу испанских

колоний Южной и Центральной Америки — мы пишем не хуже, чем в Париже и Мадриде. Да и социальная модель была одинакова фазенды, рабы, порка у столба. Только в России рабы были совсем белыми, не негры и индейцы, а такие же православные, как их хозяевы. Пока русская литература, а точнее все виды искусства, не перечеркнут петербургского опыта, до тех пор ни о какой литературной самостоятельности русской литературы говорить нельзя, мы будем по-прежнему путаться в кисейных панталонах Пушкина и в кружевных сорочках госпожей Панаевой и Огаревой. Нынешний Ленинград-Петербург уже почти

сто лет пуст, стоит напомаженный, лишенный содержания пустой ампирный шкаф, заселенный колхозной деревней и всеми ветвями разноязычных инородцев. Но ведь были, были попытки создать собственную внеевропейскую культуру.

Это одинокий, как перст, граф Алексей Константинович Толстой с его литературным русизмом, это и ранние опыты отчасти Блока, Клюева и некоторых имажинистов. О Гоголе же надо вообще умолчать. Этот русскоязычный мистик был абсолютно одинок, ни на кого не повлиял, ни с кем не пересекся. Он создал говорящий паноптикум России, паноптикум, озаренный безмятежным светом безумия Такие странные писатели, вне традиции и национальных корней, есть во всех литературах. В поэзии девятнадцатого века был и Аполлон Григорьев, и Кольцов — надорванные струны степей. Путь к познанию собственного словесного мелоса оборвался на супервеликом Хлебникове.

Все эти попытки так или иначе связаны с пересмотром всей Петербургской культуры, всего опыта официального синодального православия. Они искали выхода в степь, к скифству, к язычеству, к свободе, к иным формам цивилизации, искали и не нашли. Вспомните тоску Феди Протасова из «Живого трупа» о степи, о древности. Его монолог — самые живые толстовские слова, обращенные в будущее. Все оборвалось с наступлением большевизма с его нетерпимостью и жестокостью Чехов предвидел, кто такие будут социал-демократы, приди они, не дай Бог, к власти. В письме к Суворину, никогда не переиздававшемся в СССР, он пророчествовал, что при режиме социал-демократов на литературном Олимпе будут властвовать такие земноводные, что нынешние (чеховские) времена покажутся золотым веком. Чехов все предвидел правильно.

Начиная с семнадцатого года русской литературы вообще не стало. Мы все погрузились в сумерки рабских русскоязычных словоизвержений. Это раболепство очень точно подметил Синявский, видя общность в одах XVIII века с красным литературным холуйством. С тех пор литература переплелась с Лубянкой и стала ее филиалом. Попытки создания независимых произведений подавлялись, а авторы и рукописи уничтожались. Замолк Платонов, выкрали и расстреляли обэриутов, посадили Заболоцкого, а сколько погибло начинающих талантов и их рукописи сожгли. Возник соцреализм Повивальной бабкой соцреализма был Максим Горький — великий большевистский и эсеровский провокатор, сотрудничавший с германскими шпионами еще до первой мировой войны.

Максим Горький — очень опасная, литературно ничтожная

фигура Третьеразрядный ницшеанец, автор маразматических рассказиков («Челкашей» и «По Руси») потом всю жизнь писал гнусности в виде огромных пасквилей типа «Матери», «Клима Самгина» и многочисленных идиотских пьес якобы о русских купцах, на которых они даже отдаленно не были похожи Бум вокруг его имени был создан цветными, социал-демократами и левыми радикалами в целях разорения старой Европы. Под крылом Горького вызрело целое племя литературных маклаков, ставших корифеями соцреализма. История соцреализма — это история позора русскоязычной литературы. В недрах соцреализма не возникло ни одного подлинно художественного произведения.

От всех потуг Айтматова, Можаева, Белова, Абрамова, Распутина, Астафьева мутит. Это все тяжелый бред, оформленный в многотомные эпопеи. Я говорю о «младших», самых последних соцреалистах. А что говорить об их старших собратьях. Всех этих Фадеевых, Эренбургах, Симоновых и прочих звероподобных сочинителях, руки которых часто обагрены кровью своих собратьев. Наследники соцреализма, его внуки, сейчас группируются вокруг журналов «Наш современник», «Кубань», газеты «День» -«Завтра» — это прозаики Крупин, Проханов, поэтесса Глушкова и целый ряд им подобных, умело сочетающих «святость» типа бреда митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна, обязательный пещерный антисемитизм и тоску по сильной руке типа Сталина или «Пиночета» — командующего 14-й Приднестровской армией генерала Лебедя. Пока большевики финансировали соцреализм, он существовал, окончилась суета около литературной кормушки — кончился и соцреализм. Совершенно напрасны стоны и плачи вокруг судьбы литературных маклаков.

Правда, в среде Союза писателей были люди, сформировавшиеся до Октября, внутренние эмигранты типа Бориса Пастернака, Осипа Мандельштама, Анны Ахматовой. Они писали в стол и знали, в каких нечистотах живут. Среди них был и один «красный граф» — Алексей Толстой, литературная проститутка очень высокого пошиба, который мог облить помоями кого угодно, платили бы только как следует. Алексей Толстой лгал на своих собратьев, самарских и саратовских помещиков, и осуществлял мостик от дворянской литературы к соцреализму. Для этих целей он и приехал в СССР из эмиграции, большевикам нужна была псевдопреемственность. При дворе Сталина должен был быть свой Толстой, хотя настоящая фамилия ренегата — Бостром, графский титул он себе выхлопотал, подав на Высочайшее имя прошение, так как когда он был прижит от соседа, его мать еще не развелась с подлинным графом Толстым.

Единственно, что успешно развивалось при большевиках, это полуподпольный жанр социальной утопии' Замятин, Платонов, Зощенко, Пантелеймон Романов. Комизм двух последних сродни едкости Салтыкова-Щедрина, тоже сатирика-утописта. Но и этих литераторов заставили замолчать, вставив им кляп в рот. После эвакуации армии Врангеля в Турцию, не сразу, а постепенно, и Центральная Россия, и Малороссия превратились в литературную пустыню, впрочем, довольно шумную от возни разнообразных литературных насекомых, подъедавших крошки с чекистских трапез. С Врангелем в Париже оказались Бунин, Зайцев, Шмелев, Бальмонт, Мережковский, Гиппиус -последние дворянские писатели.

Было очень много и в эмиграции, и в советской России литературных эрудитов, переводчиков, поэтов-версификаторов, обломков различных литературных школ. В СССР это были отдельные имажинисты, конструктивисты, третье поколение символистов, ученики учеников Гумилева. В тени этих выброшенных большевиками на помойку стариков прошла моя молодость. От них я многое слышал, многому научился и бесконечно им всем благодарен «за науку». Но они даже и не делали попыток написать серьезные эпохальные вещи. Так, небольшие стихи, обрывки эссе, в лучшем случае воспоминания. Страх, внутренний самоцензор, вошел и в их подсознание, и в писательские привычки — многие из них постоянно испуганно оглядывались, как будто кто-то к ним сзади подкрадывается.

Единственным писателем, которого я знал лично, замахнувшимся на эпоху, был Даниил Андреев, сын Леонида Андреева, крупного «северного» символиста из плеяды Стринберга, Ибсена, Метерлинка и др. И сын, и отец были нетипичными русскими литераторами. Это сверхчеловеческая, скандинавско-немецко-арийская ветвь на русской почве. Используя их опыт, можно выйти в иное надмирное измерение. Но и роман Даниила Андреева «Странники ночи» сожгли в лубянской печке.

А к «кирпичам» Гроссмана я всерьез не отношусь, это ответвление соцреализма так же, как и проза Максимова и Солженицына. То, что Солженицын блестящий архивный работник и журналист-хроникер, это несомненно, но его проза…

Школа литературных маразматиков вроде моего приятеля Мамлеева или теперешних Сорокина, Виктора Ерофеева — это, конечно, очень интересно, забавно, но это все в прошлом, это писалось под гнетом Теперь наступила совсем другая эпоха — эпоха обязательного адаптирования на русской почве всего западного авангарда. Но такое адаптирование хорошо в малых

странах Центральной Европы типа Чехословакии или Польши или в Литве, но не в России, которая сама когда-то влияла на мир и обладала литературным эгоцентризмом.

Есть во всем этом раковый и роковой вопрос — раковый, потому что соцреализм был саркомой российской словесности, а роковой, потому что на него нелегко бесстрастно ответить, — имеются ли законные наследники великой русской литературы? И являются ли таковыми все, кто сейчас претендует на эту роль?

Среди советских литераторов, сформировавшихся в советскую эпоху, была масса евреев, среди которых очень много людей талантливых и эрудированных. Вообще, средний еврейский литератор обязательно намного культурнее среднего русского литератора из-за своей природной любознательности. До эпохи глобальных тектонических катастроф на Востоке были ведь и польско-еврейская культура и литература, были и чешско-еврейская, и австро-еврейская, и литовско-еврейская культура и литература. Для меня единая погибшая Атлантида Восточной Европы особенно дорога, так как все эти регионы были связаны тончайшими нитями взаимопроникновения.

Если бы хотя бы часть России не попала под гнет большевиков и интегрировалась в Восточную Европу, то мы имели бы живое наследие великой русской культуры, а не литмузеи с восстановленными по чертежам саркофагами усадеб и домов писателей. Сейчас мало живых текстов, зато в каждой губернии есть заповедное кладбище русской литературы — дом, гипсовая маска, дубы, сосны, списки любимых поэтом женщин и иногда могила давно или недавно умершего творца. Такие заповедники напоминают скопления белых ядовитых поганок — там всегда гнездится много всякой окололитературной нечисти. Один уже умерший пожилой дворянин очень точно высказал мне схему литзаповедника: «Сначала большевики уморят или отравят писателя или выгонят его за границу, а потом устроят в его доме музей, около которого будут кормиться чекистские внучки и племянницы». Этот умный, много повидавший человек был глубоко прав. Он же говорил: «Большевики взорвут девяносто девять из ста храмов, а один объявят национальным достоянием» Это и к людям, и к писателям относится.

В тридцатые годы эту роль малой России играл Печерский уезд Псковской губернии, отошедший по плебисциту к Эстонии. А если бы этот анклав был миллионов на десять? Существовали когда-то и русско-еврейская культура и литература, и великий Шолом-Алейхем — он ведь и русский писатель, подвергавшийся и русскому влиянию, и сам влиявший на южно-русскую литературу.

Заранее скажу, мне не нравится так называемый одесский

еврейский юмор. Мне кажется, что его придумали хамоватые московские конферансье типа Хенкина Мне не нравятся Бабель, Олеша, Катаев, Ильф и Петров. С моей точки зрения, это все подряд страшные люди. И «Золотой теленок», и «Стулья» — это зубоскальство над открытой могилой, и Олеша недаром замолчал, и не потому что шляхтич, а потому что совесть проснулась. А Бабель меня вообще пугает и «Конармией», и своими связями. Все эти люди как писатели удивительно морально пластичны, они умели писать очень по-разному. Талантливее их всех Бабель, но его талант сродни таланту де Сада Как художник, он поэт зла, которое он умеет преподать во внешне бесстрастной форме.

Такими же фарисеями были, на мой взгляд, и «лесовики» — Паустовский и Пришвин, писавшие о рыбках и травках в дни террора, и Грин, фантаст Грин с его рваными парусами, закрывал глаза на реальный ужас. Этих писателей я называю подсластителями — большевики очень любили подслащенную карамель Вот Короленко и Волошин, оставшиеся в царстве большевиков, были честны Один протестовал, другой каменно молчал и писал акварели Судака и Карадага Вполне почтенное занятие.

Страшный писатель и расстрелянный большевиками русский экспрессионист Вогау-Пильняк, от всех его вещей веет откровенным холодным цинизмом. А обо всех этих Кавериных, Фединых и говорить не хочется — злобные, нетерпимые по своей сути приспособленцы, помнившие о табели о рангах со Старой площади. Я читал, собирал советских писателей, «изучал врага», — голая мертвечина и скука. Хотя иногда попадались интересные исторические романы Тынянова, Бородина, Яна, но все равно это средний уровень ниже Мережковского. Я довольно изощренный читатель и всегда могу отличить фальсификацию от выстраданного неповторимого текста

А в эмиграции был Набоков, блестящий, иронично-эротичный, он очень удобен для подражателей, но он не сумасшедший, как все его дворянские предшественники. Ведь и Толстой, и Бунин, и заболевший вишневой усадьбой мещанин Чехов — все подряд сумасшедшие, то есть люди, не удовлетворенные миром, литературные поджигатели и анархисты. Большевики были страшны для развития независимой литературы прежде всего тем, что издавали огромными тиражами классиков, рядились в гуманистические шкуры и создавали видимость существования литературного процесса. Они вовлекали в него писателей, чтобы контролировать их и истреблять Любимый большевистский капкан для западной

интеллигенции — это создание видимости традиций в советской писанине типа прозы Нагибина и Казакова — голых имитаторов Бунина.

Единственный живой подлинно русский писатель – Оруэлл. Этот писал о нашей жизни правду, как он влез в наши шкуры, живя в Англии, понять трудно Правда, он повидал большевизм вблизи, в Испании. Так же, как литературу, большевики извратили и приручили православие И живопись, и музыку они тоже по мере сил калечили Но музыка — вещь беспредметная, и композиторам удавалось кое-что сочинять и при большевиках Такое положение террора в области культуры продолжалось очень долго. Менялись правители, менялись формы давления, но не менялась структура карательных органов ВЧК, ОГПУ, НКВД, КГБ Менялись поколения приспособленцев, у дедов-приспособленцев родились сыновья, у сыновей — внуки, и все они творили непотребный и гладкий миф о якобы независимой советской культуре.

Тому есть много примеров: очень наглядна династия Михалковых-Кончаловских. Дед, академик Петр Кончаловский, стал писатъ букетики сирени для большевистских гостиных вместо бубново-валетских полотен, которые висели в Париже рядом с Матиссом и Пикассо; сын — литературный мастер на все руки, от детских побасенок до гимна Советского Союза, внук — создает фильмы для всех режимов. Глядя на таких деятелей, приходит мысль, что часть русской по происхождению советской псевдоинтеллигенции с удовольствием обслуживала бы геббельсовский аппарат, если бы Гитлер был помягче в России Мы все, нонконформисты-шестидесятники, не шедшие ни на какие сделки с коммунистическим пропагандистским аппаратом, прекрасно помним ненависть к нам всех ступеней номенклатуры Так что все мифы о постепенном смягчении большевистской политики в области культуры не имеют под собой никакой почвы.

Конечно, размывание большевистского материка постепенно происходило. Но в основном в области экономики и в духовном климате отдельных закрытых групп, постепенно начинавших влиять на общество, — феномен «параллельного общества» В области идеологии в России всегда было два хозяина Старая площадь и те люди, которые бросали ей вызов Извечное «поэт и царь» К сожалению, гюди, бросавшие вызов Кремлю, тратили все свои силы на психологическое противоборство системе, и у них почти не оставалось сил для оригинального творчества. Только люди с большими странностями, вроде Анатолия Зверева, Владимира Яковлева, находили в себе силы постоянно творить.

В СССР даже существовал особый закон творчества: пока

художник или поэт живет в собственном вакууме, он может писать. Как только он вступает в противоборство с окружающим — его силы иссякают, и его не надо судить за бесплодие и за последующие за бесплодием пьянство, разврат, наркотики и различные виды самоубийства. Такова внутренняя духовная конъюнктура Совдепии. А тут заодно «холодная война», постепенный поэтапный проигрыш в ней СССР и социальный заказ Запада на антисоветскую литературу. Много, очень много советских писателей, загодя почуяв смену хозяев, стали работать на «тамиздат», переправляя посредственные рукописи на Запад. Конечно, опять еврейская проблема, масса советских писателей-евреев на Западе, в США, в Израиле. Самые умные из них — бесстрастные свидетели чудовищного времени и чудовищной катастрофы.

А большинство плыло по течению в СССР, плывет по течению и на Западе. Исключением среди русскоязычных еврейских писателей являются «проклятые» писатели — люди, пишущие о том, о чем не принято писать ни в России, ни на Западе. Но их имена не на слуху, их не пропагандируют, мало издают, и они фактически не прорываются в постсоветскую Россию. В зубах навязла совсем другая обойма обкатанных на «Свободе» авторов.

Новая Россия не освободилась от большевизма, трансформировавшаяся номенклатура создала новые табу, новую, еще более жесткую цензуру, и поэтому оригинальные голоса в России почти что не слышны. В России нет независимой прессы. Пресса четко разделена по партиям, и для того, чтобы печататься, надо примыкать к одной из враждующих стай.

Есть среди еврейской интеллигенции и странное, очень странное направление Люди, его исповедующие, считают, что Россия духовно умерла, что они, еврейские интеллигенты, призваны заменить русскую культуру, заменить русских дворянских писателей и поэтов. Они подражают великим русским прозаикам, философам, религиозным мечтателям, идут в православные священники и иерархи, они всерьез считают себя продолжателями поэзии «серебряного века». От этого своеобразного движения веет эпигонством, дендизмом и не очень большим умом.

Серьезный еврейский литератор интересен тем, что он еврей, долго живший в России, усвоивший русскую культуру, полюбивший ее и тем не менее оставшийся евреем, пишущим по-еврейски. Таким человеком был Жаботинский, которого я с удовольствием читаю. Таким же писателем был Нахман Бялик. Но они — духовные дети старой России, а где такой еврейский писатель в советский период? Тот же Бродский по большому

счету — пародия на современного Пушкина или же, если хотите, Ахмат Иосифович Аннов Вот некоторая ранняя «эсеровская» проза Шкловского очень живая, но он не продолжил, знал, что наверняка расстреляют. А зачем девяностолетний старик Катаев имитировал своего учителя Бунина в стиле «мовизма»?

В Германии, кое-как переварившей нацизм, появилась живая независимая литература. Тот же дезертир из вермахта Вольфганг Кеппен написал три живых романа о послевоенной Германии. Романы, совершенно никому в Германии не удобные. Многие немецкие писатели, хорошо начавшие одновременно с Кеппеном, потом были отравлены награбленным немцами золотом, обеспечившим «экономическое чудо», взошедшее на эсэсовских дрожжах золотых коронок убитых в Восточной Европе поколений Морально «жирная» Германия смердит так же, как и «голодная» Россия — все очень уж быстро закрыли глаза и сделали вид, что все срочно «исправились» и стали хорошими демократами и гуманистами.

А у нас и «Голый год» Пильняка, и «Россия, кровью умытая» Артема Веселого — все-таки насквозь красные опусы, но они были для своего времени относительно независимые. А дальше? Где глубокий оригинальный срез всего нашего, почти столетнего, опыта7 Быть может, блестящие словесные опусы Холина, Сапгира, Айги? Но это же все априорно камерно, хотя и талантливо. Или же романы Саши Соколова? По сравнению с маразменным размахом прежних русских писателей все это «не тянет». Это все хорошо, но это деревянные будки на развалинах Парфенона и Фив Разрушен, быть может, до конца разрушен русский оценочный аппарат окружающего мира.

Хрусталик лошади или мухи видит иначе, чем глаз человека. Был особый независимый русский взгляд на окружающее, то, что делало русскую литературу оригинальной и интересной для других европейских культур. Все пишут, оглядываясь, заранее думая: «А где я найду издателя, как к этому отнесутся в Париже или Нью-Йорке?», а раньше романисты-помещики сидели в своих имениях и писали все, что им придет в голову, и не боялись даже власти своих неограниченных монархов, посадят в Петропавловку или не посадят. Писал же Достоевский о Толстом, когда тот упрекал его в спешке, что ему хорошо в своем имении писать не спеша, а ему, Достоевскому, кушать надо, издатель за спиной дышит. Главное, что было ценно в нашей прежней великой дворянской прозе, -это ее величайший эгоцентризм.

Писатель не был только тупым писателем-профессионалом: он воевал, ездил на Кавказ, в Европу и кое-что пописывал и обладал удивительным, независимым, почти что античным

тоном. Даже совсем последний Иван Бунин, на что был мелочный человек, вечный попрошайка у богатых людей, чтобы только было на что хорошо попить и повалять тупую толстую потаскуху Галину Кузнецову, и тот писал абсолютно независимо. А последний крупный русский романист Андрей Белый, человек, открытый всем ветрам, автор последних всеобъемлющих «кирпичей», за которыми черный обрыв, почти торричеллиева пустота, полная огоньков над могилами, он тоже абсолютно независим.

Я эту статью пишу в первую очередь для самого себя, так как довольно пристрастен и сам не знаю, прав ли я, но мне кажется, что где-то с конца тридцатых годов, когда стало ясно, что ни Кутепов, ни Миллер, ни Абрамов не вернутся во главе своих «белых банд», в России все окончилось. Последние русские эмигрантские прозаики заскучали,

перешли на мемуарные безделки, а внутри России, раздавленной террором, тоже все замолкло, и с тех пор все так и молчит Я, конечно, имею в виду один всеобъемлющий тип русской литературы, поднимавшей коренные вопросы человеческого бытия когда роман как мир и когда он вызов всему свету, или когда драма — так уж драма, из которой герои лезут на Гималаи подлой современной цивилизации и палят, как дядя Ваня и Соленый, по своим теням, или пьеса, роющая, как крот, под бытие, — «Жизнь человека» Леонида Андреева Для меня живой дух русской литературы отнюдь не в пределах современной России, и даже не в русскоязычной литературе всех трех волн

Мне кажется, что русская литература продолжается в Германии, имеющей одинаковый с нами негативный опыт, в традициях Луи Селина, во французских экзистенциалистах, а совсем не в окостенелых томах мертвого «Нового мира», который был и остался «Старым Советским Миром» — миром полуправды и полулжи Да, но в нем издавались при Твардовском хорошие мемуары1 Вот и Солженицын трясет своей бородой классика и томами собранных им очень интересных мемуаров. И это все, что осталось от России? Неужели и она до конца мертва? Как мертвы античный Рим и Константинополь7 В Берлине и Вене что-то ведь копошится, а здесь покрытые жидким стеклом отчуждения развалины, развалины, развалины.

А милые умные евреи, как тот индийский столетний попугай, умевший говорить на языке вымершего индейского племени, слова которого записывал миссионер-лингвист Очень странным стало литературное пространство России, дети и внуки каторжников, которых обучали в условиях неволи палачи,

подражают их тюремному жаргону. Это я говорю о так называемой провинциальной современной литературе, которая продолжает вертеться в чертовом колесе эпигонства союзписательских образцов.

Когда же начинаешь всерьез писать сам, то из тебя лезет, как из заржавленного водопровода, масса нечистот и всевозможных червей, глистов, тараканов, скорпионов и прочей дохлятины и выстраиваются на бумаге помимо твоей воли очень гнусные, сложные и похабные вещи, очень далекие от того, что чувствуешь на самом деле. Часто сам удивляешься а почему я это все пишу? По-видимому, восемьдесят лет большевизма с его гадостями и жестокостями создали внутри нас огромный негативный потенциал, который буквально фонтанирует и рвется наружу. Небезопасное это занятие — после всего, что было и что подсознательно таит наша память, всерьез писать по-русски, никем и ничем не прикидываясь и ни на кого и ни на что не оглядываясь. А быть дешевой пародией на русского независимого литератора, как был покойный талантливый Булгаков, куплетист на все ходячие темы, совсем не хочется.

Невольно делаешься гнусным писателем, противным и себе, и читателям. И этой гнусности почему-то не стыдно Да, мы это пережили и нам не стыдно своей боли. И сам не знаешь, что ответить на собственный вопрос: «А возможна ли вообще недворянская литература в России? Не являются ли все остальные ее версии и ветви пародией на погибшее неприятное, злобное, но огромное явление?» Ведь сколько было и есть мещанских салонных копий с подлинных римских и античных нимф и фавнов, но все они так далеки от того, что делалось в Греции и Риме. Для того, чтобы пробиться, быть может, в зловещее, но свободное завтра, надо восстановить мосты с нашим прошлым, раскопать все могилы, эксгумировать абсолютно все насилия и обязательно найти чью-то окостеневшую руку, которая пожмет твою и передаст эстафету, свяжет нас в цепь и благословит идти за горизонт в свое багровое, сверкающее искусственным кристаллом неведомых восторгов будущее.

ЖАЖДА БОЛЬШИХ НАСИЛИЙ
Алексей Смирнов

Жажда больших насилий всегда иррациональна. Эпохи наступления и реализации таких насилий предугадывают художники, поэты и юродивые. В России это обычно все в одном лице. Герой России -Иван Яковлевич Карейша, крупнейший юродивый и прозорливец XIX века, оказавший влияние на всю русскую культуру. Он называл себя «студентом хладных вод», опивался и опаивал свою паству чаем и предсказывал русский

Апокалипсис. Он похоронен недалеко от бывшего села Преображенское на Черкизовском погосте, где в его памятник впилось огромное старое дерево. У меня в Москве только две дорогие могилы -это слегка осевшая чугунная плита Чаадаева и могила Ивана Яковлевича. Оба они величайшие юродивые и оба предчувствовали и предсказывали величайшие насилия в России. Больших насилий, как между Волгой и Доном, новейшая история Европы не знает. Здесь одичалые русские люди перебили шестьдесят миллионов своих братьев и сестер, перебили часто в прямом смысле этого слова. А теперь все сваливают на евреев: «Это они нас научили, а мы только убивали и мучали». Очень удобная точка зрения.

Посмотрим на Францию предреволюционной эпохи. На всех этих помпадурш, дюбаррей, людовиков, Вольтеров, дидеротов и прочих господ, поклонявшихся женскому задку. Поэма о розово-голубоватом выгнутом женском задке — это и Ватто, и Фрагонар, и Грез, и Буше. Франция с тех пор и стала страной женского задка, по большей части приподнятого. А воспевание женского задка всегда связано с насилием. Откровенно эротический гимн всегда призывает к насилию. Де Сад при всей его мерзостности — это бард и предтеча революции.

Россия — добровольная обезьяна и подражательница Запада — в общем с XVIII века такая же культурная провинция Франции, как Гаити или юг Америки, тоже пошла по похотливому пути воспевания задков и сексуальных насилий. Только вначале это у нас получалось несколько кустарно, но с середины XVIII века разврат, царивший в барских усадьбах, не уступал французскому. Петербург всегда был фривольным развратным городом, где полуголодное население служило барской и чиновной похоти. Поэтому все эти постельно-пружинные стоны о Петровом творении от Пушкина до Ахматовой и ее эпигонов производят странное впечатление. «Страна рабов, страна господ» имела очень мерзостную по нравам столицу. Вся наша гоголевско-достоевская великая литература в основном об украденных прислугой деньгах и о похоти господ над горничными и лакеями — кто, где, кого и когда зажал и засунул.

Европейская Россия родилась на трупе Древней Руси. Так еще делали и татары — возьмут пленников, свяжут покрепче, положат на них доски и насыщаются, давя их. Так же сделали и большевики со старой Россией, так же сделали и «демократы» с СССР. Это старинный татарский способ — жрать на раздавливаемых трупах побежденных. Другого способа реформ в послепетровской России не было и нет. Наши быдлянские массы по-другому и не умеют. Им только это понятно. А все другое

глубоко чуждо. И вся суть их «революционной борьбы» состоит только в одном — захватить власть имущих, связать их, положить на них доски и давить своим живым весом, пока из прежних господ не потечет сукровица.

Но была и еще есть и другая Россия — Россия лесов, полей, старообрядцев, уединенных погостов, где все мерзости Лефортов, Бирона, Аракчеевых, Клейнмихелей, Бенкендорфов, Лениных, Троцких были глубоко чужды. Она жила в согласии с природой, презирая свою столицу, разъеденную изнутри «французской болезнью» насилия и революции. Индия, Непал, Тибет, Монголия, Россия — заповедные страны Азии и Евразии. Они жили и живут по другим законам. Поверхностное западничество Петра I, Николая I, всех трех Александров, якобинство большевиков и теперешний идиотический мондиа-лизм Гайдаров и Чубайсов — это все финики с одной елки, на которой развешаны головы Дантонов, Робеспьеров и Сен-Жюстов, а на верхушке торчит небезызвестная треуголка.

Возьмем нашу русскую (от слова «российская» у меня давно делаются корчи) досемнадцатую эпоху и взглянем на нее с точки зрения предчувствия насилия. Законы пластики таковы: когда поэт воспевает вожделенно раскрытый цветок женского органа — он призывает к насилию. От блоковского «и был я много раз у женщин в розовом плену…» до «Двенадцати» — дорога очень коротка. Толстоморденькая Катя — это трансформированная Незнакомка. А сомов-ская «Маркиза», а версальский бред Бенуа, а судейкинские гривуазности, а околопостельная лирика Кузмина, Ахматовой, Сологуба и тучи их подражателей? А мерзкий «маг» и лабазный «ассириец» Брюсов, а похабные журнальчики мирискусников, а порочные накрашенные проститутки в одеждах монахинь Нестерова? Вся эта бордельная бижутерия очень мерзко попахивает, так же, как и толстые тетки, дрочащиеся пуховками на ночных горшках, чахоточного Обри Бердслея, эталона всех его русских подражателей.

И даже духовно честный перед самим собою Оскар Уайльд — духовный пророк той эпохи — глубоко трупно-червивое явление. Через его белую кожицу перезревшего плода просвечивают гнусные копошащиеся членис-тоногие. Всякая откровенная проповедь аморализма, порнография, воспевание женских гениталий — это прямая дорога к плахе. Люди, вставшие на этот путь, идут к палачу сами и добровольно кладут голову на колоду.

Здоровое аполлоническое начало чуждо всему этому. Маг, жрец, демиург всегда чужд Изиде, Кибеле, Кали. Перед концом великих империй и цивилизаций их древние столицы заполняют проститутки, экзотические танцовщицы, возникают варварские

восточные культы. Так было в Риме, Константинополе, Берлине, Вене, Петербурге.

Столь популярный и повсеместный фрейдизм — по своей сути упрощенное варварское учение, низводящее сложнейшие вопросы до понимания среднего обывателя. Мне недавно притащили почти всего Фрейда, благо его наконец издали. Я долго читал и страшно ругался. Секс, половое влечение и все, что связано с этими околожелудочными процессами, глубоко чуждо здоровому духу воина-творца. И строить на этой зыбкой почве мировоззренческие теории нельзя. Когда-то в советскую эпоху мы все читали отдельные старые потрепанные томики Фрейда и умилялись его двусмысленной запретное™, а теперь, когда он стал обязательным классиком нового режима, так же, как совсем еще недавно Маркс и Энгельс, которые тоже не так плохи и вполне читабельны, если бы их именем нас всех ежечасно не насиловали, все связанное с Фрейдом видится совсем в ином свете. Фрейд — прекрасный венский писатель, почти пророк, но он вовсе не обязателен, вовсе…

Как предтеча больших насилий XX века Фрейд более чем интересен. А выводы Фрейда, тем не менее, крайне упрощены. Это для читающих советских чиновниц, которых не могут в должной степени удовлетворить их сожители, и они постоянно во сне и наяву вожделеют к своим канцелярским столам и пыльным шкафам с исходящими. Фрейд — порождение прекрасной довоенной Вены, самой упоительной столицы тогдашней Европы. Когда Фрейд писал свои книги, по улицам Вены ходил молодой Гитлер и думал свою тугую думу. Фрейд псевдодемократичен, он решил взглянуть на старую Европу без штанов, и с тех пор она стала принципиально голой. Любую женщину гораздо труднее заставить одеться, чем раздеться. Поэтому фрейдизм стал отмычкой массового искусства. Умиравшие в окопах Галиции австрийские и русские офицеры читали и Фрейда, и Пшебышевского, и Блока, и Бодлера, и Уайльда, и Шницлера, и несчастного Отто Вайнингера, не понимая, что все эти творцы вели в загон под нож.

Морально здоровые люди, видя кровавые европейские клоаки, бросали ружье и уходили в леса, а раньше уезжали на Таити, в Океанию, в Тибет, в Индию, подальше от ватерклозетов, графов Витте, князей Бисмарков, Ротшильдов, Дизраэлей, Распутиных, бледных Ники и усатых Вилли, манекенов дурного дешевого балагана, где зрители — их жертвы с пробитыми черепами. Недавно я жил в квартире одного расстрелянного большевиками польского графа в Кривоарбатском переулке у его внука. Квартира запущенная, но сохранила метлахскую плитку

кухни, старый кафель в ванной, мраморные подоконники, медные ручки, старый паркет и кое-какую мебель. Из этой квартиры много мужчин ушло на смерть, а внук владельца, недалекий малый, мой приятель, занят только толстыми задами постсоветских дур и собирает дореволюционную порнографию. Каким коктейлем тлена и похоти веет от всего этого антуража.

Я так и не смог посетить наших бывших разоренных имений, барских квартир, вроде той, где я жил, от всего этого идет амбре самоубийства. Метерлинк в каждой семье. Эротические видения давно расстрелянных и замученных людей — особая заповедная страна, куда вход подчас оплачивается ценою жизни входящего. Толстые бабы Штука, Беклина, кентавры, пятнистые змеи у влагалищ, задастые и грудастые валькирии, Лоэнгрины, лебеди с позолоченными человескими членами, весь этот эротический зоопарк немецкого мещанства был могучим двигателем национал-социализма, Заксенхаузена, Освенцима, Майданека. Люди, у которых Эрос победил Дух, готовы к большим, и часто к очень большим насилиям.

Этот небольшой псевдоисторический экскурс нужен мне только для того, чтобы вернуться в современную Эрэфию — эта страна пока что не Россия, а Эрэфия, большая несчастная и дурная Эрэфия. Эта Эрэфия отнюдь не Азиопа — модное слово, нечто среднее между задницей, Азией и Европой. Его придумали вечно сидящие в чужом заду разночинные интеллигенты, для которых любое другое место чуждо и неуютно, а Азиопа -это их вторая или третья родина.

Эта Эрэфия похожа на большое косматое животное, нечто вроде йети, снежного человека, которого неожи-данно разбудили от коммунистического сна, и оно поперло через чужие огороды, заборы, сараи, парники в рынок и застряло среди разного сокрушенного им с шумом дреколья и не знает, куда ему дальше двигаться. В своем бессмысленном движении Эрэфия может снести своим косматым задом или боком несколько стран, может снова захватить Прибалтику, Польшу и Чехословакию, может двинуться походом на Пекин, Берлин и Париж, но далеко не зайдет, где-нибудь застрянет, упадет на бок и страшно на весь мир завоет от боли. А впереди Эрэфии идут зазывалы, поводыри с кусками копченой колбасы, конфетами и топиками и машут маленькими короткими ручками: «Иди сюда, дадим топик. Не ходи налево, это антирыночно, не дадим топика». Для того, чтобы Эрэфия ползла к некой земле обетованной, именуемой рынком, и чтобы она вообще двигалась, ее подбадривают различными возбуждающими снадобьями.

Всю Москву периодически обвешивают порнографическими

листовками, изображающими десятки основных поз секса и в виде схемы, и в виде наглядных пособий. В метро вывешиваются огромные цветные плакаты с изображением женщин, раздвинувших срамные губы, выходят десятки газет, на первых страницах которых изображены мужики, держащиеся за огромный изогнутый толстый член, или женщины, вводящие во влагалище искусственный орган. Делается это с агитационной назойливостью лучших большевистских времен. Я знаю целые загородные кварталы, где население кормится тем, что денно и нощно печатает порнографические игральные карты, которые потом распродают в электричках глухонемые. Лотки и книжные развалы забиты толстыми порнографическими книгами, которые не только переводят, но и заново пишут бывшие советские писатели. Распространяется также масса псевдоантикриминальных изданий, фактически являющихся руководствами для начинающих преступников и бандитов. Во многих газетах масса объявлений с телефонами для занятия групповым сексом, часто самого странного свойства. Популяризуется половой садизм, садомазохизм, скотоложество. Педерастия стала хорошим тоном, на телевидении полно откровенных актеров-педерастов, переодетых в женское белье. Все это насаждается свыше, почти что принудительно, как при Петре I внедряли картошку, а при большевиках ленинизм.

Создается впечатление, что таким способом делается определенная большая политика. Поток официальной порнографии сопровождается показом всех видов американских убийств, занимающих огромное киноэфирное время. У нормальных людей вырабатывается жесткий антиамериканский инстинкт. Поражает низкопробность всего этого мутного потока. Он рассчитан в основном на советских люмпен-дебилов. Советские и постсоветские люмпен-дебилы -это особая оглупленная большевиками порода русских людей, вроде пресловутой семьи Голубковых, рекламирующей жулика Сергея Мавроди и его липовое акционерное общество МММ.

Но не все в Эрэфии Лени Голубковы. Не все хотят подвергаться методам массового зомбирования. Многие ищут свои пути, часто самые нездоровые. Создается множество всевозможных сект, где исповедуется достаточно сложный секс, садизм, сатанинские культы, проповедуется социальная и расовая нетерпимость. Этот поток целенаправленной информации ориентирован, в основном, на людей от 15 до 30 лет. Из них пытаются создать электорат для будущих выборов и будущую армию карателей.

Когда Советская Армия случайно взяла в 41-м Дубно, то в

немецких штабных машинах и в ранцах убитых солдат была масса порнографии. Это поразило советских танкистов. Если взять всю московскую молодежь, а это особая молодежь, то 20% из нее относятся к потоку порнухи безразлично-брезгливо, только удивляются, почему этот напор носит такой государственно-назойливый характер. Все прекрасно понимают, что в отдельных специальных кварталах все это вполне допустимо, но не во всей стране. Россия, в общем-то, в прошлом достаточно строгая пуританская страна, и при царе и при большевиках порнография не поощрялась. Но 30% молодежи с жадностью поглощают все виды порнопродукции. Это шпана, бандиты, перекупщики, торгаши, мелкие служащие. 50% молодежи глушат водку и курят анашу, им вообще на все наплевать.

Но в среде самых разных слоев зреет и обратная реакция на весь поток колониальной информации. И эта обратная реакция очень часто нездорова и болезненна. Экстремальная ситуация насилия над личностью часто порождает слепую жажду насилий. Насилие, и большое насилие, витает в воздухе Москвы и других крупных городов. Был такой долго живший в Праге эмигрант Мейснер, он написал одну из лучших книг ‘о пражской эмиграции «Миражи и действительность», где он, вспоминая свои молодые годы в Петрограде, между Февралем и Октябрем, писал, что дух гражданской войны уже витал в те месяцы на многочисленных митингах, на которых он бывал. Так же и в современной Эрэфии молодежь объединяет в основном жажда совместных больших насилий, которую они намереваются реализовать.

Наиболее тупые и жадные реализуют ее в малых и больших бандформированиях, буквально заполнивших столицы и центры периферии. Но бандформирования — это не малый, но все-таки один угол зреющего треугольника большого насилия. Два дру-гих угла треугольника — это социальное и расовое насилие. Зреющее социальное насилие еще как-то можно объяснить и понять — никогда так не притесняли народ, как при нынешнем режиме, в мирное время в богатейшей стране мира организовать голод совсем не просто. Но все равно предстоящая социальная борьба не мыслится некровавыми средствами -только убивать, убивать и убивать. Хотят убивать демократов, ельцинское окружение, бывших коммунистов, ставших компрадорами. Убивать и при этом, традиционно по-русски, грабить. Жажда расового насилия тоже приняла чудовищные формы: уже убивают русских в Средней Азии, на Кавказе, убивают турок-месхетинцев,

убивают азербайджанцев и армян, готовятся убивать цыган и евреев. В ходе чеченской войны мы видим оргии расового и социального насилия.

В Евразии до большевиков расовая нетерпимость всегда была исключительна, мало ее было, очень мало. Еврейские погромы в Молдавии и на Украине готовились в основном уголовным сбродом невеликоросского происхождения, в исконно великоросских губерниях погромы были исключением, осуждаемым коренным населением, исповедующим иудео-христианские ценности и поголовно хорошо знающим Библию.

В центре треугольника насилия лежит духовное насилие. Наша перестроечная и постперестроечная интеллигенция сейчас твердит то же самое: «Убивать, убивать и убивать!» Тот же некогда свободомыслящий бард Окуджава, которого мы все любили и уважали, поощрял расстрел Белого Дома в октябре 93-го, жаждали крови оппозиции и другие перестроечники. Люди, стоящие на псевдопатриотических позициях, с радостью сообщают друг другу у кого, по их сведениям, матери или бабки еврейки. Я сам слыхал, как они обменивались «новостями»: «У патриарха Алексея II мать еврейка, у Шостаковича мать еврейка, у Собчака бабка еврейка, у Ельцина отец еврей, у Руцкого мать еврейка» и т.д. Это все довольно утомительно и тупо.

Есть ведь бескровные выходы из русского тупика, когда не надо убивать и выяснять анкетные данные. Такие выходы находил Махатма Ганди, находил Джавахарлал Неру в Индии. А у нас готовят черные списки для будущего сведения счетов. Поэтому с таким бешенством читают все, что связано с приходом нацистов к власти, — «учатся». Ждут, когда придет русский Пиночет, гадают, кто им будет -генерал Лебедь или найдется другая птица похищнее. Не понимают, что насилие не решит никаких проблем, а только породит массу новых.

Правительство, попробовав крови в октябре в Москве, теперь решило действовать методом танкового втыка. Но танки часто жгут. Чеченская война — тупик танковой стратегии, из которого удастся очень нескоро выбраться. Вопросы решения введения танков в города должны всесторонне обсуждаться *в* Думе, и только получив боль-шинство голосов, можно было начинать штурм Грозного. Эпоха политического и духовного террора, в которую мы вступаем, будет очень длительной, пока люди до конца не реализуют весь накопленный потенциал злобы и не устанут от кровопролития. Жажда больших насилий — это открытая книга ежедневно окружающих нас лиц.

«Зеркало» (Москва)

Карл Маркс — тринадцатый апостол (№125)

Алексей "фон Раух" Смирнов

КАРЛ МАРКС- ТРИНАДЦАТЫЙ АПОСТОЛ
Алексей Смирнов

В различных интеллектуальных кругах не только Москвы давно, много и сомнительно говорится о пятом евангелисте, о роли Антихриста в политической жизни России XX века, о тринадцатом апостоле, об особой секретной миссии Иуды. Я пытался тоже говорить на близкие к ареалу этих идей темы и часто терпел жестокие фиаско. Меня умышленно профессионально не понимали и уводили разговор в сторону, на

некоторые темы вроде как бы говорить вообще неудобно. Выработался как бы кодекс запретных тем, стоит заговорить, и на тебя навешают какой-нибудь гнусный ярлык.

А я всегда любил поговорить. При герековских поляках о Катыни, при убежденных коммунистах о массовых захоронениях расстрелянных в Подмосковье, об использовании топок МоГЭСа напротив Кремля для сожжения жертв Лубянки, с хромыми я хромал, а с заиками — заикался… Правда, я говорил в основном на одну, очень давно интересующую меня тему — о близости раннего христианства и некоторых черт нашего почившего в бозе большевизма. Нигде, кроме как в России, об этом всерьез говорить нельзя, просто не поймут, а тема очень и очень теплая. В католических и протестантских странах христианская религия заняла определенное место на полочке, часто на задней, среднеоптового магазина, то есть весь опыт христианства хорошо улегся в буржуазно-мещанский хорошо отлаженный ход жизни. Все шестеренки и винтики притерлись, никаких ересей, Савонарол, гуситства, крестовых походов детей уже не будет. Это все уже в очень далеком прошлом, европейская история, знаете ли, уже очень давно закончилась, остались одни камни для экскурсоводов.

По миру колесят геморроидальные старухи и старикашки, которые щелкают «кодаками» в памятных местах борений человеческого духа. Оболваненная буржуазией молодежь в своих домах-сотах рьяно истощает чресла друг друга к вящему удовольствию своих правительств и римского папы — ручной народец всем приятен! Существующая в Европе католическая церковь давно уже стала продавленной двуспальной кроватью в дешевом номере, куда приводят случайных женщин. Появление в эпоху диктаторов в Европе фашистских режимов при полной индифферентности Ватикана говорит об очень многом. В России хотя бы патриарх Тихон предал анафеме большевиков, за что и был убит. Несмотря на героизм отдельных католических священников, в целом Ватикан играл позорную роль и при Муссолини, и при Гитлере. И разливанное море дешевого американизма, буквально затопившего мир, тоже не в пользу римской курии, которая спокойно допускает победу вещного материализма. И, наконец, экологическая катастрофа, в которую буквально загоняют мир взбесившиеся от жадности лавочники и мещане, не встречает должного отпора Ватикана. Его энциклики, как бумажные голубки, которые разбрасывают шалящие дети, разлетаются в пустоту.

Всякая новая религия всегда рево-люцинно нетерпима. Прошло эту фазу и христианство — христиане кололи статуи

Фидия, Поликлета, Скопаса, жгли рукописи, выжигали на известь каррарский мрамор. Потом они несколько поуспокоились и стали охранителями культуры во вконец одичавшей не без их помощи Европе. Бог един и вездесущ, молиться ему можно не только в храмах, айв лесах, в полях, на горах, в море, всюду, где есть воздух, растения, птицы, животные, все они носители Высшего Божьего Разума. Люди молились и до христиан, будут молиться и после них, живое прямое общение с Богом — основное право человека.

В нынешнем контексте фраза «права человека» носит довольно гнусный идиотический характер: права осла, права коровы, права овцы. Кто и в каких застенках придумал эти права человека? Настоящее право людей -это право частицы Божьего мира, живущего в согласии со всем движущимся, дышащим, шелестящим. Современная же цивилизация с отравленными городами-уродами лежит вне всякой религии, вне Божьего мира. И то, что среди этих зловонных городов расположены храмы, прикрывающие противоестественную жизнь, является кощунством. Но на это не обращают внимания ни церкви, ни люди, ни правительства, создавшие и поддерживающие уклад современной цивилизации, хищнический и потребительский по отношению к природе.

Я ортодоксально православный, соблюдающий основные посты, прислуживающий в алтаре, участвующий как иподьякон в архиерейский службах, отношусь с огромным пиететом ко всем остальным религиям, исповедующим добро, ненасилие и созерцательность. И больше того, я присутствовал в алтарях синагог, дацанов во время служб и испытывал благоговение от присутствия Божьего Духа. И даже ислам не воспринимается мною враждебно, так как он сдерживает дурные наклонности людей и создает определенное молитвенное состояние. Исламский фундаментализм — это не религиозное, а политическое движение. Традиционализм как мировоззрение лежит параллельно различным конфессиям. Православный традиционалист всегда поймет буддистского или ламаистского традиционалиста. Буддизм, ислам и православие — это триединое лицо Евразии.

К сожалению, самоутверждающееся христианство вступило в конфликт с античными религиями, основанными на пантеизме. Они не были язычниками, римляне и эллины, они сами были на пути к синтетической надмирной религии. Что исповедовали Тертуллиан и Марк Аврелий? Вражда ранних христиан и римлян — она вообще была не нужна. За всеми гонениями ранних христиан стояли, по-видимому, прагматические интересы

политических кланов. Буддизм, очень близкий к христианству, не вступил в конфликт ни с одной из местных религий, а создал синтетический пантеон. И Китай, и Индия, и Тибет, и Монголия, и Япония, и Индокитай, и все другие нынешние «тигры» — это зона синтетических религий, где буддизм причудливо переплелся с местными культами. А путь христианства был, к сожалению, иным — сожжение библиотек, разрушение храмов, уничтожение статуй. В житиях ранних христианских мучеников -святых — то и дело написано: «Проник в капище и разбил идола» (то есть статую Венеры или Аполлона), «был за это зверски умерщвлен язычниками, а потом и канонизирован». Подвиги и доблести сомнительного свойства. — «Проник в Лувр, разбил Венеру Милосскую или статую Донателло, попал в участок и был гильотинирован» или же: «Выехал в составе группы ВЧК, застрелил попа, выколол глаза иконе Богоматери, поджег церковь — за это его убили религиозные мракобесы».

Разумные вновь возникшие религии облекали собою тело старой предшествующей религии и сливались с нею. Религиозный радикализм — не самое лучшее свойство. Им обычно пользуются чуждые всякой религии силы, подзуживающие фанатиков. Ведь сущность любой пантеистичной религии одинакова — слушать небо и все живое и искать в живом ответы на все вопросы. К живому я отношу не только движущееся, но и статичное: камни, горы, землю, в которых тоже заключены Высшие силы. Я, например, всерьез считаю, что сейчас животные более морально чисты, чем люди, и что через них чаще, чем через людей, общается с миром Господь. Всякий культурный европеец тоскует о рощах с фавнами, нимфами, с уединенными храмами и алтарями Диониса, Вакха, Афродиты. Боги и покровители есть и у эроса, и у ручьев, и у деревьев, и у пищи, и у вина. Такой же языческий пантеон есть и у славян: домовые, русалки, дедушки-лесовики. Люди их хорошо знают и чувствуют и по сей день им поклоняются.

Живая, не приспособленная для презервативов, Форда, ЮНЕСКО, ООН, электроники, СПИДа, «Звездных войн», Голливуда, миротворческих контингентов, СНГ и прочей зловредной дребедени религия должна оберегать чудо жизни. Вспомните слова нашего пророка-эпилептика о крови одного невинного ребеночка на нынешнем фоне международной торговли внутренними человеческими органами, купленными и украденными у живых людей по ложным диагнозам, и при невозмутимости старичков-пенсионеров, продлевающих свою молодость при помощи препаратов, выработанных на абортных эмбрионах. А церковь, католическая в первую очередь (о

православной в России говорить всерьез нельзя, она по-прежнему вполне карманна у властей), молчит. Иерархи, папы, кардиналы всерьез не борются с тотальным аморализмом всего комплекса жизни. Ножницы между официальной религией и гибелью человечества от отравления всеми ядами урбанизации все разрастаются, и нет руки, которая их сожмет и отрежет голову спруту современной аморальной машины уничтожения любых форм органики, включая человека как вид, несущий в себе память Бога.

Пантеистическое поклонение природе лежало в основе всех древних религий. Современное христианство возникло, когда надо было подвести идеологическую подушку под социальное неравенство. Древнее патрицианское социальное неравенство всегда оплачивалось кровью правящей касты, всегда римские всадники, патриции, были в кровавой гуще своих армий. Вот когда патриции создают наемную армию, а вместо себя выставляют кондотьера-варвара, то цивилизации конец. Старая Россия погибла, потому что элита отказалась платить обязательный налог кровью, в рядах белых армий было больше детей кантонистов и лавочников, а не потомков дворян и князей. Недаром генерал Слащев, отбив первый наскок красных на Крым, написал в приказе: «Тыловая сволочь, можете распаковывать чемоданы, я опять спас Крым!» Накопление денежных средств в руках людей, которые сами не подставляют свою грудь под меч и пулю, и привело к религии, поддерживающей в обществе имущественное статус-кво.

Возьмем мужественные культы Перуна, скандинавского Одина, римские античные ритуалы, гадание на внутренностях животных перед битвой. Настоящий всерьез последовательный христианин должен быть плохим воином, он исповедует преклонение перед слабостью, не понимая, что лучшая из смертей — это смерть в бою от руки врага. В самой сути раннего христианства была заложена идея сочувствия слабым, но сочувствия, строго контролируемого церковной иерархией. Уже тогда в христианстве была заложена двойная мораль — сочувствие к братьям и агрессивное безразличие к «язычникам» — «кто не с нами, тот наш враг». На этой двойной морали и возникла первоначальная церковная иерархия — иерархия «гонимых». Ничем другим сдержать массы было нельзя, им была нужна псевдореволюционная религия.

Империя Карла Великого на Западе и Византия придали христианству совсем-совсем другой характер. Во главе здания христианского государства стал сам император, а папа и патриархи исполняли при нем второстепенную роль. Но не сразу

они смирились со своим униженным положением: был и Авиньон,' и сложная религиозно-политическая борьба, потрясавшая и западную, и Византийскую империю до основания. На Западе в конце концов папа победил императора, так как римское наследие распалось на куски, а на Востоке, наоборот, были сильны собирательные римские тенденции — император всегда довлел над церковным синклитом, поэтому западная церковь (и католическая, и протестантская), и византийское православие из-за своей авторитарности никогда не найдут общего языка с «левым» ветхозаветным христианством. И католицизм, и православие, и реанимированная архаичная катакомбная церковь — три расходящиеся ветви, которые вряд ли когда-нибудь снова пересекутся.

Я совершенно искренне не понимаю, что плохого в синтезе нескольких религий, объединенных определенным географическим ареалом. Божественная благодать живет всегда в одних и тех же местах, облюбованных Богом задолго до появления кочующих племен, ставших со временем коренными. Все расы когда-то двигались, и их нынешнее местонахождение не столь долговременно. Когда-то где сейчас живут европейцы, жили другие народы с другими Богами. Боги помнят друг друга, и люди тоже помнят своих вроде бы ныне и умерших Богов. Любое непочтение к любым Богам всегда чревато, совершивший святотатство по отношению к чужим Богам — неугоден и собственным. Наша душа совершает длительные пути и в мире, и в космосе, и в эпохах, и в телах. В любом месте, где люди общались с Богами, — они остаются навеки. Обычаи, трогательные службы нашего православия, намоленные иконы, мерцающие лампадки — все обусловлено историей угро-финских и славянских племен, налетом нашего язычества, и поэтому особенно близко.

В Бурятии и Монголии это чуть по-другому, в Индии ближе всего к нам, к славянам, в Нотр-Дам и Реймсском соборе тоже живут сумрачные готические Боги. Самоценность любой религии, и православия в том числе, в живом каждодневном общении с Богом, в соотношении своей жизни и своих поступков с Ликом Бога. Человек, не чувствующий своей постоянной связи с Богом, обязательно попадет во власть демонических сил — пустот не бывает ни в земной, ни в небесной жизни, ни в духовной жизни каждого отдельного индивида. Как только образуются пустоты, лакуны, тут же туда устремляются темные силы. Если иссякает идея Бога, то врата для Сатаны открыты настежь. Бездуховный человек не выводится случайно, его выводят принудительно, заставляя не общаться с Богом, жить вне природы, вне животных,

вне возможности двигаться по земле и созерцать Мир Божий. Посмотрите, как ужасны люди, живущие в трущобах больших сверхгородов, как ужасны рабские скопища чиновников и клерков, как пусто смотрят вымотанные и испитые рабочие — это живые мертвецы, люди, которых лишили возможности молиться. И, к сожалению, эти люди иногда считаются примерными детьми христианских церквей, в которые они ходят по воскресеньям и слушают нудные проповеди. При мне один советский архиепископ говорил такую воскресную проповедь: «Богу не угоден рабочий, не выполняющий норму, Богу не угодна домработница, хорошо не обслуживающая свою хозяйку, Богу не угоден служащий, не выполняющий приказов начальства…» и тд Я невольно подумал: почему на его золоченую митру не падают камни со свода?

Несмотря на все преследования большевиков, наше православие очень живуче, его живучесть во многом обусловлена близостью к традициям славяно-угро-финского язычества. Народные знахари, целители помнят еще дохристианские заклятья, ворожат, как тысячи лет назад. Языческая Россия начинается сразу же за Москвой. Особенно много лечащих людей колдунов во Владимирской области, в Суздале, в Муроме. Я сам водил знакомых лечиться к таким старухам и старикам, и они заговаривали при мне самые страшные болезни, исполняя при этом древние ритуальные танцы и бормоча на забытых языках. К ним даже посылали врачи: колдунья бабка Арина лечит рожу, другая вправляет грыжу, лечат нервно-психические заболевания, почки, выводят камни.

Особенно сильно язычество сегодня, сейчас, распространено в Поволжье, среди мордвы, чувашей, марийцев. В республике Мари-эл, так теперь называют Марийскую автономию, язычество теперь специально восстановлено как вторая государственная религия. И сходы колдунов и жрецов влияют и на их парламент и на президента. В Мордовии иконы обмазывают салом и медом, как идолов, обвешивают лентами, вещами больных, рубят петухам головы на ступенях паперти, когда выходит невеста, анонимно жертвуют священникам живой скот, привязывая его к алтарю. Абсолютно дики сексуальные нравы мордвинов. Старики наблюдают за сексуальной жизнью молодых и направляют ее советами. Я один раз сидел в гостях у псаломщицы в мордовском доме и пил чай из грязной инородческой посуды, одна старуха пряла, другая молилась, а в углу сидел дедушка и помогал советами молодой паре, с пыхтеньем и повизгиванием огуливавшей друг друга. И все это происходило в одной комнате, разгороженной занавесками. А кругом избы весь снег был в

экскрементах и убитых собаках, никто не убирал падали. А в Чувашии в двух районах есть целые села никогда не крещенных язычников. Они объединены в языческие совхозы и колхозы, и председатели и директора у них верховные жрецы. Они по сей день насыпают курганы, наварив вкуснейшего чувашского пива, по ночам устраивают у костров ритуальные оргии и пляски под бубны и особые протяжные дудки. У них есть священные урочища — керемети, где по сей день стоят идолы и каменные жертвенники. Да и среди крещенных инородцев христианизация чисто поверхностная. Многие священники -потомки жрецов; инородцы очень гордятся половой силой своих священников, у кого больше детей и любовниц, тех больше почитают и посещают. В одном мордовском селе вдовый священник покрывал сразу трех певчих, прислуживавших и мывших его в бане. В другом селе мне показывали восемь малолетних детей и беременную матушку и с гордостью говорили: «Священник у нас — настоящий бык. Матушка ни одного дня без живота не ходит». Эти полуязыческие народы хорошо пережили большевизм, численно размножились, окрепли. Тех функционеров, которые пытались оказать давление и всерьез ввести советские порядки, крестьяне запугивали и подчиняли родовым обычаям. В глухих мордовских селах часто по ночам возникают пожары. Подперев двери колом, инородцы сжигают друг друга, мстят за убийства и обиды. Абсолютно не христианские нравы.

Но не только инородцы сохранили языческие традиции. В чисто велико-росских губерниях полно языческих обычаев и представлений. Я работал в одном храме в Курской губернии, в бывшем уездном городе, где в церкви было полно бесноватых колдуний и гомосексуалистов и староста и псаломщица учились у районной штатной ведьмы колдовству, ворожили, наводили порчу, хрюкали, лаяли и мяукали во время службы, когда выносили крест и евангелие. У меня было ощущение, что я попал в средневековье. Древние славяне жили среди своих полей, лесов и озер, в тени своих священных урочищ и воспринимали завезенное из Византии христианство как еще одну ипостась знакомых им Богов. От христианства русские восприняли одну обрядность. Огромный богословский опыт восточного христианства и монашества был только в монастырях, в массы простонародья он не проник. Вообще, основная закономерность русской культуры в ее очаговости — культура была в монастыре, во дворце и в усадьбе. В крестьянский дом культура проникала только в виде частушек, песен, былин и сказок.

Петр I разогнал русскую монашескую и дворцовую культуру. Культурный монах и боярин ушли в раскол. А в усадьбе

утвердились европейско-французские порядки, приведшие Россию в конце концов к Пушкину, блестящему общеевропейскому пустому месту, понятному любому обывателю. Пушкин закрыл последнюю страницу осьмнадцатого века, века забвения русизма. Вся древнерусская книжность ушла в раскол. Раскол — очень сложное, сугубо русское, декадентское по своей сути явление. Даже если бы от России остался один раскол с его иконами, литьем, выговскими книгами, распевами, то и тогда Россия была бы великой страной. Раскол — это массовое диссидентство и неповиновение. Думая о России, я всегда тоскую о расколе и раскольниках и вспоминаю о своем общении с ним, как о неких драгоценностях. Никонианская и Петровская синодальная церковь были чисто обрядными — чем больше золота иконостасов, парчи, серебра, драгоценных камней, звероподобного рева дьяконов, пышности архиерейских служб, тем лучше. Недаром в весь этот антураж влюбилась несчастная последняя русская императрица Александра Федоровна — истеричная «Алике» — тень смерти за троном Николая ШШ. Безграмотный народ дивился на всю роскошь своих соборов и храмов, не понимая всего смысла служб, не читая богословской литературы. Фактически, православный храм был для простолюдина языческим капищем, он знал, каких Богов ему целовать, кому ставить свечи: Егорию, идя на войну, для ратной удачи, Власию — для здоровья скота, Флору и Лавру — для здоровья коней, Целителю Пантелеймону — при болезнях, Симону, Гурию и Авиве — для семейного счастья.

Самый положительный опыт христианства был в заповедях: не укради, не убий, не прелюбодействуй и тд Все это для склонных к пьянству, насилию и разбою славян было очень полезно. Они ведь по своему психическому складу в своей массе не обладали и не обладают абстрагированным мышлением, вообще не понимают отстранения, отчужденности — им нужна сугубая конкретность. Мистический дух, арах перед природой у них заложен генетически, на уровне родового мифа, а вот абстрагироваться от текста, от слова они не могут, особенно их завораживает зрительный образ. Эту особенность славянского восприятия максимально использовали большевики. Кино было для них главным искусством. Удобнее всего ввинчивать мозги. А чего стоили окопная «Правда», хрущевская и горбачевская трепотня, ежедневное шаманство по телевизору — это как сивуха для младенца.

Пышная обрядность православия продолжалась весь восемнадцатый и первую половину девятнадцатого века, вплоть до эпохи «великих реформ», в общем-то и предопределивших

взрывы 1905 и 1917 годов. Крестьян тогда обобрали. Освобожденных крестьян стали повсеместно учить грамоте, перевели на русский язык и Библию, и Евангелие, издали их массовыми тиражами, то есть двинули священное писание в народ. Старуха Ахматова, постоянно читавшая еван-гелькие и библейские тексты, говорила, что евангелие у нас еще не проповедуемо, имея в виду эпоху советского одичания. Но вот между 1861 и 1917 годами в церковно-при-ходских школах дети довольно хорошо знали евангельские тексты и, как простолюдины славяне с их особой прямолинейной психикой, усваивали их очень утилитарно: пусть богатые все отдадут бедным, все нужно поделить поровну, как учил Спаситель, и т.д. Для любого элитарно образованного верующего (отнюдь не материалиста) любой богословский текст не более, чем притча, путь к самоусовершенствованию, буквального наставления нет ни в одной религиозной книге, ни в одной религии. «Мое царство не от мира сего». Путь к Богу лежит только через индивидуальный опыт самоусовершенствования, в отказе от эгоизма, в аскезе, в самых разнообразных формах самоограничения. Всякий коллективный опыт противопоказан религии. Церковь -это собрание индивидуумов, а не людей — личинок или винтиков. Каждый находит свой путь. Религия — это повод для ассоциаций, реминисценций, воспоминаний о давно прошедшем, это дорога к открытию самого себя, это путь к абсолютной свободе, но свободе со всем грузом индивидуальной и коллективной морали, выработанной цивилизацией. А люди, людское сообщество изначально не однородно. Большинство людей ограниченны, многие тупы от природы, происходит постоянный отбор умнейших, сильнейших, моральнейших. Они идут наверх, в элиту — формируются касты. Именно такой порядок отбора должна охранять и поддерживать любая религия и любая церковь. Небесной Иерархии должна соответствовать земная, всякое отклонение от соблюдения законов равновесия этих двух иерархий приводит к хаосу и к кровавым революциям. В Евангелии и Посланиях Апостолов заложена определенная разрушительная революционная мораль, но эта революционная мораль — только дань времени, когда создавались евангельские тексты.

У антисемитов есть одно любимое дежурное блюдо — Евангелие написали евреи, евреи создали христианство, чтобы разрушить Рим. Это очень наивная точка зрения на уровне таких политических тупиц, как Альфред Розенберг и Адольф Шикльгрубер. Приписывая еврейскому уму фантастическую силу, способную изменять ход истории и создавать мировые религии и

системы, забывали об очень простой вещи: разрушение древнего Израиля произошло из-за врожденной ортодоксальной негибкости еврейского ума, но именно эта негибкость и жесткость позволила евреям сохраниться и не ассимилироваться как единому народу в века рассеивания. В силу своей негибкости в целом все еврейство всегда проигрывало. Оно проиграло свою особую государственность в Римской империи, европейское еврейство ужасающе проиграло в Европе, в эпоху коричневых и красных диктаторов, — почему оно тогда проиграло, тема отдельная и очень слож-ная. Одна из главных причин Катастрофы европейского еврейства в неправильной ориентации на глобальные задачи, а не в создании закрытых национальных анклавов. Очень жаль, что в России, Польше и Малороссии нет второго европейского Израиля. Результат же печален: внеся огромный вклад в становление новейшей Европы, евреи потеряли миллионы лучших в нацистских и большевистских лагерях, и еврейские общины от Сены до Амура становятся все малочисленнее. Заброшенные еврейские кладбища со старинными памятниками — очень грустное зрелище. И теперь снова возрожденный Израиль не должен быть форпостом США и тамошних еврейских общин, сросшихся с политикой Вашингтона, у Израиля особый путь в мире — путь древне-молодого восточного государства, вырабатывающего новый тип экологическо-моральной цивилизации. И именно в выработке новой еврейской политики и новой роли Израиля в мире и состоит вся будущая политическая и духовная жизнь древнего народа, вернувшегося на родные развалины и очаги. Мне, твердолобому русскому националисту, ничего не простившему и не забывшему, нравится еврейская твердолобость, но мы, русские, так чудовищно и позорно все проиграли, нам так не повезло, по словам Черчилля, что из колодца своих бед иногда яснее видишь беды чужие. Разрушительно-революционные мотивы христианства были заложены в нем евреями только отчасти. Христи-анство было использовано центробежными силами Римской империи, умело разыгравшими «христианскую карту». Над обработкой и редактированием христианско-ессейских текстов работал целый идеологический римский коллектив, отнюдь не еврейского происхождения. Возьмем, к примеру, учение Карла Маркса и оформление его в советский марксизм — эту огромную работу проделали авторы самых разных национальностей. К сожалению, христианство где-то с М-МШ веков играло в жизни Европы роль государственной монопольной религии, всячески, и в первую очередь физически, истребляя инакомыслие. Тот же ислам или буддизм, или конфуцианство,

или ламаизм гораздо более веротерпимы -они допускают многобожие. Христианские миссионеры всюду были необычайно навязчивы, и когда они шли вместе с рыцарскими орденами в Прибалтике или с испанцами в Южной Америке, то они по своим методам были предтечами тоталитарных режимов. И НКВД, и гестапо имели один первоисточник — Святейшую Инквизицию, а Петербургский Святейший Синод с консисторией был прообразом большевистских агитпропов.

В этой статье я даже отдаленно не задеваю богословских вопросов, догматического богословия, все это внутреннее дело каждой церкви, и не дай Бог кощунствовать по этому поводу, я рассматриваю церковь только как государственное формирование, влияющее на социальную и духовную жизнь. Я думаю, что ни один священник, ни один епископ не станет отрицать, что давать в руки Евангелие и Библию можно только психически здоровым людям — маньяк, а таких сейчас много, может сделать дикие выводы из текста и может начать убивать людей, которые с его точки зрения враждебны христианству. В России так и делают адепты некоторых изуверских сект. Вспомним, как сектанты топили купающихся в бассейне на месте Храма Христа Спасителя в Москве. Любой текст, из которого можно сделать поведенческий вывод, должен даваться под строгим контролем дающего, а Евангелие для непосвященных — это взрывоопасная книга, из нее могли сделать самые странные выводы люди типа Нечаева, духовного учителя Ленина.

В разогнанном музее Ленина, который я специально посетил перед его концом, была целая витрина фотографий предшественников Ленина — бородатых чисто русских людей, большей частью детей священников, которые проповедовали синтез христианского коммунизма и взглядов Чернышевского, тоже сына заслуженного саратовского священника. Да и отца Володи Ульянова, преподавателя семинарии, в Симбирске хоронили с хоругвями и иконами, как духовное лицо. Целый крестный ход шел за гробом. На эту тему особенно не любит говорить советское духовенство, так как оно тоже претендует на роль официоза. В ельцинском государстве за место религиозного рупора режима борются две конфессии — баптисты с сонмом американских зазывал-проповедников и Московская Патриархия. Оба конкурента нетерпимы к другим ветвям своих же вероисповеданий.

Мне были долго не совсем ясны скрытые пружины идей оберпрокурора Святейшего Синода Победоносцева, политика журналиста Каткова, мыслителя Леонтьева подморозить Росссию лет на сто и уберечь ее от революционной заразы. Изоляционизм

иногда спасает народы — это общеизвестно. Например, сейчас в России такой изоляционизм для восстановления сил просто необходим, но тогда… Горький, беседуя на Капри о подготовке революции, цитировал одного купца, который как о расшатывателях психики и устоев народа говорил о паровозе (непонятно, чем бежит) и о граммофоне (непонятно, кто говорит), — значит, все возможно и все позволено. Винтики технической цивилизации действительно повлияли на крестьян-лесовиков, но не в них дело. Европейская анархия, весь европейский социализм вышел из примитивно понятого христианства, на вылущении из него революционно-утопических идей, созданных борющимися римскими кланами в интересах подрыва единой монополии Рима на идеологию и всемирную власть. Победоносцев хотел уберечь простонародье от социализма, от проникновения в Россию западного капитала, он хотел сохранить этим русскую монархию, но он же обучал в церковноприходских школах народ азам грамоты и дал ему в руки динамит — русский перевод Евангелия. Библия, древнееврейская, достаточно поэтически затрудненная, полная символов и недосказаний книга, с ней работать не так просто, а Евангелие — это листовки, если его понимать буквально. Невольно думаешь о касте египетских жрецов, делавших тайны из своих сокровенных знаний, по сей день дворец Патал в Лхасе закрыт для непосвященных. Русское простонародье поняло Евангелие попросту буквально: отдай нам все, грабь награбленное и тд Русский народ далеко не тупой, он самостоятельно за короткий срок проделал путь европейского утопического социализма и крайнего анархизма. Как надо было поступать Победоносцеву, другу царской семьи, чтобы избежать революции? Я думаю, у него был только один выход: раздать все «удельные» земли безземельному крестьянству, без права продажи частным лицам, а только в Земельный Банк, т.е. надо было совершить аграрную революцию сверху. А также объявить царские резиденции музеями, а самому Царю стать народным монархом, опирающимся не только на дворянство, а и на крестьян, мещан, рабочих, которым можно было при сырьевом богатстве России создать человеческие условия существования.

Но тогда бы Александру III или Николаю II гвардейцы проломили бы голову табакеркой или мраморным пресс-папье. А вместо этого был расстрел 9 января и порочная по своей сути политика Столыпина: он только бесил бедноту отрубами, искусственно расслаивая деревню, одному давал шанс разбогатеть, а другому — нет.

Именно из-за столыпинской выборочности кому жить хорошо, а кому плохо нынешние демократы всячески восхваляют убитого

премьера. Народники и эсеры — предтечи большевиков - проводили традиционно пугачевскую политику всеобщего передела всего. Безземельное крестьянство их слушало, но до конца не доверяло, так как все-таки на «окончательное решение» земельного вопроса они не шли. И только окопы злосчастной германской войны, спровоцированной английским соперничеством с континентом (Германия и Россия очень уж быстро росли), и агитация большевиков после февраля сдвинули, наконец, деревню.

В Ленине русские массы увидели мессию — реальное воплощение христианской справедливости в земельном и имущественном вопросе. Буквально понятое христианство слилось в сознании русских народных масс с марксизмом, несколько заумной для простонародья, но всеобъемлющей доктриной. В свое время, в десятые годы, среди будущих большевиков было целое движение богоискателей. Ленин это движение пресек, сам став живым, вроде фараона, Богом. На роль живого Бога претендовал и Сталин. Всех этих бредовых поползновений на обожествление не было бы, если бы в психике русских масс не произошло сдваивание христианства и социализма. Меня, церковного живописца, верующие не один раз просили написать одного из апостолов Тайной Вечери с лицом Ленина, даже юродивые и те рассказывали прихожанам: «Сегодня ночью я был на небе, там рядом с Христом сидит Ленин и оба друг другу чешут голову золотыми гребнями».

Я несколько раз перечитывал Евангелие, ища места, которые можно использовать для красной пропаганды, — такие места, несомненно, есть. Очень трудно расщепить в русском сознании идеи Христа и некие туманные идеалы справедливого социализма. Если бы в свое время Горбачев вместо перестройки сделал вице-президентом Патриарха, объединил «краткий курс» и Евангелие, то СССР был бы целым и невредимым. Все это мне очень и очень не нравится, но как бороться с этими заблуждениями, я не знаю, мне даже кажется, что русскому православию это дурное сближение по-своему выгодно и оно его использует. Были бы у нас разумные правители и пастыри, то давно была бы такая настольная книга «Христианство и социализм» (книга, рассчитанная на рядового советского читателя, а то он Бердяева и Франка не понимает), где бы доходчиво излагались непримиримые противоречия обоих учений и комментировалась каждая фраза Евангелия. Учитывая гибель половины населения России *в* ходе экспериментов, и в школах, и *в* институтах, и в семинариях должен быть обязательный предмет — «Античеловеческая сущность коммунизма», чтобы люди с

детства знали историю большевистских зверств и боялись их повторения. Нынешний плюрализм и либеральничанье с наследниками КПСС выгодно только перекрасившейся номенклатуре. А будущим священникам должен преподаваться особый курс — «ВЧК, НКВД, КГБ и русское православие».

Социализм, коммунизм — это духовные пиявки на теле христианства, их необходимо оторвать. Когда раньше думалось о крахе большевизма, то представлялось, что в каждом городе возникнет особое идеологическое учреждение, которое будет вскрывать все язвы социализма, заниматься насаждением свободной от коммунизма морали, помогать жертвам репрессий, вести разъяснительную работу среди подрастающих поколений, и в таких учреждениях не лишни были бы западные интеллигенты, священники, студенты и вообще западная молодежь, приехавшая помогать России избавляться от позорного красного наследия. Но, к сожалению, американский Корпус мира повсеместно выполняет совсем другую работу, протаривая дорогу американской морской пехоте и монополиям и все больше превращаясь в затычку в каждой нефтяной бочке. В наступавших армиях Деникина были организации, которые пытались помогать населению освобождаться от красной заразы, но их век, к сожалению, был очень недолог. Русским и народам, живущим в Евразии, сейчас апеллировать не к кому и ждать помощи не от кого, коллективного мирового разума как-то не замечается.

Глядя из России, также кажется, что нет больше и пресловутого европейского гуманизма, что он умер еще в те времена, когда о его гибели чревовещал Александр Блок. Стая европейских авантюристов, налетевшая на падаль СССР, как стервятники, делит с компрадорами русское сырье, а та гуманитарная помощь, которая сюда посылается, полностью раскрадывается номенклатурой. Синтез христианства и социализма породил некую псевдорелигию с особыми извращенными категориями ценностей. Эта псевдорелигия имела два русла: официальное (мощи Ленина, октябри, первомаи, иконостасы портретов, значки, символы, песни, музыка, живопись) и народное (тесные коммуны бараков и коммуналок, где сообща пили водку под баян, совокуплялись, справляли свадьбы, всерьез во всем помогали друг другу, дружно ходили на фронт и геройски умирали, где действовали железные, чисто скифские, законы солидарности и взаимовыручки и где всегда осуждали номенклатуру за шикарный паразитический образ жизни). Мораль этого в общем-то пещерного народного христиано-коммунизма действительно была близка русским представлениям о раннем христианстве, как его нам описывали

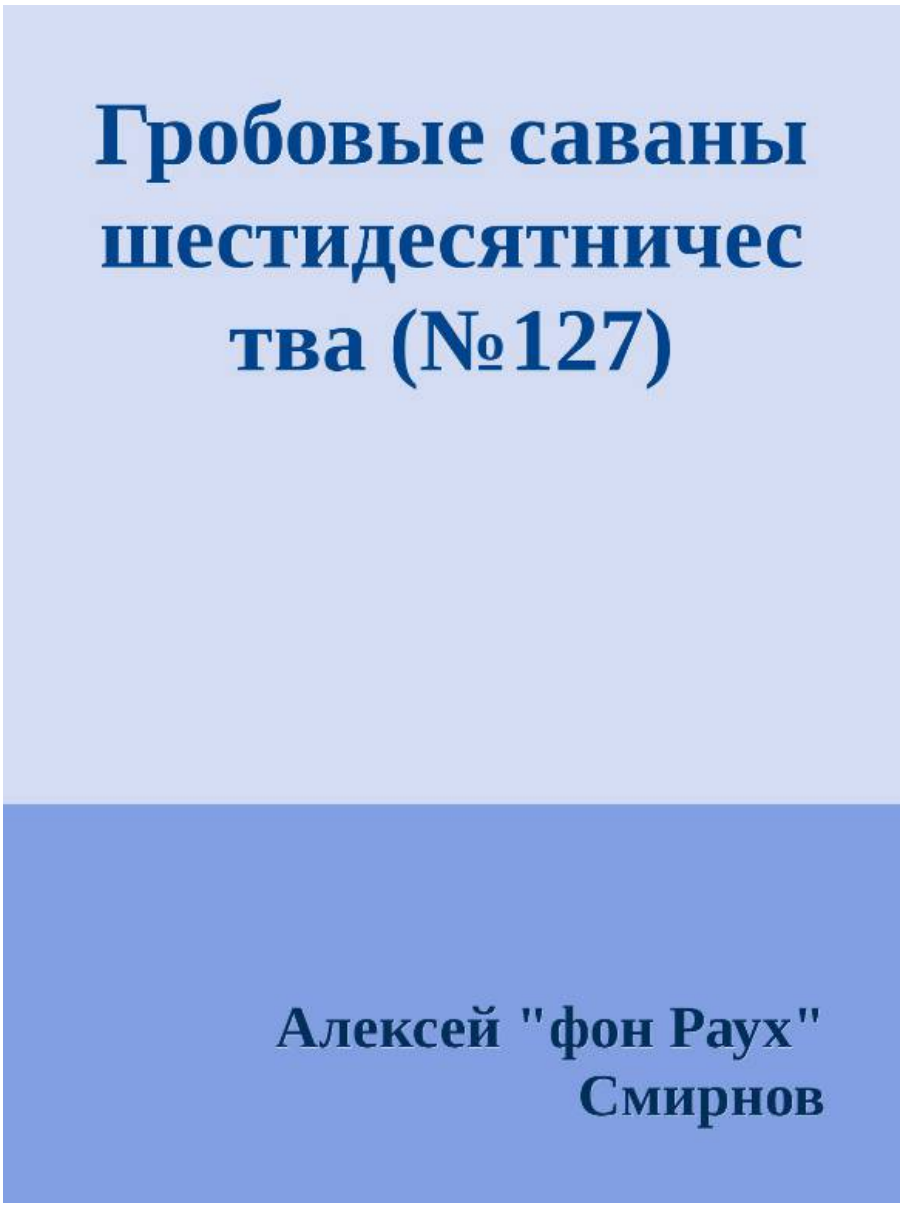
римские хроникеры.

Я плохого мнения о собственно русском простонародье, мне оно мало нравится из-за своей подлости рабов — они всегда предадут, всегда сделают все по-своему, идиотически подло, но тем не менее мне искренне жаль, когда их сейчас сокрушают чубайсовским рынком, все-таки это люди в чем-то моральные и как-то по-своему верующие. В семидесятые годы у меня была одна очень интересная встреча. В СССР приехал один почти девяностолетний француз, хорошо говоривший по-русски, бывший член толстовских коммун, долго живший в России и переписывавшийся с Львом Толстым. Он приехал перед смертью в Россию передать письма Льва Николаевича в Толстовский музей. Он высказывал неординарный взгляд на СССР: «Я понимаю все здешние болезни и уродства, но вы -страна восставших рабов, которые хотят жить по-своему, Запад вас ненавидит и постарается задавить». Этот длинноусый галл из глубокой французской провинции пришел в конец двадцатого века из моральных ценностей предыдущего столетия — милость к падшим, заблудшим, к обезумевшим.

Эту статью я назвал «Карл Маркс — тринадцатый апостол», назвал чисто условно, она в общем-то не о маленьком бородатом экономисте, внуке и правнуке раввинов, породнившимся с немецкими аристократами и страдавшим манией величия, а об особенностях преломления его учения в полудикой России, где возник своеобразный, в общем-то никем толком не описанный гибрид. Статья эта получилась чуть бесформенная, я много «растекался мыслью по древу», но когда я стал ее вычитывать, увидел, что еще не успел сказать всего, что надо сказать. Писать о близости русского социализма и христианства трудно, это «терра инкогнита», все время проваливаешься под тонкий лед непривычного, под тобою огромная черная глубина неописанного и неопознанного. Христианам всех конфессий писать о близости социализма и некоторых черт их религии зазорно, социалистам это невыгодно — плагиат, русским писать об этом позорно (подобная религиозная двойственность — признак национальной тупости и прямолинейности), а евреям тоже неудобно, так как у колыбели двух учений стояли очень хорошо им знакомые фигуры. Вот и обходят все стороною эту очень важную тему. А между тем псевдорелигия русских рабов может породить очень опасные рецидивы вплоть до реставрации в России ленинского социализма не обязательно в прежних формах, возможны и некоторые трансформации. Более 70 процентов населения, отойдя от старорусской ментальное™, живут уже несколько поколений идеалами псевдорелигии ленинского социал-

христианства, уравнивающего всех в нищете. Я со страхом чувствую, что в душах большинства сограждан сжимается религиозная пружина, они ждут нового мессию национал-большевизма, мессию, который возродит их попранный пантеон и возложит на алтарь нации новые жертвы, которые они все заранее оправдывают.

«Зеркало» (Москва)



РАЗМЫШЛЕНИЯ ПОСТАРЕВШЕГО МОСКОВСКОГО РАССЕРЖЕННОГО

Алексей Смирнов

Чехов учил выдавливать из себя раба каплю за каплей. Я хорошо знал часть семьи Чехова, оставшуюся в России. Моим близким другом был его внучатый племянник, как две капли воды похожий на классика. Его, к сожалению, в тридцать семь лет сгубила водка -кровоизлияние в печень с похмелья. Водка в России часто заменяла свободу. Когда Чехову за борьбу с эпидемией пожаловали орден, наверное, Станислава, он, надев его на зад, вышел в таком виде к обеденному столу, театрально развернув фалды сюртука. Домашние и друзья писателя посмеялись. В таком поступке было неуважение Чехова к власти. Попробовал бы Чехов надеть орден Ленина себе на зад, быстренько бы угодил на Колыму или в Норильск, где бы его забили урки.

Через период всяческой приниженности и рабства прошли мы все, жившие в СССР. Каково бы ни было наше социальное происхождение, семейные корни, мы все пережили долгую эпоху робких надежд на видоизменение советской власти к лучшему. Все, как бы не очень веря, надеялись — вот-вот что-то изменится и начнется что-то хорошее. Период этих ожиданий был очень протяженным, но чудес не произошло, покойник не встал с одра, не улыбнулся, не помахал рукою. Степень надежд и упований зависела от того, какую ступеньку советской иерархии занимали жаждущие видоизменений. Многие вообще не поднимались на эту лестницу, а были у ее подножья или далеко в стороне. Очень по-разному и с самых разных позиций, начиная с шестидесятых годов, надеялись на либерализацию в стране самые разные группы. Самая шумная и видная группа людей, которую теперь принято называть шестидесятниками, — это околокремлевская и околостароплощадная молодежь. Это различные референты, советники, все они люди талантливые, наглые, небрезгливые, падкие на лесть начальству. Многие из них ездили на Запад, нагляделись. Власть была рядом с ними — вот она, бери ее. К тому же они писали за кремлевских алкоголиков их речи, передовицы. Ярчайший представитель этой ныне постаревшей молодежи — Федор Бурлацкий. Это также зять Хрущева либерал Аджубей и целая плеяда будущих активных перестройщиков. Со временем они стали главными редакторами газет, журналов, министрами, ведущими экономистами. Всем им сейчас или под шестьдесят, или за шестьдесят, или больше. Среди них и комсомольские леваки-пииты — Евтушенко, покойный Рождественский, Вознесенский, Ахмадули-на и сын

расстрелянного партработника Окуджава. Эта железная когорта мыслила себя всегда в советских рамках. Они возвращали нам и себе свои золотые двадцатые годы, когда гремели Маяковский, Асеев, Мейерхольд. К этому же поколению принадлежала и Люся Боннэр, тоже дочь расстрелянного партработника, будущая «бабушка девяносто первого» и пассионария-вдохновительница целой эпохи московского диссидентства.

Во всех «крутых» идеологических государственных поворотах, происходивших в СССР, огромную роль играло советское кино. Несмотря на отдельные формальные достижения, советское кино в целом — зловещее черное искусство, воспитавшее несколько поколений советских идиотов. Выработался целый тип людей, управляемых советским кино. Кино как бы нажимает клапаны некоего эмоционального пульта, и человек или смеется, или сочувствует, или сентиментальствует, или негодует. Фабрика снов Голливуда сыграла свою роль всемирного подавителя сознания. Тоталитаризм сделал из кино, а потом и из телевидения, могучее, чисто оруэлловское оружие, без которого было бы трудно управлять массами. В Бабельсберге скакала Марика Рёкк, а в СССР Любочка Орлова — тоталитарные скакуньи и попрыгуньи над расстрельными рвами концлагерей Польши и Колымы. Те же киноупыри и вурдалаки с Мос- и Ленфильма, которые до этого лизали пятки кинофюрерам государства Ленина-Сталина, стали в начале шестидесятых срочно клепать всякие псевдолиберальные картины вроде «Девяти дней одного года», «Чистого неба» или «Я шагаю по Москве», где все вдруг стали добрыми, хорошими, слезоточивыми гуманистами.

В погибшем СССР киномифы для самых разных сообществ коммунорабов отчасти заменяли религию. Лично для меня советское кино играло совсем другую роль — роль эротического фона. Зимой очень молодому человеку с девушкой было особенно некуда пойти, вот мы и забивались на задние ряды «Метрополя», «Урана», «Форума», «Ударника» и довольно приятно проводили время под миганье одноцветных советских агиток. Всерьез я кино как искусство никогда не принимал. И дергающийся Чаплин, и все марионетки «великого немого», и зловещие советские лубки мне никогда не нравились. Чуть задевали ранние фильмы неореалистов, особенно Висконти, а затем Феллини. Там было неприкрытое убожество жизни и богоборчество. А все, что я видел потом, был скучный буржуазный миф. Вообще, кино — низменное обывательское примитивное искусство для оболванивания человеков. Оно не имеет своего особого языка, обдирает по мере сил живопись, театр, литературу. Роль кино в установлении

любого тоталитаризма огромна — это в целом зловредное и гнусное псевдоискусство. В те годы шла только одна экспрессионистическая скандинавская картина «Чайки умирают в гавани». Она на всех повлияла, так же, как некоторые ленты, сделанные при участии Сальвадора Дали, которые мы смотрели на квартирах.

Киноделяги, все эти Роммы, Швейцеры, Юткевичи и прочие корифеи киножи, тогда усиленно сколачивали новый миф, миф доброго социализма. Этот же миф социализма с человеческим лицом пытались реализовать Дубчек, Шик, Пеликан, Прохаска и другие пражские деятели. Ох, не сразу не все поняли, что социализм не может быть с человеческим лицом. У любого социализма вообще нет лица — ни человеческого, ни античеловеческого. У социализма есть только оскал зверя.

Но тогда мы все неизвестно на что надеялись. Насилия над обществом, над людьми, над родителями, над родственниками, над знакомыми были так велики, что страх сковывал всех, как мороз, души людей окоченели и стали твердыми. Убогость жизни имела неимоверные формы: достать одежду, пищу, ходить на службу, в школу, в институт — все это были какие-то зловещие принудительные ритуалы. Сейчас, на четвертом году «демократической» власти, Россия снова приближается к военным и послевоенным временам. Для того, чтобы жить материально нормально, хотя бы по минимуму, надо обязательно вступить во взаимоотношения с криминальными силами. Без их участия не делается ни одно дело, всюду их «понятия», то есть уголовная мораль. А если тебе это не нравится, подыхай на обочине, как многие и делают, или же привыкай смиренно ходить в потертой одежде, недоедать, молчать, или же готовься идти в остарбайтеры, сколачиваться в бригады и ехать, как белые рабы, работать в Польшу, в Венгрию, в объединенную Германию. Теперешний лозунг «Три Д»: доедаем, донашиваем, доживаем. Так же жили и тогда, в шестидесятые. Одежда была плохая, пища скудная, ели без остатков, доедали все до крошки, но при этом надеялись, старались не замечать, как жирно и богато живут семьи партийных начальников, как они одеваются и питаются. Я в молодости в общем-то случайно попал в компанию детей партийных боссов. Один громила был сыном посла, другой — сыном знаменитого убитого на фронте генерала, любимого Сталиным за храбрость, еще один, постоянно читавший Есенина, — сыном директора военного завода. Мы периодически заваливались в кабаки «Метрополь», «Савой», «Центральный», напивались, избивали граждан, били и нас. Ребята были все неплохие, здоровые, рослые, драчливые, потом все спились. Я пил

всегда нерегулярно, по семейной офицерской традиции был крепок на ноги и в меру своих сил поддерживал замашки своих приятелей-громил. Как понимаю сейчас, мы все были стихийными анархистами, насколько мне известно, никто из компании не сделал карьеры и не попал в номенклатуру. В семьях моих дружков, в их квартирах в особых сталинских элитных домах был зажиточный мещанский уют, вещи, украденные из Германии, в общем-то очень средний уровень, но по сравнению с тем, как все жили, это была роскошь. Деньги на кутежи я зарабатывал, малюя зверьков для детских садов. Тогда можно было троим оболтусам целый день гулять в ресторане за три сотенные бумажки. Потом я отошел от этой компании, попал в диссидентские круги, но иногда я вспоминаю свою буйную юность, как мы били «медные пуговицы» — милиционеров, швейцаров, различных чиновников, разбивали витрины, опрокидывали ларьки и легковые автомашины, как бешено гоняли по Москве на посольском американском «кадиллаке», нарушая все правила движения. Милиционеры боялись останавливать такую машину, знали — гуляет начальство. У моих приятелей был культ преклонения перед всем американским, западным: американский пиджак, джинсы были чем-то удивительным и главное — символом свободы. И в этом тоже был дух шестидесятых годов. Тогда всерьез верили «Голосу Америки», «Свободной Европе», не понимая, кто с кем схватился и из-за чего. Тогда СССР был особым потонувшим континентом, все, что было за его пределами, казалось манящим смутным миражом. Была такая близкая мне диссидентская компания, собирались в квартире Лены Строевой и ее мужа художника Юры Титова. Они потом уехали в Париж. Лена на рассвете повесилась с похмелья в уборной, разочаровавшись в свободном мире. Юра попал в сумасшедший дом под Парижем и там умер. Бывал там сын Есенина с мамой Вольпиной, Мамлеев, Саша Харитонов, Амальрик и еще разные люди. Тогда убили Кеннеди, у Строевых висел его портрет с крепом, все очень убивались — какой хороший человек. Приходивших в гости американцев стыдили: «Как вы допустили его смерть?» Не знали, что братьев Кеннеди убрала мафия, с которой они обошлись круто, не выполнив предвыборных обязательств. Тогда было модно дружить с американцами, в них видели гарантов будущей свободы. Я сам дружил с двумя профессорами-славистами. Один из них, наиболее симпатичный, оказался завзятым гомиком, наверное, поэтому он относился ко мне с особой теплотою — я в молодости был немного смазлив и нравился не только женщинам, на этой почве иногда возникали смешные недоразумения. Мои

старомодные манеры вводили в заблуждение некоторых вполне определенных людей. В опролетаренном СССР вежливость была экзотикой. За всеми этими дружбами стояла довольно-таки дурная, но вполне маниловская идея: руководство Америки будет постоянно влиять на Советский Союз, Советский Союз помягчеет и станет со временем цивилизованной гуманной страной. Эта идея окончилась с расцветом брежневизма, когда стали упорно проявляться ребра и кости уголовного государства. Прижмется к тебе в автобусе или метро дама и уколет тебя ребрами или большим вертелом, так и брежневское государство всех укалывало какими-то уголовными ребрами. Нынешний режим и есть до конца реализованная брежневская уголовщина. Недавно довольно забавная экономическая дамочка Лариса Пияшева хорошо сказала, что Запад хочет от России не только демократии, но и сырья. Вот этот сырьевой интерес Запада к России в шестидесятые годы совершенно не просматривался. Об этом вообще не думали, считая всю черноту КПСС о Западе голой пропагандой. Мысль была только об одном: только бы освободиться от красных. Хотя уже и тогда отдельные доживавшие старики, особенно из бывших белых и царских офицеров, предупреждали: «Нас в двадцатые годы предала Антанта, бросив на съедение большевикам, Запад предаст и вас, если вы всерьез ввяжетесь в борьбу с коммунизмом». То, как Запад бросил истекающий кровью Будапешт в 1956 году, было первым серьезным предупреждением. Ведь можно было послать в Будапешт добровольческий корпус, как это было сделано Муссолини во время гражданской войны в Испании, не вызывая большую войну, и подготовить этим заступничеством восстание в Польше, в восточной зоне Германии. Этого сделано не было. Очень гнусный характер носили «дружбы» США с Хрущевым, Брежневым в период всех этих оттепелей и разрядок. А чего стоили инспекции Никсона на московских рынках и раздача им красненьких советских десяток на опохмелку алкашам. Уже по всем этим своеобразным контактам было видно, что США всерьез интересуется только руководством КПСС, а не судьбой порабощенной большевиками России. Очень много сомнительного происходило уже тогда, ведь «перестройка» и «новое мышление» могли произойти намного раньше и совсем в ином качестве. К сожалению, Западу надо было не реформировать и не нормализовывать Россию, а посильнее и поглубже разорить русский дом, образно говоря, выбросить русских пчел на мороз без запасов меда, чтобы их побольше издохло. О Европе как о самостоятельной силе я не говорю вообще. Европы в прежнем смысле давно уже нет, она не самостоятельна. В лучшем случае

нынешняя Европа — культурно-развлекательная зона, имеющая силы самообороны, условно называемые НАТО. О Европе вспоминают, когда надо куда-то послать войска и наскрести контингент не только из американской морской пехоты или сил быстрого реагирования. Без колоний Франция и Англия не представляют серьезной силы, а новая Германия — тоже инвалид без России и Восточной Европы. Только проникновение Германии на Восток сделает из нее снова великую державу. В Москве мы все в шестидесятые годы оборачивались не на Европу, а скорее на США. Определенную роль играли и довольно-таки эфемерные иллюзии, что где-то во Франции есть остатки русских эмигрантов, они когда-нибудь вернутся в Россию и примут участие в обновлении Родины. К тому же я знал, что во Франции есть мои родственники, отошедшие с Врангелем, что дядя (брат матери), генерал Абрамов, принял после похищения генерала Миллера командование РОВС (Российский общевоинский союз). Вообще Францию в те годы любили. Любили французскую эстраду, шансонье: Эдит Пиаф, Леви-Монтана, Азнавура, Брассанса, старика Шевалье; увлекались дадаизмом, музыкой тридцатых годов и ее теоретиками: Майо, Пуленком, Эриком Сати, ранним Прокофьевым, Кокто; очень любили поэтов-сюрреалистов: Аполлинера, Бретона, раннего Арагона, Поля Элюара. В общем-то все это было левовато и происходило под знаменами экзистенциалистов: Камю, Сартра, Симоны де Бовуар, и даже Герберта Маркузе. Помню ночные посиделки тех лет, танцулечки, сухое винцо, маслины и упорные разговоры о некоем третьем пути. Этот третий путь всех тогда завораживал, несколько поколений московской и ленинградской интеллигенции состарилось в мечтах о третьем пути — и не грубый площадной социализм, и не капитализм. По-видимому, и в Америке среди ранних битников и хиппи были те же настроения. Меня интересуют всякие европейские и американские материалы о стареющих участниках тогдашнего массового молодежного движения шестидесятых, как их всех потом ломала, крушила жизнь. Это всё о моих героях, о моих духовных братьях, мы все связаны тогдашним антисоциальным бунтом. Антисоциальная, антисоциалистическая и антибуржуазная закваска была довольно-таки добротная. Не было за плечами ни программы, ни четкой идеологии, ни крайне левой, ни крайне правой когорты, а был один голый бунт, эпатаж во всем. Был и внешний эпатаж: свитера грубой вязки, строительные бутсы с заклепками, дешевые пожарно-холщовые джинсы, тяжелые кольца-кастеты, антисоциальное поведение, периодический жестокий алкоголизм, скандалы, желание все делать наперекор.

Потом начался массовый выезд евреев, вместе с ними схлынула и многочисленная нееврейская молодежь — фиктивный брак был повседневным фактом. Многие уехали, по-видимому, кое-как прижились. Я же уехал в Россию, в глушь, очень шибко ударился в мистицизм, не разбил лба и духовно выжил, не умер. Очень многие, как всегда в России, опившись, скончались. Движение окончилось где-то в семьдесят каком-то. Началось иное…

К этой статье я мог бы сделать подзаголовок «Мысль постаревшего московского рассерженного битника» — и был бы прав. Мы все были очень и очень рассерженные, молодые и не очень молодые люди. Да, и недавно умерший Джон Осборн был во многом прав, как и права постаревшая Франсуаза Саган, находящая искусственный выход в иные миры, но не в сегодняшнюю реальность. Да, мы все — духовно и социально разгромленное поколение. Наши идеи шестидесятых — под гусеницами советских танков в Праге, под дубинками парижских ажанов, под могильной плитой брежневского полицейского государства и под давящим имперским прагматизмом Линдона Джонсона, Бжезинского, Киссинджера. Из нашего поколения и из нашего движения не вышло ни одного политического лидера. Если мы и занимались какой-либо политикой, то только из мазохизма и духовной извращенности, желая довести клиента до окончательного омаразмления и коллапса. Да, такие странные и страшные политики среди нас были. Дело в том, что мы все выступали не только против социализма, капитализма, но и против всех мировых порядков, допустивших и взрастивших тоталитарные режимы, жертвами которых были и наши родители, и мы все сами. Ведь неизвестно, как бы сложилась жизнь любого из нас, не будь тоталитаризма в Германии и России. Многие из нас имели желание подвизаться на государственном и политическом поприще, но для этого обязательно надо было вступить в КПСС, лизать пятки кремлевских скотов, а это было стыдно. Все, что угодно, но только не унижаться, не допускать покушения общества на нашу свободу, пускай свободу абсолютного одиночества, но подлинную свободу. Конечно, экзистенциальное существование во многих реальностях и глубокий откат от единой синтетической волевой («наполеоновской») личности — это не так просто, за это приходилось платить, и часто даже очень дорого, но таковы условия игры. Жить вне общества и одновременно в его чреве не так просто, и даже очень непросто. Ведь кругом вполне обыденные, часто довольно-таки гнусные личности, живущие, как животные в стойле, и у них, как у свиньи, одна генеральная идея

— отъесть человеку руку, а если можно, то и голову.

Я это пишу весной девяносто пятого, в следующем году произойдут такие события, которые повлияют на всех нас, но уже сейчас ясно, что многие наши, очень тогда, в шестидесятые годы, робкие надежды на иной ход событий в мире имели под собой основания. Я не толкователь Апокалипсиса, не предсказатель, я частично, в меру того, что мне дозволено, общаюсь с иными мирами, и мой слабый голос отчасти проводник неизвестной мне воли, и даже не самой воли, а ее затухающих на излете волн. Достаточно почитать материалы последнего международного экологического конгресса в Берлине, в которых прямо говорится, что если не прекратится выброс в атмосферу ядовитых веществ, то через двадцать лет в результате потепления климата начнется таяние льдов в Антарктиде, в Альпах, в Андах и в Гималаях, мировой океан поднимется на метр, затопит многие прибрежные города и страны, а потоки с гор смоют целые густонаселенные районы, и тогда всем наконец станет ясно, что вторая половина двадцатого века с разделенным холодной войною миром была опасным и тлетворным заблуждением, ведущим цивилизацию к гибели. Тут никакого толкования Апокалипсиса не надо, чтобы разобраться, что к чему. И весь наш тогдашний неудачный, но интуитивно правильный бунт имел под собою почву — мы не верили ни нашим отцам, ни наставникам, ни советскому государству, ни Европе. Ошибались мы только в одном: по незнанию материала мы немного верили в США как в некий абстрактный символ свободы и разумных начал организации жизни. Да ведь и в самой Америке очень многое изменилось с 1945 года, когда она вдруг стала мировым лидером. Зачем США надо было модернизировать Японию? Это же абсурд, Японию надо было погружать в средневековье, а не посылать туда людей типа экономиста Леонтьева. И точно так же совершенно зря США теперь вооружают и модернизируют экономику арабов. Это еще одна роковая ошибка США. Да, только сейчас мы осознали, какие возможности были упущены в шестидесятые. Ведь во всей Восточной Европе делались попытки идти своим путем, делались такие попытки и в СССР — нужна была народная дипломатия открытых дверей, открытых границ, а не арбатовско-киссинджеровский элитарный, глубоко порочный по своей сути мост на дороге, ведущей в экологическую пропасть. Соперничество-сотрудничество двух блоков создавало сложную неуправляемую систему все нарастающей и ускоряющейся индустриализации третьего мира, систему, которую контролировать вообще невозможно. Ставки были сделаны с обеих сторон совсем не на тех лошадей. Проиграл и мир, и

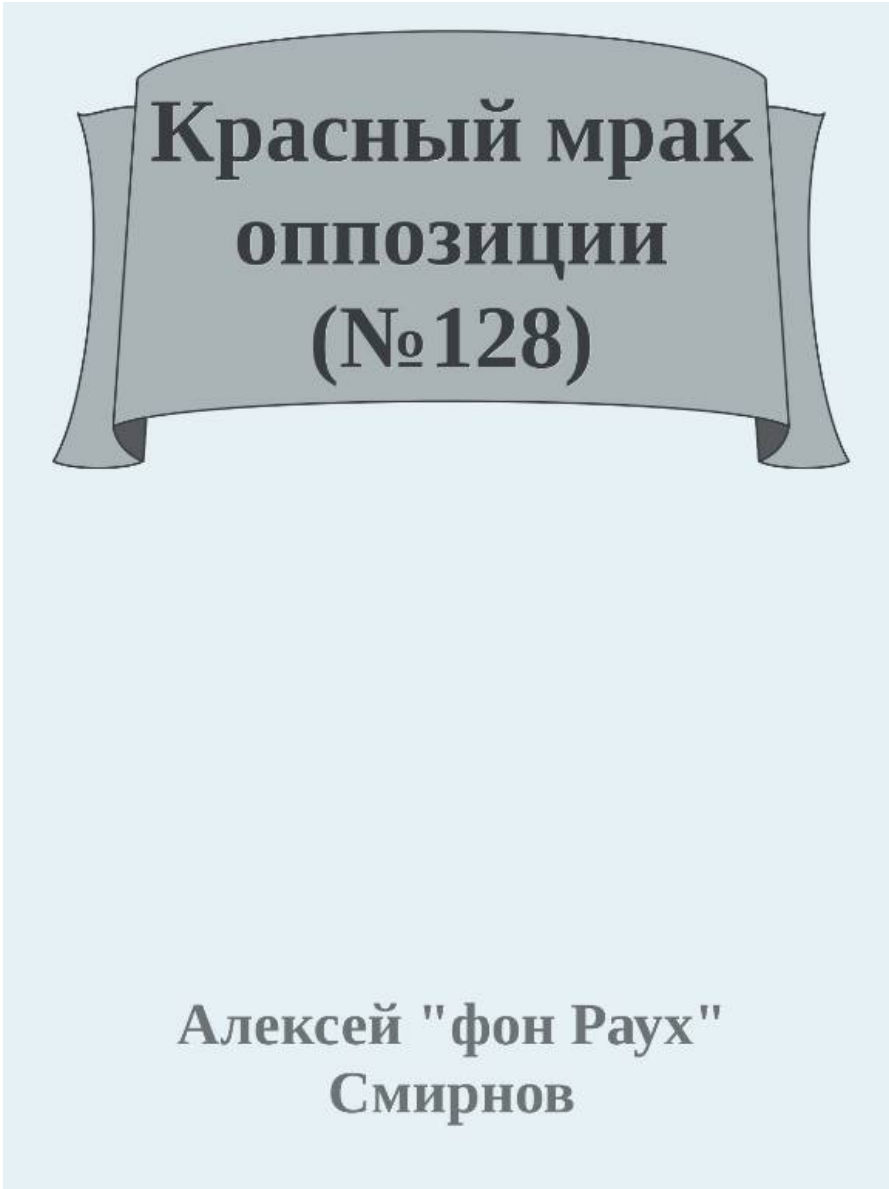
культура, и все мы, в разной степени участники тогдашнего процесса. Ведь московские инакомыслящие начали через головы политиков налаживать свои связи со своими соратниками и единомышленниками и в Европе, и в США, была попытка создания культурного моста собственными силами, но такое развитие событий было неудобно целому ряду американских политиков, и они поддержали то крыло диссидентства, что имело прямые контакты с Мюнхеном. Ведь сейчас тот же Буковский, с которым я распивал чаи у поэта Юрия Стефанова в шестидесятые годы, не у дел, современная «демократическая» пресса в России изображает его как политического чудака, да и сахаровские идеи конвергенции, самосохранения народа при социализме с рынком в забросе у его теперь очень вельможной вдовы, запросто в своей несколько истеричной манере выступающей в Конгрессе США на различных одиозных слушаниях. Ведь в сердцевине, в оболочке социализма были мы, инакомыслящие люди, сохранившие русскую духовность и жившие по законам самосохранения духа, именно к ним апеллировал Сахаров, потомственный русский просветитель, чья семья всю жизнь исповедовала бескорыстные и жертвенные народнические идеалы служения темному русскому мужику, которому в общем-то совсем не надо было никаких жертв, он принимал только одни жертвы — человеческие, насыщая свою пугачевскую кровожадность. Сейчас мы все совсем другие люди, вернее, те, кто из нас выжил, не съел себя сам, не отравил себя водкой, не был до смерти заласкан любвеобильными московскими бабами, не отчаялся и не наложил на себя руки. Да и здоровьишко у многих было слабое, и когда на них все кругом плевали и плевали, то многие просто умерли от отчаяния и от одиночества. Мы сейчас очень и очень даже зрелые и прекрасно понимаем, что некий левоватый душок, который шел от идеалов шестидесятничества, был с гнильцой, — мы были просто немного зачарованы экзистенциализмом — последней духовной судорогой умирающего европейского гуманизма. Сейчас у подлинных шестидесятников наступило предстарческое отрезвление, нам всем стало понятно, что потерпел крах и европейский, и русский радикализм, и были оскоплены и расторгованы гуманистические идеалы старой Европы, и баранья шкура демократии напялена на волчий скелет диктатуры безжалостных и к природе, и к человеку трансмонополий, и нежная улыбка доброго пастыря прав человека сверкает волчьим оскалом строго регламентированного нового всемирного закамуфлированного тоталитаризма. Теперь нам все это вполне понятно, и произошел резкий сдвиг уцелевших шестидесятников на позиции консервативной революции и полной ревизии не только кончающегося двадцатого

века, но и двух третей девятнадцатого. Под шестидесятниками я имею в виду русскую глубоко подпольную оппозиционную культуру, а не тех деятелей со Старой площади, из ЦК комсомола, из редакции «Нового мира», которых тоже почему-то зовут шестидесятниками. Я помню, в преддверии очередного Октября или Первомая ко мне в квартиру являлась бригада — офицер КГБ, участковый и двое дружинников, выяснявших, дома ли я, и советовавших уехать на праздничные дни за город, а то меня придется принудительно интернировать Когда моя жена спросила, для чего это надо, то они ей ответили: «А вдруг ваш муж пойдет на демонстрацию и выстрелит в членов Политбюро». В этом был идиотизм, и я чуть не рассмеялся, сидя в стенном шкафу. У всех моих друзей в стенных шкафах стояли табуретки, куда они прятались при таких заходах. Мой приятель поэт Евгений Головин, потомок славного рода, просидел так в стенном шкафу не один десяток лет, так как он где-то потерял паспорт и боялся пойти за новым в милицию. Его искали, чтобы схватить и посадить, как Володю Буковского, в психушку. Я думаю, что ни Евтушенко, ни Вознесенского так перед советскими праздниками не ловили, и они в чуланах не отсиживались, их власти не боялись, они в членов Политбюро стрелять бы не стали. Мы бы тоже стрелять не стали, так как хорошо понимали, что на месте одной отсеченной головы тут же вырастет новая, номенклатура — самовосполняющаяся множественная материя вроде членистоногих с очень большим брюшком, набитым нефте- и алмазодолларами, проткнешь — потечет гной демократии с непереваренной капустой и зеленью. Любимый сейчас у псевдопатриотов в Эрэфии мотив и занятие — пинать в печати ногами шестидесятников за то, что они развалили Советский Союз и довели страну до ручки. Это пинки не по адресу. У тех, кто пинает, даже Горбачев ходит в шестидесятниках только оттого, что он спал в университетском общежитии в одной комнате с Млынаржом, будущим участником «пражской весны», и иронизировал над Кратким курсом, как и все тогдашние студенты. Но тем не менее Горбачев поступил в университет уже орденоносцем, потом пошел работать в горком комсомола и выше. Давайте все-таки, употребляя малороссийские обороты генсека, «определимся», чтобы правильно «на́чать» и «кончить» этот вопрос о шестидесятничестве. Шестидесятничество — это подпольное московское и отчасти ленинградское независимое антисоциальное (в том числе и антисоветское) движение, пытавшееся создать свою особую контркультуру, движение оппозиционное, но прямо не связанное с политическим советским диссидентством, движение, в первую очередь, эстетически-

духовное, исповедующее общие духовные и этические ценности. По своей сути это движение было параллельно ранним битникам, хиппи, английским рассерженным, французскому сартровско-маркузеанскому студенчеству, по времени бывшим несколько позднее. Период существования таких настроений, такого образа жизни, эстетически-духовной и религиозной общности относится по времени где-то к 1956-1976 годам. Потом началось движение на выезд или в глубь. На выезд — это на Запад, а в глубь — это в себя, в Россию, и все пошли разными путями. Основная особенность этого и только этого шестидесятничества — что в нем участвовал куст поколений людей, рожденных где-то между 1935 и 1945 годами, но не позже. Почему именно эти поколения были активом шестидесятничества? Потому что они вобрали в себя опыт трех поколений: их воспитывали старики, созревшие до октября 1917-го, они общались со своими родителями и их современниками, тоже рожденными до 1917-го и пережившими весь ужас большевизма, и с целым сонмом поколений, рожденных после Октября. Шестидесятники сознательно пережили весь довольно длинный двадцатый век. К примеру, тот же Лев Толстой общался с людьми, пережившими 1812 год, родившимися в XVIII веке, сам пережил Крымскую войну и дожил почти что до эпохи революции. Для него психологически Наполеон, Александр I и два последующих и Николай II, к которому он взывал, — все современники. А если взять нас, последних пигмеев и термитов старой России, исподволь раструхлявивших большевистскую тюрьму, то мы знали людей, которые жили и при Александре III, в доме моих родителей бывали старики-офицеры, разговаривавшие с Николаем II, даже я уже разумным человеком разговаривал во Владимире со стариком Шульгиным, принимавшим отречение Государя, в детстве я бывал у очаровательной старушки тети Кати Тур, дружившей с сестрой Льва Толстого графиней Марьей Николаевной. При ней Толстой, еще московский барин, а не опрощенец, стесняясь дамы, курил папиросы и просил ее об этом никому не говорить. Это все к слову, но у нашего поколения была связь времен и ощущение, что большевизм — это временное помрачение разума и кошмар, который окончится еще при нашей жизни. Именно эта связь времен и давала силы жить по-иному, не приспосабливаться, не подлезать под красный хомут. И вот теперь, с нашей точки зрения, соединения прерванного в 1917 году исторического существования России с чем-то серьезным и надежным не произошло. После десятилетнего периода новаций, начатых Горбачевым и видоизмененных к худшему в 1991 году Ельциным, историческая цепь по-прежнему оборвана. Вина в этом черном провале, который всеми ощущается, лежит на всех

целиком народах бывшей Российской империи, и на нас, шестидесятниках, но мы не могли поступиться своими принципами и идти в большевистскую политику, чтобы ее трансформировать. Это ведь отдельная огромная тема — проникновение в мозг большевистской империи и его постоянное контролирование. Для таких процессов надо все время находиться у пульта управления. Некоторые из нас шли во власть, полные самых радужных планов, и партийная машина их перемалывала: раньше они говорили о коммунистах «они», а потом начинали говорить «мы», и мы с ними порывали как с ренегатами. А то, что часть партийных деятелей надела теперь на себя наши гробовые саваны шестидесятничества, то это обычная политическая спекуляция, это маскарад, собачий бал ряженых. По-видимому, в недрах партаппарата (ведь все они были до мозга костей ханжи и мещане) давно зрела идея как-то относительно чисто внешне нормализовать жизнь или во всяком случае выглядеть в глазах Запада поприличнее: открыто не расстреливать, не гноить в тюрьмах, сделать видимость законности. Эти псевдореформаторские идеи были рассчитаны на дурачков, для себя лично номенклатура и тогда, и сейчас не признавала и не признает никаких законов. Именно эти косметические очистительные идеи легли в основу гласности, перестройки, всех этих горбачевских пустословных кампаний, которые в конце концов так всем надоели, что смогла прийти к власти ельцинская когорта перекрашенных чиновников, чьи крашеные шкуры под кислым дождем времени потекли разными цветами, — теперь в лиловатых лужах под ними очень причудливая политическая палитра. Но это уже о другом. В настоящих и будущих политических и духовных схватках бывшие шестидесятники будут выступать совсем в других доспехах и совсем под другими знаменами. Я же пишу эти строки о теперь уже давно ушедшем, но по-прежнему волнующем. Тогда ведь казалось, что переливчатый хвост загадочной птицы третьего пути рядом, и некоторые даже держали в руках красивые пестрые перья, которые теперь пыльными стоят среди засохших цветов в вазочке на камине и напоминают о давно ушедшей молодости, когда все мы так бурлили и надеялись.

«Зеркало» (Москва)



КРАСНЫЙ МРАК ОППОЗИЦИИ
Алексей Смирнов

Во всякой стране, хоть частично имеющей некоторые элементы публичности, гласности, легитимности власти, вопрос существования внушающей доверие оппозиции — вопрос огромной важности. При сменах кабинетов, перевыборах президентов страна остается прежней, а в России всё наоборот. Смены главы страны часто приводит к совершенно еще вчера

немыслимому социальному эксперименту, который затрагивает жизнь абсолютно всех граждан.

Да, Ельцин не оправдал надежд всех, кто за него первоначально ратовал и голосовал, «не выдержал бремя власти», по определению госпожи Боннэр. А ведь не очень давно и я ходил на миллионные митинги, когда сокрушали режим коммунистов, и с некоторой робкой надеждой вслушивался в слова Юрия Афанасьева, Гавриила Попова и «Робеспьера» Гдляна. Сам Ельцин, «понимаешь», на митингах говорил мало. Всем нравилось, что он ездил на старой машине, одевался из обычных магазинов и обещал покончить с партпривилегиями. Но с тех пор очень многое изменилось — номенклатура проделала и со страной, и со всеми нами удивительные вещи -фантастический кульбит от сахаровской конвергенции к чубайсовской колонизации. За академиком Сахаровым шли, как за подлинным реформатором, который не собирался выплескивать с красными помоями определенных достижений самосохранения общества, которые оно выработало за годы красного террора. Его вдова, госпожа Боннэр, полностью вычеркнула из своей политической программы всё, что связано с конвергенцией, с опорой на собственные внутренние силы русского народа. Фактически она предала гуманистические идеалы своего мужа, став совершенно самостоятельной, очень агрессивной политической фигурой, целиком плывущей в фарватере номенклатурной буржуазии. Не одна она проделала подобные метаморфозы, многие бывшие диссиденты ныне превратились из гонимых в гонителей — по мере своих сил «жмут сало» из тех простых людей, по спинам которых они добрались до вершины власти. Часть вождей тех весенних лет освобождения замолкла, как Юрий Афанасьев, часть видоизменилась до неузнаваемости. Новый режим откровенно пугающ. Его непрочность очевидна. Число сторонников его тает с каждым днем. Из демократов не выделилось четкой фаланги оппозиции ельцинской власти. Демократы по-прежнему не знают, с кем они, за кого. У них нет ни программы, ни широкой популярности, ни живых контактов с массами. Бывшие диссиденты, не ставшие чиновниками, сейчас тоже в растерянности и качаются, как на качелях, между «патриотами» и существующей властью. Выявился голый скелет власти и идет борьба не концепций, а гремящих костями политических трупов властных структур за обладание пультом управления страной. Вопрос стоит так: «Кто будет сегодня и завтра у кнопок распределения бюджета, дотаций, лицензий на ввоз и вывоз сырья?» Особенно ужасен неприкрыто наглый дележ госсобственности.

Социальная структура погибшего СССР была более сложной, чем сейчас: тогда были рабочие, служащие, трудовая интеллигенция, объединенные общими интересами, условно называемые «рядовые трудящиеся»; были колхозники, то есть сельскохозяйственные рабочие со своей имущественной верхушкой, была масса кустарей-подпольщиков, как-то обманывавших государство и скупавших краденое сырье. А наверху была номенклатурная элита с выпестованными ею буржуа-теневиками, и была верхушечная техническая интеллигенция, самостоятельно создававшая свои особые формы малых предприятий. Ныне раздавленное советское общество тогда успешно и бурно расслаивалось. Появился многомиллионный класс кустарей, будущих фермеров из агрономов, бригадиров, механизаторов, и интеллигенция, создавшая множество доходных точек. Такой ход событий постепенно поколебал бы позиции номенклатуры, ничего не производящей, только берущей у теневиков, которые могли жить исключительно в условиях искусственного, созданного номенклатурой дефицита. Режим гласности Горбачева успешно работал на создание специфически советского среднего класса, уже накопившего свой первоначальный капитал. Этот экономический опыт простых людей тех лет, так же, как начало НЭПа, заслуживает самого серьезного изучения и анализа. Август 1991-го остановил эти процессы. Давайте назовем вещи своими именами, все мы кончали советские институты и довольно внимательно читали и буржуазных экономистов, и социалистических, и «классиков»; и нас всех достаточно, часто против нашей воли, подковывали по социальному анализу окружающего. Ну так вот, август 1991-го на поверку был антибуржуазным номенклатурным путчем в демократической упаковке. Номенклатура тогда всерьез испугалась, что страна в условиях нарождающегося рынка уплывет из ее рук, и решила действовать. Почти четыре года — достаточный срок, чтобы развеялись иллюзии. Мы все купились, думали, что будет свободней, чем в СССР, свободней, чем при Горбачеве, наконец вздохнем, заживем нормально. ан нет, номенклатура, совершив свой августовский антибуржуазный переворот, решила всё по-другому. Правительство Бурбулиса, Гайдара, Авена, Нечаева, Чубайса, Шохина, Панфиловой и примкнувшего к ним Полторанина последовательно разрушило возрождающийся средний класс. Теперь-то они все, умело сделав свое дело, ушли в тень и сидят по углам, злобно оберегая позиции своего класса номенклатуры, ставшего многомиллионной буржуазией. Гайдар лишил население денег, введя «свободные цены» и не

индексировав частные вклады в сбербанки. Чубайс провел номенклатурную липовую приватизацию, Нечаев и Авен разрушили государственную экономику. Все вместе они за мизер распродали величайшие запасы сырья, накопленного в СССР, и чудовищными налогами раздавили частника-производителя, тем самым превратив нарождающийся средний класс в люмпенов и лакеев режима. Социальная структура РФ стала упрощенной: монополистическая буржуазия из большевиков, чудовищно разросшийся класс номенклатурного чиновничества, вооруженные банды охранников и связанные с ними мелкие и крупные перекупщики. Остальные 95% населения превращены в нищих, обнищанию которых не видно конца, их надо довести до такого состояния, чтобы они работали за тарелку похлебки. Среднего класса нет как нет. Август 1991 г. был переворотом агрессивной и жадной номенклатуры, переворотом, поддержанным Западом, преследовавшим в этом деле свои эгоистические далеко идущие цели. В результате западные границы России, как в XVII веке, находятся за Смоленском и Брянском, а Ревель и Либава стали для России чужими портами. Независимые западные экономисты, ъ прошлом выходцы из СССР, Бирман и Бернштам точно так же оценивают экономическую ситуацию в РФ. Как называть нашу территорию, и сам не знаю. И не СССР, и не Россия, и не часть СНГ. Бернштам однозначно считает произошедшее в РФ регрессом и откровенным наступлением государства на частника. Никаким рынком сейчас и не пахнет. Более 90% вращающихся в экономике капиталов государственные, тогда как в брежневском и горбачевском СССР почти половина вертевшихся денег были народными, негласно взятыми государством из сбербанков. Теперь народных денег вообще нет, а их оставшиеся крохи съедаются различными аферными акционерными обществами. Все капиталы, нажитые *в* РФ на продаже сырья и нефти, за границей. Какова же наша эрэфовская оппозиция этому режиму, этим порядкам? Скажем откровенно, оппозиция у нас откровенно юродская. Мне это, может быть, горько и больно писать, но у нас в оппозиции откровенный политический балаган и лидеры нашей оппозиции напоминают городских сумасшедших, выпущенных на площади. Нынешняя дума, избранная в условиях всяческого стеснения, политически еще более беспомощна, чем разогнанный и расстрелянный Верховный Совет, который в пылу полемики так и не вынес ни одной четкой политической формулировки будущего страны и был окружен и подавлен, не найдя выхода к народу. Как-то Явлинский сказал, что, по его мнению, Ельцин сам не знает, какую роль в какой пьесе он играет. Я не согласен с

Явлинским. Ельцин-то, в отличие от других, знает, кого и почему он играет, умело защищая позиции постсоветской номенклатуры. И его советники и соратники, из которых только Шумейко и Чубайс остались на плаву, а остальные сидят пока что в тине и только булькают через резиновые трубки послушной им прессы: «Всё хорошо, всеё хорошо. Всё идет по нашему плану», тоже всё хорошо знают и всё отлично понимают. Ничего не понимает только оппозиция, как не понимал, в какой стране жил и действовал, Горбачев и многие выпавшие из советского гнезда его идеологические птенцы — его «товарищи, сыны». Сколько по электричкам будут ходить дети горбачевской перестройки и петь песню «Бродяга Байкал переходит». Из всей этой когорты только Большой Яковлев как-то понимающе косит бусинками глаз на своем лице старого-престарого младенца, которого до дури забаюкали чужие дяди. Я долго ходил смотреть и слушать хасбулатов-ский «Белый дом» — это дурное советское сооружение было тогда битком набито политическими маразматиками, с которыми очень плохо обошлись. Наверное, в дурдоме тоже очень много различных партий, и они борются между собою за власть и за влияние на главврача. Известно, что некоторых главврачей психи иногда убивают. В «Белом доме» окружили толпу маразматиков, окружили еще большие маразматики, и на это глазели тоже маразматики, и этим маразматикам было доверено тяжелое и стрелковое оружие, которым они пользовались по приказу явно больных людей. Недавно, в черную годовщину расстрела парламента, по телевизору показывали командиров танков, стрелявших на поражение в октябре. Страшное зрелище. Тупые лица с оловянными глазами, худенькие, глупенькие, будут стрелять по кому прикажут. Какие-то желторотые испитые офицерики с куриными шейками и кадычками. Им неудобно, что их показывают и спрашивают. «Да, целились, сначала неправильно, пониже герба, а надо было выше». Стесняются, мямлят. Таких, как они — миллионы. Мне чужд взгляд «свои-чужие». Для меня крайне оскорбительны слова госпожи Боннэр о Хасбулатове еще в дни противостояния на митинге на Васильевском спуске Красной площади: «С кем Вы, Борис Николаевич?..», а дальше нецензурщина в адрес Хасбулатова. Главу парламента, каков бы он ни был, в любой стране оскорблять нельзя. Это большевистская методология. За это в судебном порядке штрафуют, и такой накал злобной брани мало понятен. Мне как потомку крупных белогвардейцев и офицеров-дворян всё это вместе взятое глубоко чуждо, и все эти политики — чужие, а за державу всё равно обидно, и не только обидно, но и страшно. Безумные уже очень много наворотили в семнадцатом, и

если ими не управлять, еще очень много наворотят. А управлять ими, по-моему, в России сейчас некому. Государственных умов нет и нет той духовной среды, где могут появиться государственные умы. Это моя сугубо личная дворянская точка зрения. И вот с этой точки зрения мне было очень страшно смотреть на лица Хасбулатова, Руцкого, Константинова, Баркашова, искренне заблуждавшихся в своей дурной идее и в своей роли спасителей России. Их команды: «Сегодняшней ночью взять Кремль! Взять Останкино!» — показывают, что они свято не понимали ни ситуации в Москве, ни положения страны, ни своих сил. Их не поддержали ни голодные пенсионеры, ни разоренные Ельциным и Гайдаром кустари-ремесленники, ни хозяева малых предприятий, ни самая разная интеллигенция, ни бесквартирная советская армия. Виной всему были господа Зюгановы, Бабурины, Исаковы и прочие адвокаты другой ветви номенклатуры, сохранившей и кое-какие деньги и кадры КПСС и явно и тайно стремящейся к реваншу. Лидер «Трудовой Москвы» Виктор Анпилов — вообще чистый политический юрод и балаганщик, это буйнопо-мешанный псих, и его крики о восстановлении СССР просто чудовищны. СССР больше нет и никогда не будет. Никогда московские люмпены не будут жирно есть и хорошо пить за счет ограбленных крестьян и интеллигенции, из которых коммунисты высасывали кровь ради того, чтобы подкармливать своих штатных халявщиков — гегемонов, от имени которых они правили. Плотная взаимосвязь развратителей и развращенных. Большевистский режим очень сильно развратил русский народ, приучил его красть, обманывать, зариться на чужое, завидовать. Более половины современных русских рабочих отвыкли работать, морально одичали, спились, стали социально опасным сбродом. Когда дворяне, «кулаки», казаки, купцы и лавочники лежат и гниют в расстрельных ямах, а их жены и дети умерли с голода на высылке, то на эту тему вроде бы и говорить изнутри России некому. Но не всех перебили, не все всё забыли, и незачем вечно кивать на жидомасонский заговор, когда на каждом заводе, в каждом рабочем поселке полно икающих с похмелья собственных славянских по-сконно-луковых «жидомасонов», которые за бутылку водки кого хочешь обокрадут и кого хочешь зарежут. Я что-то не видел в Сибири и на русском Севере толп озверелых евреев с ножами, ищущих, кого бы разорвать за стакан водки. Это худшее порождение большевизма. Растленный и одичавший народ. И такого народа в больших городах чуть больше половины. Это всё балласт России, а не ее потенциал. А у нашей краснозвездной оппозиции эти толпы «праздноикающих» — основной политический капитал и опора. Чего стоят рассуждения

полуимпортного Эдички Лимонова, в котором его друг бард Бачурин всегда видел прежде всего официанта, о союзе красно-коричневых. А его статьи и клубничные книги, а многочисленные публикации целого штата авторов в «Дне», в «Завтра», в «Русском порядке»! Все эти люди открыто ностальгируют о погибшем СССР, о диктатуре КПСС, о Сталине, называя его почти что евразийцем. Тяжелый бред и шизофрения, и ничего больше! Александр Проханов даже напечатал групповой портрет Сталина с его генералитетом с подписью, что это и есть основной редакционный актив «Дня». До тех пор, пока «непримиримая оппозиция» будет шагать под красными флагами, носить портреты Сталина и Ленина, за ней морально здоровая часть русского народа не пойдет.

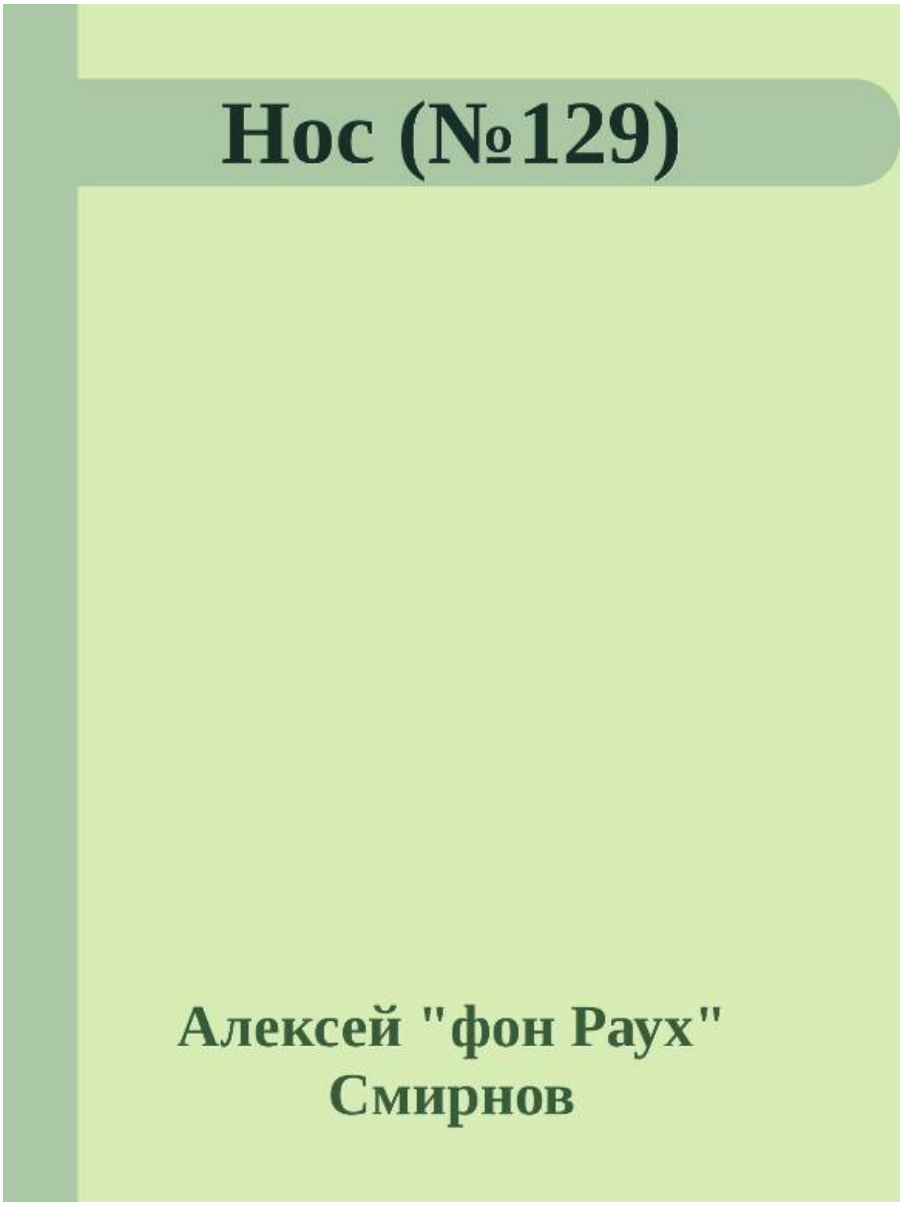
Еще более странна идея в чем-то оправдать немецкий национал-социализм, бывший злейшим врагом славянских народов. Национал-социализм был создан в Германии, чтобы скомпрометировать весь комплекс правых идей и вторично ввергнуть Европу в кровавый хаос, что он успешно и сделал. Насквозь мещанское и ублюдочное движение немецкого национал-социализма было духовно бескрылым и с самого начала интеллектуально кастрированным, как и сам его облегченный вождь. Попытки реанимации идей национал-социализма в современной РФ преследуют такие же провокационные цели дискредитации подлинно правых традиционалистских идей. Номенклатуре очень удобно, чтобы во главе оппозиции маршировали крепкие ребята Баркашова с чуть видоизмененной свастикой, «соборяне» генерала КГБ Стерлигова, чудовищные маргиналы с баянами Анпилова и лысый рыжий, почти что живой Ленин с броневика, Геннадий Зюганов. Этот «вождь» — и патриот, и монархист, и коммунист одновременно, это патока, битое стекло и деготь в одном стакане. А о Жириновском и говорить нечего. На его лицо смотреть вообще страшно. Это маска компрачикоса. Я один раз в солнечный осенний день был на Васильевском спуске еще во времена Верховного Совета, когда конная милиция разделяла сторонников демократов и патриотов, и рядом со мною на парапете моста весь рыженький, в своем карту-зике Жириновский рассказывал на потеху публике, ловко подражая голосам и движениям животных, как грузины ездили на арбе, а казахи на верблюдах, когда его дядя им помогал стать людьми. И я не удержался и спросил его, благо стоял рядом, а будут ли в случае победы его партии что-либо, хоть чуть-чуть, возвращать потомкам бывших владельцев. И Жириновский быстренько так мне ответил: «Потомков не осталось, дедушек всех расстреляли, и я вообще об этом не думал». Ну что же,

любимец русских, смелый «сын юриста и мамы русской», по его же собственному определению, был в данном случае на высоте. Во всяком случае, он забавнее Жванецкого и неизвестно, что он вообще завтра выкинет, — программа у него очень вольная и рассчитанная на вкусы невзыскательной публики. Учитывая общее обнищание масс, разрушение экономики, массовую безработицу, пребывание в РФ миллионов русских беженцев из стран СНГ, у нас в России всё возможно. Может прийти к власти и наша краснозвездная оппозиция, дружно поющая «От Москвы до британских морей Красная Армия всех сильней», а может и Ельцин с его очередным окружением восстановить романовскую монархию и стать регентом — хранителем престола. Всё вполне возможно. Но несомненно одно — и «красно-коричневая» оппозиция, и мишурная монархия очень далеки и от настоящего рынка, и от демократии, и от чаяний самых широких масс, у которых на уме совсем-совсем другие идеи. Быть может, будут предприняты попытки тоталитарными методами остановить поток геополитического и экономического развала, как это было сделано большевиками в 1917 году (недаром Деникин и Милюков вспла-кивали в Париже), но это навряд ли сейчас удастся. Маховик определенного, скорее всего, маразматического движения уже раскручен и остановить погружение во тьму сейчас без массового террора и колоссальных репрессий невозможно. Большевизм сохранил целостность России, убив ее душу и закопав цвет нации. Вторичное погружение в долгое небытие, а большевизм и был именно таким небытием, представляется маловероятным — скорее всего, где-то прорвет и начнется долгий период хаоса. И не дай Бог и России и нам всем пережить третью русскую революцию, революцию озлобленных люмпенов, советских маргиналов и просто разоренного голодного населения против олигархии номенклатурных монополий, по определению Юрия Афанасьева, человека, не изменившего своим демократическим взглядам. Эта революция произойдет, если те, кто потенциально может стать средним классом, до конца разуверятся в возможности реализовать свой потенциал и окончательно зайдут в духовный, энергетический и, следовательно, политический тупик. Я видел таких людей и говорил с ними, они, как и я, приходили в октябрьские дни к «Белому дому», вздыхали так же, как и я, и говорили друг другу одно и то же: «Не то, не то. Надоевшие красные тряпки, за них ни умирать, ни воевать неохота». И молча уходили, молчаливые, многократно обманутые, порядочные и очень грустные. В прошлое возврата нет… А будущего ельцинский режим среднему классу не обещает и, похоже, народного капитализма, о котором

вздыхает Гавриил Попов, у нас еще очень долго не будет. И будет ли он вообще, если его надо добывать в одной компании с Зюгановым, Стерлиговым, Жириновским и, похоже, с оружием в руках в ходе третьей по счету антиноменклатурной революции? Ведь такая революция разразится в стране с массой запущенных усиленно саморазрушающихся ядерных и химических производств, которые неизвестно почему до сих пор еще не самовзорвались от нечеловеческого износа и небрежения, в котором они сейчас все находятся. Я не уверен, что наша страна может вообще вынести такую антиноменклатурную революции, к которой ее усиленно подталкивает нынешняя власть. И чем крепче эти гайки будут завинчиваться, провозглашая диктатуру или монархию, создавая бандитские армии и ополчения перекупщиков, которые всегда можно использовать как боевиков, создавая платную послушную режиму армию, «чего изволите», тем страшнее и разрушительней будет социальный взрыв обездоленного народа. Средний класс, а точнее люди, настроенные на средний класс, сейчас в недоумении и на перепутье, как им быть, к кому примкнуть, где их партии и лидеры. Ведь в Германии в 1933 году тоже не все были фашисты. Масса людей примкнула к Гитлеру от безысходности, а потом замаралась в крови невинных. А тут богатый выбор: «Наш Виктор» (Анпилов), герой-полковник Алкснис, писатель Проханов с его апологетикой насилия, говорливый Жириновский, «вождь» Зюганов, Нина Андреева и ни одной умеренной консервативной фигуры. Иногда даже кажется, что номенклатурной олигархии такая краснозвездносерпастая красноармейская оппозиция очень-очень выгодна: «Если не мы, то они…» А России, как воздух, нужно совсем другое: союз крестьян-землевладельцев, союз домовладельцев, союз кустарей, союз мелких предпринимателей, союзы творческой и технической интеллигенции, союзы инженеров и рабочих государственных предприятий без всяких останков большевистских профсоюзов. И именно в таком сообществе найдется место союзу русских дворян и русского купечества, желающего вернуть хотя бы часть наследственных владений. Подачек русскому дворянству от номенклатурной олигархии не надо, это пачканье рук: «Верните законно определенный процент конфискованного как представителям классов, активно боровшихся с большевистской диктатурой». Большевистский геноцид русской элиты не менее ужасен, чем геноцид нацистов к европейским евреям. Германия по сей день выплачивает семьям пострадавших определенные суммы. Тогда и наша эмиграция сможет наконец тронуться в Россию и реально поможет Родине своим иным, внесоветским опытом. А если

посмотреть глубже, то начавшийся сейчас массовый исход русского еврейства, а это ведь трагедия, связан с этими же процессами. Масса еврейской интеллигенции и еврейских кустарей и умельцев, зная, что из них обязательно сделают козлов отпущения, не хочет отвечать за участие численно очень незначительной еврейской прослойки, оказавшейся в рядах номенклатурной олигархии на очень видных местах. Я знаю еврейские семьи очень приличных людей, которые прямо говорят «Что они делают? Мы за них отвечать не хотим». Все ведь прекрасно понимают, что такая оппозиция, прорвавшись к власти, восстановит государственный антисемитизм в еще более диких, чем это было в СССР, формах. А если начнется анархия, то судьба русских евреев вообще непредсказуема. В XIX веке евреи сыграли огромную роль в промышленном развитии России, и их массовый исход обеднит и их самих, и страну, частью которой они уже давно стали. В числе других союзов был бы очень нужен и союз еврейских промышленников-производителей. Такие союзы должны были бы реально бороться за свои права, за щадящие налоги, за малопроцентные ссуды, за участие в распределении земли. Это была бы цивилизованная законная борьба за свои права. А то всё происходит только на уровне сотрясения воздуха чиновным пустобрешеством, а Васька (номенклатура) слушает и ест заводы, земли, прииски, недра. Людям умеренным, консервативным, анти-коммунистичным, людям — хозяевам земли, потенциальным собственникам не к кому примкнуть, не на кого опереться. В России фактически нет небольшевистской консервативной оппозиции. Финансируются неофашисты, необольшевики, дикие националисты, все кто угодно, кроме умеренных консерваторов и традиционалистов.

«Зеркало» (Москва)



НОС

Алексей Смирнов

Его предок был барабанщиком Великой армии Наполеона Бонапарта. Его взяли в плен казаки и продали за четверть одному тульскому помещику, где он прижился и нашел свое призвание - огуливать одиноких русских женщин. Помещик его женил на вдовой солдатке, и он до конца дней исполнял в помещичьем доме роль музыканта на всех инструментах, а заодно учил господских детей своему лягушачьему языку. Не оставлял он при

этом без внимания и бобылок близлежащих деревень. Было это уже очень давно, но все мужчины, родившиеся от барабанщика, и их дети и внуки и правнуки были на него похожи — невысокие, поджарые, чернявые, с огромными горбатыми носами и взглядом рассерженного галльского воина. Все они были очень охочи до мужеского дела и не знали устали в своей деятельности. Люди они были неглупые и не любили физического труда, любили попить водочку и винцо и имели наклонности к барышничеству, то есть перепродать что-нибудь чужое и получить разницу или проценты. До революции они, соревнуясь с цыганами, перепродавали лошадей, скот, воск, мед, птицу, а после революции их потомки оказались в советской торговле. Последнего потомка наполеоновского барабанщика прозвали «Нос», он мой приятель. Настоящее имя его Валерий Яковлевич, он же имеет кликухи «Доцент», «Компьютер». «Доцентом» его прозвали из-за неразлучного с ним черного «дипломата», в который он складывает найденные на обочинах бутылки. Он так же, как и его предки, имеет наклонности к барышничеству. Заходит к знакомым алкашам и предлагает им совместно пропить их имущество, его доля — стакан или два водки. При мне он пропивал немецкий железный рыцарский крест, сочинения Эмиля Золя, фотовспышку, различные трубы, двери, батареи. Однажды он приводил на веревке живую козу, но о ней чуть позже. В прошлом «Нос» был экономистом, интересовался математикой, защитил кандидатскую диссертацию, напечатал больше двадцати статей, был завлабом на военном заводе. У него были жены, квартиры, дети, но все это в прошлом. Теперь он известный поселковый алкоголик, которого очень часто бьют. Собутыльники его тоже из бывшей советской технической элиты — одичавшие главные конструкторы и доктора наук, у них у всех тоже различные звучные клички -«Махно», «Штирлиц». Свои настоящие имена они уже давно забыли и откликаются только на клички. Нос «Носу» свернули в драке на одну сторону, но недавно его снова страшно били и вправили нос на место, отчего он несколько проиграл в своем своеобразии. Нос действительно играет большую роль в его жизни. Он часто выходит на перекресток перед своим домом, у него часть деревянного дома, и принюхивается, поводя своим подергивающимся носом, куда пойти опохмелиться. Как далекий потомок весьма любознательной лягушачьей нации, одарившей человечество плохо кончившими Робеспьером и Лавуазье, «Нос», выпив, делается интересным. Он с жаром говорит о Наполеоне, о маршале Нее, о казаках атамана Платова, о роли наполеоновского начшта-ба Бертье, о его загадочной смерти от

рук английских агентов. Он также много увлеченно толкует о законах сохранения энергии, об энтропии, сыпет фамилиями русских и иностранных авторов, разрабатывавших эти темы. В трезвом же виде он мрачен и скучен, его сизый нос уныло висит, руки в склеротической сетке дрожат. При виде женщин он оживляется, их он огу-ливает, как жестокий козел, он сам себя называет этим животным с всяческим добавлением непристойных и непечатных слов, говоря о своей духовной и физической близости с рогатым самцом, с которым его роднит неутолимая жажда телесных утех и радостей. Учитывая необозримые просторы для деятельности, «Носу» всегда интересно и радостно жить. Он редко бывает печален. А если он и грустен, то это грусть перед новым большим забегом на эротическую дистанцию. Выбор дам его скоротечных романов очень своеобразен. Это вдовушки и разводки его возраста и старше, часто намного старше. Когда его коришь такими пожилыми дамами, то есть в обычном смысле старухами, то у «Носа» есть железный оправдательный аргумент: «Зато она очень хорошо сохранилась и у нее не ослабела жажда наслаждений». А учитывая, что он сам давно разменял шестой десяток, его похождения выглядят весьма забавно. Сыновья и разведенные мужья его пассий часто его бьют, но «Нос» не унывает. Особенно его долго и упорно били, когда он сблизияся с относительно молодой сожительницей ночного торговца водкой — безногого инвалида, которого потом на подтяжках повесили в платяном шкафу его клиенты. «Нос», проходя по улицам, машет руками: «Здесь я огулял пять женщин, а на той улице — восемь». Любимый его способ сблизиться с такой вдовушкой — это предложить ей построить сарай, собачью будку или забор. С этого все начинается. Особенно он ценит вдовушек, у которых дети ездят на «мерседесе», не обязательно трехсотом. О таких он с почтением говорит «Семья на уровне, сын на красном «мерседесе» ездит». Собаки его очень не любят и, только завидя, бегут за ним с упорством, желая разорвать. Штанины у «Носа» всегда прокусаны. Как ветеран сексуального и алкогольного фронта «Нос» ходит всегда в шрамах и ссадинах, не успеют зажить очередные раны, как появляются следующие. На щеке у него свежий глубокий шрам, он заснул на столе около батареи, голова постепенно сползла на радиатор, и щека сгорела до кости, теперь он прикрывает ее бачками. Года полтора назад у «Носа» жила азербайджанская банда, разливали из бочек плохой спирт по водочным бутылкам и закатывали их пробками с заводским штампом. В конце концов, в результате чеченской войны, когда стали ловить черных, милиция с автоматчиками нагрянула к «Носу», арестовала азербайджанцев. В постели «Носа» без его

ведома ай-зеры прятали два автомата Калашникова и три пистолета Макарова. «Носа» арестовали и отвезли с постояльцами в очень популярную московскую тюрьму «Матросская тишина», одновременно Консьержери и Бастилию, где он просидел десять дней, и теперь гордится, что его держали в той же камере, где держали военного министра Язова. Теперь «Нос» вроде как бы политический диссидент. Арест его азербайджанской банды показывали по телевизору, и «Нос» тоже лежал в кадре на полу с наручниками на руках и, как пленная хищная птица, злобно поводил своим выдающимся галльским рубильником. У «Носа» есть мать, тоже потомица барабанщика, восьмидесятилетняя носатая, по-крестьянски ограниченная, жадная и подлая старуха с цепким практическим умом. Она держит при себе семидесятипятилетнего сожителя, рядового чекиста-исполнителя на пенсии. И старуха, и сожитель ежедневно предаются радостям разделенной любви, поражая этим иногда ночующего у них сына. Так как старики глуховаты, то их интимная жизнь носит довольно шумный характер. Именно старуха сдала дом «Носа» азербайджанцам, желая получать хорошие доходы при пошедшем на семя и племя сыне, уже давно нигде не работающем. Да, наверное, и невозможно работать, исправно выполняя функции поселкового племенного козла и выпивая такое количество низкопробного алкоголя. Никаких сил ни у кого не хватит. Так как «Нос» по-галльски человек остроумный и театральный, мы разыграли с ним два хэппенинга. Первый такой: я посоветовал ему не пропивать козу, принадлежащую вдове одного профессора, и отвезти ее обратно к хозяйке. Вдова профессора — красивая пятидесятилетняя спившаяся блондинка — не могла пить и нормально питаться на свою мизерную профессорскую пенсию. Вдова была музыкальна, играла на пианино, они с покойным мужем ходили в консерваторию слушать Баха. «Нос» где-то ей добыл старый трофейный баян, козе повесили на шею сломанную старинную гармошку-однорядку и деревянную дощечку с надписью, которую я написал хорошим шрифтом: «А на хера козе баян?» Вдова оделась в тельняшку и бескозырку, вставила в рот трубку, долго плевалась, не могла ее курить, но потом привыкла, и вместе с козою стала ходить по станциям и рынкам. Вдова играет «На сопках Маньчжурии», коза блекочет и гадит горохом, и все русские люди бесконечно радуются и обильно подают, и «Носу» вдова исправно наливает с похмелья. Сейчас многие, как в войну, с голода коз заводят, но не все они бешеным молочком доятся. Второй хэппенинг связан с самим «Носом». «Нос» при всех его слабостях все-таки кое-какой интеллигент и стихийный шестидесятник — в нем очень сильная антисоциальная закваска.

Был я недавно в костюмерной одного прогорающего театра, у одной очень милой и голодной, как все теперь рядовые театральные служащие, дамы. За банку тушенки она отдала мне старый французский белый жилет и треуголку с кокардой, остались от какой-то постановки. Я подарил эти вещи «Носу», они пришлись ему впору. У очередной вдовушки, бывшей учительницы, он спер из сарая пионерский барабан и горн и теперь с похмелья, а хорошее похмелье поднимает людей еще затемно, «Нос» в треуголке и белом жилете ходит по пустым, еще темным улицам, бьет в барабан, трубит зарю и, завидев знакомых, отдает честь, выкрикивая: «Вив лемпиратор!», а также поет своим глуховатым пропитым голосом: «Во Францию два гренадера из русского плена брели…» Страдающие похмельем алкаши на его музыку выбегают из своих черных обветшалых домов соображать на бутылку, а их разбуженные расхристанные жены гонятся за «Носом» и стараются натравить на него собак покрупнее. Местным озлобленным гегемонам наполеоновские метаморфозы «Носа» не очень нравятся, и его бьют по-прежнему. За что конкретно бьют, он всегда умалчивает, но вряд ли только за женщин. По-видимому, «Нос», как потомственный француз, чуть химичит при разливе водки, за это и убить могут. Если «Нос» при своих наклонностях доживет до преклонных лет — я искренне удивлюсь. Недавно я его спросил, где ему разбили лоб, и он гордо мне ответил: «При Аустерлице, и меня заметил сам император». Говоря это, он почему-то стал по-фашистски выкидывать вперед руку, чего при Наполеоне, как известно, не делали.

«Зеркало» (Москва)

Воинствующие феминистки (№131)

Алексей "фон Раух" Смирнов

ВОИНСТВУЮЩИЕ ФЕМИНИСТКИ СОЦИАЛЬНЫЕ ПОРТРЕТЫ С НАТУРЫ

Алексей Смирнов

Шел я давеча сзади АТС, все телефон хочу поставить. Хожу я к АТС дворами и пустырями, мимо фабрики, где раньше делали статуи больших гранитных женщин с бюстами и задами. Такие тетки могут мужчину сразу задом придавить насмерть. И придавливали, и даже очень.

На одной стройке был прораб -небольшой, но здоровый

мужчинка. Бригада у него была — одни задастые бабы, клали кирпичи, мешали раствор, строительные здоровые женщины. Прораб пил с ними после работы водку — все гордился, что он один среди них мужчина и над бабами начальник. Догордился. Бабы его повалили, штаны сняли, руки ему связали, одна баба ему задом на голову села, а остальные всей бригадой несколько часов кряду насиловали. Дорвались, трудились от души, маленько прибор попортили. Жена прораба настояла, и он подал на свою бригаду в суд за групповое женское изнасилование. Пока суд да дело — все зажило. Всех с работы, в том числе и прораба, за пьянку на службе по статье уволили, а баб за хулиганство еще и оштрафовали. Не смог прораб доказать, что насиловали, вроде как с его согласия они все устроили групповой разврат на рабочем месте.

У многих оштрафованных баб имелись в наличии молодые мужья и дети-груднички, а прорабу под шестьдесят, но мужчинка еще крепкий, к половой жизни способный, есть, значит, что насиловать, а то ведь иногда пытаются совершить насильственный акт, а нечем, и так бывает.

Вообще тема женских насилий над мужчинами очень актуальная и заслуживает всяческого внимания. То, что русский мужчина, да и не только русский, а и всякий живущий в России, превратился в бродячее, пахнущее сивушной бурдой урево, женщины даже очень причем. Они этому очень способствовали своими подлыми низменными инстинктами размножитель-ности и постоянными призывами к воровству. Нужно им, чтобы все всё крали, и чем больше, тем лучше. Они своих мужчин учат «Все крадут, и ты кради, пидарас, чтобы в дом грызунам куски регулярно в зубах пер». Один с бойни хвосты телячьи в семью пер, но мало. Его жена этими хвостами, как плеткой, стегала, весь в синяках всегда ходил, в бане стыдно было показаться. А другой в плавках на яйцах с холодильника в семью телячью вырезку пер, его сторожа поймали, бить по яйцам стали, у него из ширинки кровь от ростбифов потекла, сторожа думали — убили, яйца всмятку разбили, а обошлось. От него еще двое детей-грызунов родилось. Он так до пенсии с тяжелыми плавками ходил, пацаны на этой телячьей вырезке здоровыми бугаями вымахали.

Некоторые женщины так ожесточаются, что соседи лучше их живут, что убивают из зависти мужа и детей. Зайдут в чужую квартиру, мебель плюшевую пощупают, одеяла пуховые погладят и идут из зависти детей и мужа порешать. На русском Севере в бывшем мужском монастыре есть колония женщин мужа- и детоубийц. Они там хвалятся друг перед другом: «Я мужа и троих детей зарубила», а другая: «А я мужа и пятерых детей зарезала

кухонным ножом». А есть и которые газом травят. Отравят, а сами на улицу в одном кружевном белье и в тапочках выйдут, стоят и ждут, когда семья умрет. Потом домой возвращаются и холодный чай с лимоном от радости пьют, и нисколько не жалеют об убитых: «Зря, — говорят, — родили, но вовремя одумались, нечего нищету плодить». А потом сами на себя в милицию заявляют. И всё это женщины трезвые, непьющие, пьющие такого не делают. Пьющие бабы — те душевнее, и всё плачут.

Ко мне одна такая пьющая женщина повадилась ходить опохмеляться. Зоей ее звали. Смолоду красавица была, очень интересная и видная была особа, целые орды поклонников имела. Работала воспитателем в колонии брошенных детей, на хорошем счету была, к тому же партийная и очень положительная, а потом запила горько. Приходила в ночной рубашке и тапочках прямо по снегу. Сверху пальто накинуто, а под ним сиськи еще крепкие болтаются, а сама седая, красивая, в крупных естественных локонах. И всё покойница (царствие ей небесное!) выкрикивала: «Наливай, Леша, полным стаканом, я меньше не пью», а потом обязательно стоя на крыльцо помочится и уйдет. Спирт гидролизный и «Рояль» из черножопских будок пить стала, и вскорости и скончалась.

А еще мой приятель переехал по обмену в новую квартиру в кирпичный дом, а там пара жила — дверь сломана, окна выбиты, жена за мужем с топором бегает, а он от нее с девятого этажа из лоджии прыгает и о тополя амортизирует и живой остается. Три раза прыгал: один раз по веткам, как Тарзан, спустился, а два раза, как грач, на верхушках застревал — пожарных с лестницами вызывали. Милиция протокол составляла и прозвала его «Вова-парашютист». Потом они с женой по разным квартирам разъехались, так жене скучно стало — она к мужу в разменянную однокомнатную квартиру ездит, топором дверь вырубила, окна выбила, но балкона там нет, тополей тоже нет, так что пока так обходятся и не прыгают.

А еще я в деревню ездил, там Сере-ню хоронили. Деревня под Курском большая, километра на два, но от алкоголизма вымерла, мужиков мало осталось, а которые есть, все худые-худые — каждый по десять и больше баб за самогон обслуживает. Серёню жена топором во сне по виску хрясть, как капусту, и зарубила. Он от этого и умер сразу, даже не хрюкнул. А ведь больно, когда топором по виску с силой рубят… Зарубила она его идейно, всем и ему заранее объявляла, что зарубит: «Чтобы такой гад не жил вообще». Он красивый был, голубоглазый, кудрявый, а яйца у него всегда от самогонной любви пустые-пустые •болтались. Пока жена на работе в совхозе пашет — его охочие старушки к себе

водят. Он их и по нескольку штук за раз огуливал. И двух сестер-близняшек, и мать с дочерью, и свекровь с вдовой невесткой. Чтобы не распыляться по разным точкам, обрабатывал коллективно. Их собственные мужчины от сивухизации давно окончились и глину на бугре за церковью нюхают себе на здоровье. Серёню одни мужики хоронили, на вытянутых руках несли, вроде как жертву революции или фронтового товарища. Баб на похоронах из экуменической эмансипационной солидарности вообще не было. Они все в этот день активно экуменировали — собрались без мужиков и бражку против мужского пола пили. Выпили шесть ведер и волчицами по деревне всю ночь выли, всех дворняжек всполошили, и они троих овец с тоски загрызли и обглодали.

Вообще с эмансипацией и экуменизмом дело обстоит очень сурово. Как известно, женская думская фракция рвется к власти и хочет ввести насильственную стерилизацию алкоголиков и жертв афганской войны, чтобы не размножались и не плодили уродов. Несколько закоренелых феминисток, впавших в бомжизм, поселились в мошонке мухинской статуи «Рабочий и колхозница», которая в некотором роде была символом не только «Мосфильма», но и СССР. В мошонке рабочего есть подобие комнаты, там феминистки пьют портвейн, курят анашу, глодают отнятые у собак кости и предаются гетеросексуализму. Их даже как-то показывали по программе «Останкино», причем диктор недоумевал, зачем они живут в алюминиевой мошонке рабочего, а не колхозницы, у которой, правда, мошонки нет, но есть выдающийся желудок и две алюминиевые груди. По-моему, разница маленькая: хочешь жни, а хочешь куй…

Обо всем этом я думал, идя сзади АТС, где лежат огромные руки и ноги невостребованных советских статуй. Прямо остров Пасхи или египетские Сфинксы. Как известно, на этой же фабрике изготовляли в далекие годы начала советской эры и статую «Рабочий и колхозница», которую так полюбили нынешние феминистки. Там же, проходя мимо одного шестиэтажного дома, я увидел сцену, меня поразившую, хотя поразить меня довольно трудно. Из парадного на первом этаже выбежала миловидная женщина с серыми глазками, лет за тридцать, в руках у нее был черенок от граблей или лопаты с металлическим обломком на конце, и она этим черенком шустро выбила на первом этаже все три окна своей квартиры — кухни, гостиной и спальни. Била резко, профессионально, видно, что у нее есть навык. За стеклами метался полный мужчина с испуганным грустным и интеллигентным лицом и двое детей — мальчик и девочка. Дети плакали и кричали: «Мама, не надо, пожалей папу, мы замерзнем.

Мама, не убивай папу». Когда мужчина подходил к окну, женщина пыталась достать палкой до его лица. Старухи у подъезда сокрушенно переговаривались: «Хоть бы она умерла, третий раз все стекла выбивает. Такой хороший добрый человек, и так детей любит». Была ранняя весна и шел редкий колючий снег.

Из сборника «Дворняжьи небыли, или песни из подворотни», 1995

«Зеркало» (Москва)

Стихи (№35)

Алексей "фон Раух" Смирнов

АПОКАЛИПСИС
Автор: admin, 02 Мар 2011
РАЗНОЕ

Алексей Смирнов

* * *

У нас две России

Ваша покорная в лозунгах верности

Моя с Георгием на стяге

Они разошлись не сегодня

Наверное они никогда не встретятся

Умрут в разных концах земли

Забыв о той что была их колыбелью

Что стоит открытой черноземной раной

Так и не дождущейся спасительного дождя крови

Меж всем пролегла межа

Или танковый ров с телами

Эту межу не перейти смертному

И о ней моя запоздалая песня

* * *

Я – Император бездонности

Я – поэт эпохи маразма

Я – мастурбатор Византии

Я – борец антифеминизма

Ура всему сущему

Да здравствует Первое Мая

Ким Ир Сен – друг поэзии

Мы – детсад иллюзионизма

Нас осталось совсем немного

Нас – бардов пятьдесят шестого

Мы – библейские пророки татарщины

Несущие Рязань через Израиль

Нашими костями усеяно Красное море

Мы по-октябрьски приветствуем пирамиды

Мы повесили на Сфинкс серп и молот

Мы – новые праотцы человечества

Сзади нас Клеопатра

К ее сосцам подполз Чернышевский

Скрижали Моисея на каждой полке нашего дома

Улыбаются треснутым пополам Капиталам

Наше величие – подлинное безвременье

Наши усмешки оправданы нашей пустотой

Мы – Печорины из коровника

Мы – Данты Вавилонской башни социализма

* * *

Евреи – народ-победитель

Народ-спаситель всего сущего

Россия – это прах на визе ОВИРа

Исход всеобщ и библеен

Тонкие розы Иерихона

Расцвели в стрелецких слободах

Лобное место не бывает пусто

Теперь на дыбе Ицхак Аввакумович

Лилеи Библеи Евреи Евреи

Евреи Библеи

Евреи Лилеи

Я блею лелея евреев

* * *

Мы самые опасные люди планеты

Мы устояли перед самым ужасным давлением

И устояв стали тверже брони

Нас ведут алые стяги маразма

Мы признаем пурпур алого

Для нас он пурпур величия

Мы гордимся красным флагом

Наше красное – другое чем их

Наше красное – наша кровь на их руках

Наше красное – наше презрение на их площадях

Красная площадь была Красной до них

Мы красны скифством от рождения

Мы самые опасные люди планеты

Маразм вошел в каждую пору нашего Я

Мы – тот фитиль который взорвет все

Своим маразмом мы разрушим пирамиду истории

* * *

Только взрыв абсурда поколеблет ком в горле времени

Выплюнет мещанское дерьмо на слизь площадей

Мировая революция – это гетакомбы абсурда

Двинутые вперед ордами маразматиков

Вперед на штурм государственности

Разрушим жалкие мещанские лавки границ

Респектабельное насилие падет перед нами

Мы дикие мустанги московского абсурда

Мир скован договорами тиранов

Он един в своей античеловечности

Полотна стягов укутывают раскрашенные трупы

Тело Европы придушено меркантилизмом

Мы должны начать все сначала

У нас только один путь – абсурд

Полное неучастие в государственности

И разрушение всех идеологий

Я отдаю меч абсурда вам – пятнадцатилетние

Вы довершите разрушение твердынь

Мы – старая гвардия московских маразматиков

Благословляем вас – гунны двадцать первого века

Сметайте все без разбора

Только в этом дорога истинной свободы

* * *

Я искал ветер

А нашел поле

Оно было тихое

И посреди него лежал труп

Я перевернул его

У него было мое лицо

Но я его не узнал

У него было слишком честное выражение

Никто не знает своего конца

Но каждый его ищет

Опираясь на костыли привязанностей

И боясь идти этой дорогой один

* * *

Их было много

Все во что-то верили

Все стали желтыми

На выгоревших фото ЧК

Они познали рай через затылок

Это самая лучшая дорога

Ведь в рай всегда входят сзади

И ЧК не придумало ничего нового

Серые заборы России

Единственная русская книга

Ее написал народ

Который не забыл ничего кроме забора

Их было много

Они все во что-то вреили

И ходили вдоль забора

Хотя в нем было много дыр

Вдоль серого забора России

Пронесли все знамена мира

Промаршировали все орды и легионы

И от них остались только желтые фото

В вечно юном архиве ЧК

* * *

Близится двенадцатый час России

Огонь отмщения уже у врат

Готов обрушиться на эту грешную землю

И просветлить ее лик

С глаз стечет расплавленный жир

Черви трупов обнажат мрамор

Пошлость мещан затрещит стекая

На придавленные воплями византийские веки

Час отмщения близок

Белые орлы вьются по-новому

Их клекот слышу я один

Скоро начнется половодье огня

И вместо льдин поплывут

Гробы с мнимым величием

* * *

Вашим проституточьим глазам

Вашим проституточьим улыбкам

Я могу противопоставить только одно

Мою веру в Великую Россию

Великую Россию распятую

Великую Россию расстрелянную

Великую Россию замолкшую

Она одна на свете Великая Россия

Волею судеб мне дано усмехаться

Когда все другие стенают

Волею судеб я вне суда истории

Моя судьба – Великая Россия

И она оправдает меня во всем